

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 10

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Марат ШАФИЕВ. <i>Рассказы</i>	36
Гюльшан ТОФИГГЫЗЫ. <i>Рассказы</i>	84
Бен ДЖЕЛЛУН ТАХАР. <i>Отрывок из романа</i>	118

ПОЭЗИЯ

Елизавета КАСУМОВА. <i>Стихи</i>	30
Ирина ЗЕЙНАЛЛЫ. <i>Стихи</i>	43
Вера ВЕЛИХАНОВА. <i>Стихи</i>	80
Тофик АГАЕВ. <i>Верлибры и двустишия</i>	117

ПУБЛИЦИСТИКА

Литературный диалог. <i>Интервью с ЭЛЬЧИНОМ (Окончание)</i>	3
Таира ДЖАФАРОВА. <i>Преданья старого Баку и путь в Суоми (Продолжение)</i>	44
Юрий МАМЕДОВ. <i>Наш добрый, старый Баку</i>	73
Эмиль АГАЕВ. <i>У «подъезда» власти. Собака – друг машины?</i>	110
Геннадий САЛАЕВ. <i>Две судьбы</i>	128

2016

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Сдано в печать 07.10.2016г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2016 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ*

Народный писатель Эльчин отвечает на вопросы Яшара Алиева

Творчество Эльчина

ЯШАР – А теперь, Эльчин-муаллим, я бы хотел повести разговор сугубо о вашем литературном творчестве.

Иные писатели обозначают свою воображаемую территорию отмеченными условными топонимами: Йокнапатофа Фолкнера, Макондо Маркеса, Смокут Матевосяна и т.д. А ваша воображаемая, символическая территория – Абшерон. Окрестные бакинские селения, начиная с первых проб пера, и позднее временами являлись местом обитания ваших персонажей, локальным пространством происходящих в ваших произведениях событий. Я даже выскажу, может, парадоксальную мысль: воссозданный Эльчином Абшерон больше похож на самого себя, чем Абшерон реальный. В вашей прозе не только люди Абшерона предстают рельефно живыми, но, кажется, явственно слышится шум тамошних ветров, ощущается запах моря, жар раскаленных песков. Почему именно Абшерон, что привлекло гарабахского родом писателя в этом краю, в людях этого полуострова?

ЭЛЬЧИН – В контексте твоего вопроса: интересно, что, в отличие от других коллег, у Ильяса Эфендиева не было дачи на Абшероне, да и я бывал на таких дачах только в качестве гостя. Когда шла речь о даче (по-азербайджански – «bağ» – сад), то для Ильяса Эфендиева это означало «райские кущи» Гарабаха, дома, утопающие в зелени развесистых деревьев, в роскоши цветущего разнотравья, и он никак не воспринимал дачу как песчаный уголок с редкими инжировыми деревьями и стелящейся виноградной лозой. А для меня абшеронские дачи столь же близки, как благодатные гарабахские кущи. Еще в отрочестве, гостя со сверстниками-приятелями на абшеронских дачах, я открыл для себя романтику этих песчаных приморских привольий, воспетых Михаилом Мушфигом («О, если бы то лето повторилось...»). Позднее, обходя Абшерон, знакомясь воочию с житьем-бытьем, повседневными заботами, радостями и печальями абшеронских жителей, я узнавал их накоротке, и, видимо, у меня внутри зрел протест: почему эти колоритные, праведные, работающие люди в нашей азербайджанской литературе фигурируют лишь как объекты легковесной сатиры, о чем я говорил в связи с Балададашем. Место действия в моих повестях «История одной встречи», «Инжировое дерево», «Кумган», в ряде рассказов – Абшерон, и, признаюсь, эта «личная литературная традиция» сложилась совершенно естественным образом. Даже в повестях из серии «Беженцы» – «Байрагдар», в рассказах «Гарабахское шикесте», «Горы маячат в окне по ночам...» – события происходят на Абшероне, конкретно – в поселке Бузовны.

ЯШАР – Эльчин-муаллим, вы – человек, проживший комфортную, обеспеченную жизнь. И ваша писательская деятельность с самого начала сложилась успешно. А парадокс в том, что в ваших произведениях образы людей-неудачников, оказавшихся «на дне» жизни, получаются более естественными, более убедительными. И у читателя создается впечатление, что писатель не смог бы раскрыть эти судьбы, внутренний мир этих людей со всей объективностью без личного переживания – сопереживания.

* Окончание. Начало в № 9, 2016г.

ЭЛЬЧИН – Знаешь, Яшар, один из моих старых друзей, покойный профессор Аббас Заманов, на вопрос о его самочувствии, независимо от состояния души, отвечал: «Не жалуюсь!». И «комфортность», и «обеспеченная жизнь», и «успешность» – понятия условные, но, как говаривал Аббас-муаллим, «не жалуюсь!».

В связи с твоим интересным вопросом задам такой встречный вопрос: «Каким образом две тысячи лет спустя после падения Карфагена Флобер написал «Саламбо»? Или страдавший туберкулезом Стивенсон, лишенный возможности путешествовать, – как же он написал прекрасные приключенческие книги, где полным-полно далеких странствий?»

Ясное дело, я не сопоставляю себя с Флобером и, отводя себя в сторонку, говорю: речь идет о роли писательского наития, творческой интуиции. Потому-то англичанин Шекспир, создав не только образ английского короля Ричарда Третьего, но и образы датского принца Гамлета, афинца Тимона, египетской царицы Клеопатры, сумел раскрыть их внутренний мир, как ты говоришь, «со всей обнаженностью».

Ты можешь писать и о том, чему был непосредственным очевидцем, и, напротив, написанное тобой может быть всецело плодом художественного воображения. Да, Флобер не жил в Карфагене, но вот «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, к примеру, занимающие особое место в жанре русского рассказа XX века, я считаю шедеврами русского рассказа вообще, а в особенности рассказ «Последний бой майора Пугачева».

Варлам Шаламов, сосланный на Колыму, как «враг народа», там пережил жизнь узника и воочию видел описанные в этом рассказе события.

ЯШАР – Томас Вульф говорит: «...писатели создают свою биографию, и я не знаю более автобиографичного произведения, чем «Приключения Гулливера». Эльчин-муаллим, как вы относитесь к этому суждению? Когда вы чувствуете себя более уверенно – когда воплощаете свои переживания или когда даете полную свободу своей фантазии?»

ЭЛЬЧИН – Наш общий с тобою друг Томас Вульф, похоже, с «Гулливером» чуть перегнул палку. Но для меня истина в следующем: о чем бы ни писал автор, пусть пишет, но он всегда пишет прежде всего о себе.

Мы же говорили: предмет литературы – человеческая природа, характер. Каждый писатель видит воплощаемую тему, изображаемый характер через призму своей натуры, стремится прочувствовать и постичь это посредством своих чувствований, своего художественного мышления. Для меня нет водораздела между увиденным, пережитым непосредственно и художественной фантазией. Эти два начала – в самой тесной взаимосвязи, взаимодействии. Наподобие сиамских близнецов – две головы, а тело едино.

ЯШАР – Проза таких корифеев, как Чехов, Борхес, Кардосо ограничилась преимущественно рассказом. А ваши первые пробы пера – включая и повести – оповещают о мастере-рассказчике в нашей литературе. Тогда я хотел бы знать, каким образом писатель позднее отказывается от самовыражения рассказом, решив обратиться к объемным жанрам, к роману? Хорошо бы связать ответ на вопрос с вашим личным опытом.

ЭЛЬЧИН – Рассказ – очень близкий мне жанр. Рассказ не утомляет, не тяготит, не изводит меня. Но не все заботящие, волнующие писателя темы можно вместить в рамки рассказа. Скажу откровенно, я всегда был далек от желания написать роман ради романа, или пьесу ради пьесы. Я никогда не определял тему с прицелом на жанр, сама тема определяла жанр. В очень молодом возрасте я написал небольшую повесть «Асли и Керем», которая была опубликована в начале шестидесятых годов, кажется, в журнале «Азербайджан». Эта повесть носила на себе печать моего отроческого, юношеского «шапкозакидательского» отношения к национальной литературе и вообще к литературному наследию, мои Асли и Керем были современными молодыми людьми, заикленными на своих интересах, живущие своей жизнью, и, вопреки легендарным героям, пикировались друг с другом: «Керем, я не люблю

тебя», «Асли, я тоже тебя не люблю». Здесь сквозил наивный протест против дастанного пафоса.

К слову, исходя из своего опыта, советую молодым авторам, присылающим мне рукописи на прочтение, не спешить напечататься. Каченовский не опубликовал первые стихи шестнадцатилетнего Пушкина, и позднее поэт адресовал ему свои знаменитые эпиграммы. Верно, эпиграммы те весьма остроумны, но вместе с тем, думаю, что в чем-то и Каченовского можно понять...

Вернусь к вопросу.

Минули годы, «страсти улеглись», и наше литературное наследие, наш фольклор заняли подобающее место в моих творческих исканиях, раздумьях, отношении к литературе, и совершенно неожиданно в моих замыслах вызрела тема романа «Махмуд и Марьям», отпочковавшаяся от мотивов дастана «Асли и Керем». Масштабы темы, чающего высказаться слова были таковы, что я не смог бы втиснуть их в рассказ или повесть (на Западе нет в градации жанров «повести», говорят – «роман», а в Турции «повесть называют попросту «большим рассказом»). Тема потребовала своего жанра, и написан роман «Махмуд и Марьям». Так же и в написанных позднее романах «Белый верблюд» и «Смертный приговор» – темы определили свои жанры. Все сказанное – элементы моего опыта, а другой писатель, возможно, дал бы на твои вопросы иные ответы.

ЯШАР – Иные писатели, скажем, Гаршин, Фолкнер и др. в целях раскрытия характера, внутреннего мира героя представляют его в критической психологической ситуации, в моменты, когда он находится между жизнью и смертью. Но вы преимущественно предоставляете своих героев воле событий. И их характер проявляется и развивается именно на фоне сюжета, драматизма событий. То есть, если можно так выразиться, вы предпочитаете наблюдать героя со стороны, нежели «засиживаться» внутри него. Вероятно, потому и события у вас излагаются не от первого лица, а всегда – от третьего.

ЭЛЬЧИН – Яшар, твой вопрос затрагивает такие пласты, что исчерпывающе ответить на него, наверно, смогут критики.

В том, что я «наблюдаю героев со стороны», может, ты и прав, но если я не буду полностью знать и чувствовать их «нутро», их внутренний мир, думаю, из этих моих «наблюдений со стороны» не выйдет ничего путного.

С остальными твоими суждениями согласен. Человека узнаешь ближе в динамике повседневных малых-больших событий, ибо в эти моменты раскрывается характер, в потоке событий ты чувствуешь, прозреваешь его внутренний мир. Так и с литературными героями. Их характер обнажается с развитием сюжета, описываемых событий, и завеса, сокрывавшая их внутренний мир, постепенно спадает.

Но значит ли это, что все произведения должны писаться таким образом? Все зависит от индивидуальной психологии творчества, индивидуальных особенностей художественного воображения автора. Гениальный мастер представления героя в схватке на грани жизни и смерти – Шекспир. Перо Шекспира находит свое высшее выражение в стихии бурных страстей. А буря страстей предполагает ту самую смертную схватку. И здесь само слово Шекспира накаляется, расплывается, его персонажи пускают в ход подобающую лексику, и нам предстает импульсивный пыл Гамлета, ревность Отелло, изощренное коварство Яго...

Вспомним-ка «Анну Каренину» или «Мадам Бовари». В этих тематически близких романах бурных страстей не меньше, чем в «Отелло» или же в «Тите Андронике», «Макбете». Но и Толстой, и Флобер представляют эти бурные страсти, сами не поддаваясь эмоциям, неспешно, психологически обстоятельно, даже, так сказать, с художественно-эстетическим тактом и сдержанностью.

И в этом случае сущность характеров также раскрывается на «фоне драматизма событий», как ты говоришь.

ЯШАР – По-моему, молодому человеку, почувствовавшему в себе дар писательства, нет нужды для подпитки таланта университетским или прочим образованием; достаточно ему прочесть ваши «Литературные раздумья».

Я бы уподобил эти заметки, сложившиеся в ходе многолетних, лишавших покоя и сна, размышлений, скучным крупичам-золотникам в тоннах промываемого песка на приисках.

То есть, ваши краткие умозаключения о том или ином произведении и писателе, пройдя проверку временем, питались соками из многих и многих книг.

ЭЛЬЧИН – Яшар, мне отраднo твое мнение о «Литературных раздумьях». Возникновение их для меня оказалось совершенно неожиданным событием. Одно дело, когда вдруг, внезапно берешься писать какую-то вещь, бывало у меня и такое. Другое дело, когда появляется целая книга, которой и сам автор не ожидал. О чем я и писал в предисловии к «Раздумьям».

Дело вот в чем: я с самой юной поры делал заметки двумя-тремя фразами – о впечатлениях от прочитанных книг, записывал спонтанно возникающие (и могущие забыться) мысли о литературных героях, о литературе, о жизни вообще, – будучи дома, заносил их спокойно в тетрадь, а в иных случаях – на каком-то заседании, в театре, в компании, в купе поезда, в самолете и т.п. – на клочке бумаги, на пригласительном билете, программе, в блокноте и т.п.; этой привычке верен и поныне. Я никак не думал, не гадал, что эти заметки когда-нибудь сложатся в книгу, и, в отличие от Ильеса Эфендиева, нисколько не пекшегося о своем архиве, эти заметки не пропали, я их сберег.

В 2001 году я решил упорядочить свой весьма разрозненный архив, и заметки, извлеченные из разных уголков, составили несколько папок. Я отобрал из этой массы все, связанное с литературой и, не меняя разновременнo написанное, сложил воедино – так и появилась книга «Литературные раздумья».

И знаешь, что примечательно? В «Раздумьях» содержатся такие суждения, которых сегодня я не разделяю, порой даже оппонирую им, но, полагаю, что это один из плюсов «Раздумий»: значит, они побуждают мыслить, инициируют обмен мнениями, споры, они не статичны, а динамичны. И когда «Литературные раздумья» стали завершившимся трудом, знаешь, я испытал грустноватое чувство: конечно, читано-перечитано немало, но куда больше осталось, и, видно, так и останется, не прочитанным...

ЯШАР – В «Литературных раздумьях» ощущается ваша особая симпатия к одному мастеру слова. Это, конечно, Лев Толстой. Я вспомнил великого русского художника неспроста. В последнее время в печати раз за разом появляются ваши сказки. И Лев Толстой публиковал в известном смысле схожие, дидактические, нравоучительные притчи. Нет ли здесь подспудного влияния, можно ли искать подсознательную гравитацию между вами и русским классиком?

ЭЛЬЧИН – У каждого человека, читающего Толстого, может возникнуть подсознательная связь с ним, это зависит от читателя. Толстой есть Толстой, и если читающий его понимает, постигает, вникает в него, то такая «подспудная» (или явная!) связь, такая подсознательная (или сознательная!) связь – естественна.

Что до моих сказок, то они, очевидно, выражение моих суждений о жизни, о мире и делах на этом свете. В них может быть непосредственное влияние не Толстого, а толстовства.

Когда-то я писал о своей несбывшейся задумке, которая мне вспомнилась вновь в связи с твоим вопросом. Смолоду одним из моих заветных творческих чаяний было желание написать книгу «За что я люблю Толстого?» У меня накопилось несколько пухлых тетрадей с заметками, но та книга до сих пор не написана и, похоже, никогда не напишется...

А знаешь, почему?

Однажды у Толстого спросили: что вы хотели сказать в «Анне Карениной»? Толстой

сказал, мол, чтобы ответить на этот вопрос, я должен заново написать «Анну Каренину» с первой фразы до последней.

И я, чтобы ответить на вопрос «За что я люблю Толстого?», должен заново переписать все творения Толстого – от «Детства» до последних произведений – и представить читателям.

Толстой – в первую очередь – писатель, выразивший душу русского народа и тем самым явивший миру общечеловеческие духовные ценности. Путь к общечеловеческому пролегает через национальное, и самое наглядное воплощение этой идеи – толстовское творчество. Очень трудно найти другого художника, который столь глубоко и всеохватно выразил свой народ, как Толстой. Толстой сущностно национален в той степени, что это национальное начало подняло его до звания гражданина мира, космополита в высшем значении слова.

Вспомним «Анну Каренину» или «Войну и мир». Сколько раз экранизированы эти романы, для меня, как читателя и зрителя, Наташа Людмилы Савельевой ближе, чем Наташа Одри Хепберн, или Анна Татьяна Самойловой ближе, чем она же в воплощении и Греты Гарбо, и Вивьен Ли, или Пьер Сергея Бондарчука ближе, роднее, чем Пьер Генри Фонды. Не потому, что перечисленные иностранные мастера кино менее талантливы, чем их русские коллеги, а потому, что и Анна, и Наташа, и Пьер Безухов прежде всего – представители русского светского общества, и только после – образы мирового масштаба; даже при их киновоплощениях этническая принадлежность играет значимую роль.

Конечно, чтобы добиться такой национально-художественной масштабности, нужна соответствующая художественно-эстетическая мощь. Будь художественный образ Наташи Ростовой слаб, кто бы поверил в истинность чувств князя Болконского? Кто бы принял эту любовь? И не будь любовь Анны к Вронскому воплощена на высочайшем художественно-психологическом уровне, то о чем бы говорили читателю терзания Каренина?

Обрати внимание: творчество Хемингуэя, его манера письма и Толстой, на первый взгляд, совершенно далеко отстоящие друг от друга полюса. Но Хемингуэй считал Толстого своим учителем. Вот он, образец той подсознательной связи, о которой ты говорил.

ЯШАР – Лорка образно говорил: процесс письма для поэта – как вхождение в лесную чащу. Он входит в лес, а что будет его охотничьим трофеем, он не знает. Маркес считал труднейшим процессом – найти ключ, вернее, вход в произведение. В отличие от Лорки, он не вступает в лес, пока не уяснит себя, что именно будет его добычей. А как протекает этот процесс у вас: все заранее продумывается или предоставляется воле дороги под названием время? Может, есть совершенно другие рецепты?

ЭЛЬЧИН – Процесс написания произведения – очень приватный, личный, я бы даже сказал, в чем-то интимный, и я предполагаю, что у каждого пишущего есть своя, внутренняя, так сказать, инфраструктура.

Все «заранее продумывать» – не по мне. Естественно, я знаю, о ком и о чем буду писать. Что хочу сказать: мне ясно видится внутренний мир персонажей, однако сюжет призрачен, и в ходе письма этот сюжет конкретизируется импровизациями. В воображении вырисовываются новые сюжеты, это как бы умножение молекул, и я не знаю, за какую зацепку «ухвачусь», пишу, остальное забывается, рождаются новые ходы. Наверно, в контексте твоего вопроса интересно и то, что, независимо от жанра, я четко представляю финал создаваемой вещи, а вот начало, особенно в рассказах, зачастую видится смутно. Потому многие рассказы у меня начинаются со слов «...и потом...»; и это не ради какой-то утвердившейся традиции, просто как бы продолжение оставшегося «за кадром» сюжетного события, того, о чем хочу сказать.

Я пишу очень скоро, как говорится, на одном дыхании. В процессе письма не застреваю в колебаниях, дескать, может, написать так или этак, и для меня нет разницы, где, в каких условиях пишу. Смолоду мне доводилось часто ездить, путешествовать, и куда бы ни отправлялся, при мне всегда была пишущая машинка, а позднее ноутбук.

Только однажды, когда я писал «Махмуд и Марьям», урбанизация, весьма далекая от средневековья, никак не давала мне возможности писать этот роман в Баку. Тогда, в 1982 году, я работал в Союзе писателей, было лето; поэт Муса Ягуб работал редактором Исмаиллинской районной газеты; я позвонил ему с просьбой: пусть он снимет для меня комнату в селе Талыстан и никого не ставит в известность о моем приезде. В ту пору в Исмаиллинском районе работали мои незабвенные друзья: Гашам Асланов возглавлял Исмаиллинский райком партии, а Исмет Гаибов – районную прокуратуру; я хотел, чтобы и они не ведали о «талыстанском квартиранте». Это живописное село у подножья гор я несколько раз видел издали, и, воодушевленным желанием удалиться в тихий уголок и наконец-таки заняться романом, я взял отпуск и махнул в Талыстан, где остановился в доме у местного тракториста.

На подворье у меня был рабочий кабинет – не верю, чтобы на свете у какого-либо писателя был столь же прекрасный кабинет: большая матерая яблоня, отягощенная обильными плодами, с ветвями, касающимися земли; я притащил под этот роскошный шатер табуретку, взгромоздил три-четыре ящика и поставил на них пишущую машинку. Поутру, с восходом солнца, я входил в этот «кабинет» и покидал его на закате; в полдень – чай да легкая закуска, и все. Хозяйские петухи кукарекали то вовремя, то невпопад, квочки и цыплята с кудахтаньем и писком копошились вокруг, мычала поутру буренка, уводимая со стадом на выгон и возвращавшаяся ввечеру; спозаранку запевали птицы, под вечер двор наполняло стрекотание цикад, и я, под туканье-таканье пишмашинки, как говаривал Ильяс Эфендиев, писал свой роман.

Уж конечно, и Гашам, и Исмет раскрыли мое «инкогнито», в Исмаиллы тогда же ходил Чингиз Алекперзаде, колоритнейший, компанейский человек, и он, «с подачи» Мусы Ягуба, доискался меня, и мы почасту виделись, но – после заката солнца, и таким образом за восемнадцать дней в Талыстане я завершил «Махмуд и Марьям».

Я упомянул о туканьи-таканьи пишмашинки, вспомнился мне эпизод, вероятно, любопытный в связи с твоим вопросом. Ильяс Эфендиев работал в условиях полнейшей тишины, прежде – макая перо в чернильницу, а в последнюю пору – авторучкой, и иногда недоуменно спрашивал у меня, как, мол, ты можешь писать под громыхание пишущей машинки? Я полушутя отзывался: а ты как пишешь без этого перестука?

Завершу ответ на твой вопрос: сколько писателей в мире, столько разновидностей процесса писания.

ЯШАР – Магия театра влекла многих писателей. Должно быть, немалую роль в этом играет и желание писателя воочию увидеть в реальном зрителе своего абстрактного читателя. Так, если в прозе автор адресуется к читателю, которого он не может лицезреть, то, так сказать, «покупателем» драматурга, его продукции, является зритель, и его реакция – налицо. Пьесу можно назвать как бы и спектаклем, разыгрываемым не только на сцене, но и между драматургом и зрителем.

Драматургия в вашем творчестве занимает особое место. Ваша плодотворная драматургическая деятельность последних лет дает основание предположить, что вас больше привлекает театр. Интересно узнать, как у вас возникла такая потребность в визуальном самовыражении?

ЭЛЬЧИН – Свою первую пьесу – «Мечта в почтовом отделении» – я написал в двадцатилетнем возрасте. Первым ее читателем, естественно, был Ильяс Эфендиев. Затем я показал рукопись, хорошо помню, Яшару Гараеву, Юсифу Самедоглу, Анару, Аразу Дашаде, Рахману Бадалову – тогда была такая хорошая традиция между друзьями; они прочли, им пьеса понравилась. Но тогда – в конце 60-х годов – «Главлит» не дал разрешения на постановку пьесы. Причиной было – произведение прививает пессимизм, искажает представление жизнь молодых советских девушек и т.п. Пьесу хотел поставить Мехти Мамедов, но, увы, это оказалось невозможным. Не сбылось и наше сотрудничество с Агакиши Кязимовым,

новоиспеченным выпускником ленинградского вуза. Представь себе, Яшар, я давал пьесу на прочтение и тогдашнему секретарю ЦК по идеологии Джафару Джафарову, ему тоже понравилась, но и он не смог сказать ни слова «Главлиту». Незабвенный Аббас Заманов, взяв пьесу, пооббивал пороги инстанций с присущей ему участливостью и смелостью, и опять же тщетно. Короче, злключения с пьесой – долгий разговор. И я, с молодой амбициозностью перечеркнув слово «пьеса», заменил его на «драматическую повесть», и под этим атрибутом «Мечта в почтовом отделении» была напечатана, переведена на другие языки.

Вторую пьесу – «Ах, Париж, Париж!..» – я написал в 1992 году. Правда, между делом я написал ряд одноактных пьес для радио и ТВ; и театр для меня всегда оставался родным, но я долгое время не писал ничего сценического, только прозу, рассказы, повести, романы. Ильяс Эфендиев, читая их, каждый раз сетовал: зря ты не пишешь пьес; вероятно, он угадывал в моей прозе потенциальную драматургию. Четырнадцать пьес из написанных после «Ах, Париж, Париж!..» поставлены на сцене, есть и ряд пьес, которые я еще не представил театрам – вообще, Яшар, я считаю, что в портфеле писателя должно и после него оставаться еще нечто. Когда моя творческая «поклажа» полна, я чувствую себя хорошо не только душевно, но и физически. Иногда задаюсь вопросом: если «копнуть поглубже», кто же герои твоих пьес?

Недавно я вновь просмотрел подстрочные переводы «Пятерицы» Низами. В «Лейли и Меджнуне» высказана такая мысль: жизнь – это зерна в хурджине отпущенного земного срока, а смерть – хищная птица, которая, дырявя хурджин, уносит зерна.

Думаю, герои моих пьес (будь то комедия, трагикомедия или трагедия), независимо от жанра, люди, осознающие эту истину.

А театр, по-моему, это сложнейшая сфера искусства, точнее, ее проявление. Во время спектакля артисты взаимодействуют не только с партнерами, но и со зрителями. Причем, это живое партнерство. А у писателя партнер, визави – лишь один человек, читающий его роман или рассказ; но пьеса пишется для театра, и драматург призван учитывать это уникальное обстоятельство.

Если еще подробнее: партнеры артистов – это и исполнители других ролей, и в целом – коллектив. Такое коллективное сотворчество – в основе театрального искусства. Если пьеса (роман, живописное полотно, симфония и т.д.) – самовыражение индивидуума – автора, то театр, как ни важны индивидуально и драматург, и режиссер, и исполнители, – это коллективное самовыражение.

Есть серьезное отличие в этом смысле между драматургией и театром. Не будем заглядывать далеко, вспомним мировую драматургию XX столетия, богатейшее духовное наследие, и в этом нас убеждает прочтение пьес О'Кейси, О'Нила, Брехта, Ануя, Ионеско, Беккета, Сартра, Вампилова, Миллера, Дюренматта, Олби и других драматургов, при этом действуют художественно-эстетические критерии не театральные, а литературные.

Век двадцатый явился веком научно-технической революции, и драматургия смогла пойти в ногу с этим скачком вперед, но жаль, что опыт современной мировой драматургии в Азербайджане изучается лишь немногими писателями и драматургами; а театроведение всецело осталось вне этого процесса, и данное обстоятельство – одна из основных причин проникновения дилетантизма в литературный процесс, в область театроведения.

Я снова вольно или невольно возвращаюсь к литературному процессу, к критике.

В свое время Джафар Джафаров и Яшар Гараев подняли анализ новых постановок, вообще театроведение на самые высокие рубежи нашего художественного процесса, создали школу современного театроведения. Аббас Заманов, Раиса Раева, Адила Алиева, Ингилаб Керимов, Вета Надирова, Адила Исмаилова, другие профессиональные ревнители театра отслеживали спектакли бакинских театров и участвовали в литературном процессе авторитетным словом.

Ныне у нас есть видные специалисты, занимающиеся историей и проблематикой театра, однако мы редко встречаем аналитические статьи, последовательно и профессионально оценивающие новые постановки.

Марьям Ализаде, Ильхам Рагимли, Айдын Талыбзаде, Агабаба Исмаилоглу – известные представители вышеозначенной школы, однако нет у нас молодых, влюбленных в театр, энергичных, профессиональных театроведов (театральных критиков), которые могли бы после вышеназванных, примыкающих к старшему поколению специалистов, составить новую генерацию.

Верно, время от времени о театре пишут и наши профессиональные литературные критики, но речь идет сейчас о критике театральной, потому эти эпизодические публикации не заполняют пробелов в этой области, и оттого во многих печатных отзывах «гуляет» безграмотность, пьеса называется сценарием, Шиллера путают с Шекспиром, вместо «построенная режиссером мизансцена» оказывается, «режиссер дает оформление мизансцене» и т.п.

Я выше говорил об изучении опыта мировой драматургии нашими мастерами слова, и в этой связи могу назвать имена двух талантливых профессиональных драматургов – Али Амирли и Фируз Мустафа. У Али Амирли развитое чувство сцены, при чтении его пьес мне кажется, что автор пишет, продумав и мельчайшие мизансцены за режиссера, вообразив и представив их.

Фируз Мустафа – философ, занимается этой наукой, но в пьесах его эмоциональное начало не слабее, а может, и сильнее рационального, интеллектуального, и я воспринимаю это как положительное художественно-эстетическое качество его пьес.

ЯШАР – Сергей Эйзенштейн заявлял о намерении экранизировать «Капитал» Карла Маркса. Тем самым знаменитый режиссер, вероятно, вынашивал амбициозную идею – показать, что сценарий в фильме, как таковой, является чем-то малозначимым. Естественно, основной автор фильма – режиссер-постановщик, а он способен создавать впечатляющий фильм из слабого сценария. Тому немало примеров. На основе посредственного исторического романа Говарда Фаста «Спартак» Стенли Кубрик снял одноименный фильм; или Алексей Герман, снявший «Двадцать дней без войны» на основе повести Константина Симонова; можно назвать сотни других экранизаций. Но немало и примеров, когда режиссер портил совершенный сценарий.

Эльчин-муаллим, кино в вашем творчестве также занимает важное место. По вашим сценариям снято восемь художественных, ряд документальных и мультипликационных лент. Сейчас начаты съемки двухсерийного фильма по «Махмуду и Марьям». Хотелось бы узнать, удовлетворяет ли вас киносудьба ваших текстов? И еще, я бы пожелал, чтобы мы окинули взглядом азербайджанское кино. Хотя у нас время от времени появляются и ценные экранные произведения, но давайте признаемся, что все еще полностью не сформировалась азербайджанская кинематографическая школа. Речь идет о сопоставимости и соотношении с итальянской, французской, грузинской киношколами.

То есть, за исключением считанных наших фильмов, таких, как «Аршин мал алан», «Не та, так эта», – если на титрах прочих лент вместо «Азербайджанфильм» написать «Мосфильм», ничего не изменится.

ЭЛЬЧИН – Увы, Яшар, ты прав. Кино все еще не смогло превратиться в национальный фактор азербайджанской культуры. В чем причина?

Полагаю, что в художественном мышлении, демонстрируемом нашим кино, не хватает национального. Ты назвал первую версию «Аршин мал алана», «Не той, так этой», и я солидарен с тобой, что эти фильмы – большие достижения азербайджанского киноискусства.

Эти успехи обусловило именно национальное начало, сумевшее выявить потенциальные возможности нашей актерской школы, раскрыть сущность гаджибековской классической музыки, показать не экзотику, а истинный колорит событий, но такие фильмы у нас, как ты отметил, исключение.

А разговор не об исключениях, а общей панораме. Если у нас национальное художе-

ственное мышление характеризуется исключениями, то, к примеру, в грузинском кинематографе это характеризует общую картину. После второй мировой войны Италия одарила мир шедеврами неореализма, и их нельзя приписать ни к голливудской продукции, ни к продукции других европейских стран. Ибо этого никак не позволит заключенный в них национальный дух.

Ясное дело, речь идет не о национальном, приводящем к провинциальной ограниченности, напротив, о национальном, восходящем к вершине общечеловеческого. Я всегда писал и утверждал, что дорога, ведущая к общечеловеческому, проходит через национальное. Одно дело – постигнув и усвоив национальное, ты взойшел на высоту космополитическую, а другое – знать не зная национального, ты рядишься в космополиты, – такой выхолощенный, безадресный космополитизм чужд сущности искусства и потому ни в литературе, ни в живописи, ни в музыке и кинотворчестве не может снискать успеха.

Что до моего личного опыта, то по моим сценариям снимали фильмы такие замечательные режиссеры, как Фикрет Алиев («Первая любовь Балададаша»), Ариф Бабаев («Удар в спину»), Кямил Рустамбеков («Я вернусь»), Октай Миркасимов («Серебристый фургон»), Тофик Тагизаде («Дачный сезон»), Шахмар Алекперов («Безбрежная ночь»), Вагиф Мустафаев («Национальная бомба»), Рамиз Фаталиев и Довлат Фатхулин («Судьба государя»), Кямран Шахмардан («Убийца»). В ответ на твой вопрос скажу, что одни из этих экранизаций меня удовлетворяли в большей, другие – в меньшей степени.

ЯШАР – Маркес называет литературную критику промежуточной площадкой между писателем и читателем. Но парадокс в том, что в современной мировой литературе, пожалуй, нет произведений, которые столь же нуждались бы в литературной критике, как романы Маркеса. В творчестве этого колумбийского волшебника все как бы зашифровано – от образов до событий, и их разгадка возможна только в общелитературном контексте. Одним из основных подспорий русской литературы XIX и XX веков было то, что эта литература наряду с великими писателями взрастила и великих литературных критиков. И они сумели донести до русского читателя во всей глубине не только значимые образцы отечественной, но и европейской литературы. То есть, они обозначили со всей наглядностью все качественные показатели литературной продукции. Может, и по этой причине советский читатель оказался искушеннее даже европейского читателя. Конечно, благодаря критике.

Эльчин-муаллим, вы неоднократно писали о критике. Выскажите ваше отношение к нашей сегодняшней критике.

ЭЛЬЧИН – Сегодня у нас, думаю, не только у нас, но и на всем постсоветском пространстве сложился образ критика как нетворческой фигуры. Недавно я прочел такое полуканекдотическое признание русского критика Владимира Огнева. В 1972 году «Литературная газета» заказала ему провести диалог с Расулом Гамзатовым с целью публикации. Огнев звонит в Махачкалу своему другу Расулу, мол, давай встретимся в Москве и совместно подготовим материал для «ЛГ». Расул несколько раз дает слово, но, увы, не приезжает в Москву. А тут Огневу звонит главный редактор «ЛГ», один из «генералов» советской литературы А.Чаковский, дескать, задерживаешь диалог с Гамзатовым, выговаривает ему. Наконец Огнев, у которого иссякло терпение, садится за пишущую машинку, кладет перед собой «Дагестанские пословицы и поговорки», готовит диалог, «перевоплощаясь» в несостоявшегося собеседника Расула. В ту же неделю «ЛГ» публикует «Диалог», вызвавший прекрасную реакцию, звонки, письма читателей с поздравлениями, и один из авторов пишет: товарищ Огнев, высказываемые Расулом Гамзатовым слова, мысли очень живые, впечатляющие, а ваша часть суха и тускла, сразу видно, что он – поэт, а вы – критик...

Этот курьезный случай хорошо иллюстрирует, сколь необъективен и превратен взгляд на образ критика. Кто же тут повинен: критик или читатель? Думаю, оба.

Хорошо помню, в аспирантские мои годы – во второй половине шестидесятых – я читывался четырехтомником Писарева (синий цвет обложки этих томов до сих пор перед

глазами), как романом, но не как завлекательным чтивом, а замороженный тем, что Писарев, проживший всего двадцать восемь лет молодой человек, столь живо и образно сумел выразить свои суждения.

Зачастую критическим перьям не хватает эстетического сока(!). С тем условием, чтобы это был «грамотный сок», а не примитивный сироп!

Сегодня мы обвиняем советскую систему во многих грехах, и справедливы во многих обвинениях, но борьбу той же системы за ликвидацию безграмотности в Азербайджане в 1920-е годы я считаю одной из важнейших страниц нашей истории двадцатого столетия. Так и сегодня, с той же страстью и настойчивостью, надо вести борьбу за ликвидацию безграмотности у нас в литературном процессе.

Думается, эффективность этой борьбы, избавление от дилетантских оценок литературы сегодня острее, чем прежде, диктуют потребность в сближении литературоведения, теории литературы и критики. Критик (разумеется, речь о талантливом критике!) призван профессионально усвоить историю литературы, в том числе и национальную теорию литературы, быть в курсе событий современной мировой литературы в той же мере, в какой он сведущ в рассматриваемой и анализируемой им современной азербайджанской литературе.

В этом отношении, то есть с точки зрения сближения и даже взаимоинтеграции литературоведения и критики в отдельные моменты уже начали появляться некоторые научные работы, и я рассматриваю эти процессы как естественное пробуждение инстинкта самосохранения, иммунитета нашего литературного бытия. Например, недавно, просматривая авторефераты диссертаций последних лет, я прочел реферат докторской диссертации Тофика Абдулгасанова на тему «Современная азербайджанская поэзия: проблемы темы, жанра и стиля». Мне пришлось по душе, что предметом научно-теоретического исследования выбрана именно современная литература; можно принимать или оспаривать какие-то положения в этой работе, выбор поэтических образцов, однако отрадно то, что данный труд являет двуединство литературоведения и критики.

Хочу подчеркнуть важное условие: литературная критика должна быть свободна от всяких комплексов – выпяченного менталитета, нарциссизма, подсознательной немощи, бессилия, моральной несостоятельности и прочих симптомов. Пока критик несвободен, он будет самовыражаться, образно говоря, как раб, водрузивший на голову венец, вроде Монимаса у Расина. Дон Кихоту сопутствует его антипод Санчо Панса, Тилу Уленшпигелю – Ламме Гудзак. Так же литературной критике сопутствует, как ипостась «масс-культуры», – «масс-критика». Но ввиду агрессивности «масс-культуры», как и массовой психологии, «масс-критика» далека от простодушия Санчо Пансы или наивности Ламме Гудзака, – она наводит тень на плетень, она «вешает собак», возводит напраслину, превращается в орудие примитивного ревнительства или злопыхательства. Вспомнился мне смехотворный эпизод. Года три-четыре назад я уехал в Кисловодск и там, отложив прочие письменные заботы, написал давно заждавшийся из-за недосуга рассказ о жизни беженцев из Шуши. После публикации рассказа один друг-писатель мне сообщил, что в какой-то газете с возмущением написали, дескать, Эльчин пишет о беженцах, а сам прохлаждается в Кисловодске. Не знаю уж, анекдот это или нет. Но может, и не анекдот, ибо как я уже как-то говорил, мы живем в уникальной стране, в нашем литературном житье-бытье может произойти всякое: «я не поэт, но пишу стихи», «я не писатель, но пишу роман», «я не критик, но рецензирую и даю оценку...»; именно у нас могут чествовать пятидесятилетнего литератора «как молодого писателя». Когда такой примитивный образ мышления подменяет критику, когда «критик» предстает опереточным героем, конечно, не может идти речь о миссии формирования критикой художественно-эстетического вкуса.

Знаешь, Яшар, я и по возрасту, и по опыту, и по творчеству дошел до такого рубежа, да и вообще таков по характеру, что мне совершенно неинтересно и нисколько не заботит то, что мелет обо мне примитивный краснобай.

Я хорошо знаю себя, и минусы свои, и плюсы, знаю лучше всех, каково мое место в азербайджанской литературе. Сегодня главное то, что о ком я скажу. Может, в этих словах

есть доля нескромности, но я с тобой веду совершенно откровенный разговор, и, думаю, здесь нет места ложной скромности.

Однако что, кроме нулевой отдачи, может дать литературе, особенно творческому движению молодых, критика такого «уровня»? Что она может сказать молодому, начинающему таланту, нуждающемуся в компетентном слове?

Критик призван наметанным глазом разглядеть и оценить талант.

Один из интереснейших для меня персонажей мировой драматургии – Годенштауфен в драме Гюго «Бургграфы». Этот человек в отрепьях, с клочковатой бородой чуть ли не до пупа, принимаемый всеми за нищего, как выясняется вдруг, Фридрих Швабский, германский император. Вот и критика должна сразу разглядеть, кем являются на самом деле подобные «годенштауфены».

Скажу об еще одной проблеме. Как точные науки опираются на опыт, эксперимент, доказательство, так и гуманитарные науки требуют первичности. Что я хочу сказать? К примеру, одно дело изучать историю непосредственно через исторические первоисточники, другое дело – познавать историю через призму исследований, трансформировавших первоисточники, и, довольствуясь этим, выступать в качестве историка. Так же и литература. Одно дело, читая и вчитываясь в произведения Шекспира или Толстого, вырабатывать свое суждение о них, другое дело – выносить на публику свои суждения только лишь на основе исследований о них, без непосредственного прочтения Шекспира или Толстого. Или же, скажем, Физули – в этом случае речь может идти только о компиляции, об эпигонстве.

ЯШАР – Можно сказать, почти все писатели в мире во все времена обращались к публицистике как действенному, оперативному средству для выражения своей гражданской позиции. Публицистическое слово, в отличие от прозаических произведений, бьет точно в цель, «прямой наводкой».

В вашем творчестве публицистика также занимает одно из значимых мест. Эльчин-муаллим, удовлетворяет ли вас современная картина азербайджанской публицистики, имеющей великие традиции?

ЭЛЬЧИН – После Мирзы Фатали и Зардаби, особенно с начала XX столетия, были заложены мощные основы азербайджанской публицистики. Публицистика Мирзы Джалила, Али-бека Гусейнзаде, Ахмед-бека Агаева, Узеир-бека, Наримана Нариманова, Мамед-Эмина Расулзаде, Омар-Фаика Неманзаде и по художественным достоинствам, и по гражданской заряженности ознаменовала появление, не побоимся этого эпитета, могучей школы.

Толстой говорил, что Творец озарил человека внутренним светом, имя которому совесть. В этом смысле азербайджанская публицистика была светоносной, талантливой выразительницей широкого мировидения.

Но с двадцатого года минувшего века сущность этой публицистики начала меняться, и тот божественный свет стал постепенно угасать, ибо публицистика уже была не голосом совести, а подневольным рупором господствующей идеологии. Перевыполнение планов в сельском хозяйстве или в промышленном производстве, «хорошая жизнь» доярков, хлопко-робов, рабочих, руководительская «мудрость» председателя колхоза, директора завода, менторство партийных функционеров или же лакированный политический лжепортрет комсомольца или молодого коммуниста, подвиги советского солдата, истребляющего трусливых и тупоумных фашистов, как мух, не знающего никаких страданий и трагедий, лихое действие «отрицательных героев» и т.д. и т.п. – вот что было темой советской, в том числе и азербайджанской публицистики, и это сбilo нашу публицистику с пути естественного развития, выбило ее из колеи, национально-гражданственные идеалы, художественно-публицистический анализ бытия человека канули в Лету, сама публицистика превратилась в производство, и в тысячах «производимых» очерков, статей вымышленный господствующей идеологией мир подменил реальную жизнь.

Правда, подчас талант оказывал сопротивление этому «конвейеру», и тогда появля-

лись высокие по уровню публицистические образцы. Очерк Сабита Рахмана об Араблинском, «Французский гобелен», «Итальянская мозаика», очерк о Кара Караеве Имрана Касумова, ряд глав книги Акрама Айлисли «От Айлиса до Айлиса», документальная повесть Анара «Без вас», публицистика Сабира Рустамханлы – называю первых пришедших на память, – хорошие образцы азербайджанской публицистики.

Еще в 1965 году, когда соцреализм «правил бал», Ильяс Эфендиев написал документальную повесть «Мой родич чабан Рашид», и оказалось, что наша публицистика еще не научилась воссоздавать живых людей, их заботы и чаянья. Написанные Ильясом Эфендиевым в позднейшие годы эссе-мемуары о Мехти Гусейне, Адиле Искендерове, Али Велиеве, Нияр Рафибейли, Тофике Кязимове, Сабите Рахмане, его публицистические работы, такие как «Что случилось с райским садом Гаджи Ахунда?», «Мое сценарное приключение, или когда впервые я услышал Сару ханум» показали, что Система не смогла полностью погасить богоданный Свет, о котором я говорил.

Система пала. Но можем ли мы сегодня сказать, что наша публицистика уже возродила свои традиции – художественные и гражданские? Нет, не можем. Очень жаль, но это правда. В чем же главная причина? Для меня нет темных моментов в ответе на этот вопрос: причина – ограниченность мировидения, дефицит знания, превалирование узкопровинциальных интересов над общенациональными.

Сегодня в нашей публицистике начался «производственный процесс» примитивного патриотизма, фальшивой патетики, обывательского самовыражения, мещанского образа мышления.

Вспоминается с детства знаемая наизусть строка Самеда Вургунга: «Победит ли разум на земле?» Победят ли традиции названных мною подвижников слова? Я склонен больше надеяться, нежели отвечать на этот вопрос. Может быть, я слишком драматизирую ситуацию. Дай Бог, если бы так.

На днях я прочел книгу Ирады Тунджай «Сары одалар», объемистый сборник публицистики разных лет, прочел «от корки до корки». Здесь и путевые заметки, и политико-социальная проблематика, вопросы этики и эстетики и так далее. Их объединяет культура письма, и у меня было ощущение, что я читаю не сборник различных эссе, заметок, статей, а целостное произведение, охватывающее панораму окружающего нас мира.

Эта книга проникнута от начала до конца национальным ревнительством, далеким от квасного патриотизма. Ее тема, если взять в обобщенном виде, – Азербайджан, но здесь нет провинциальной ограниченности авторского мировидения.

Короче, Яшар, факт появления книги Тунджай говорит о том, что «еще не вечер», все образуется.

ЯШАР – Как известно, Михаил Булгаков до конца дней работал над текстом «Мастера и Маргариты». За час до кончины он прервал работу, сказав своей Маргарите, Елене Сергеевне: «Уже хватит, пробил мой час...».

Интересно бы знать, есть ли такое произведение у Эльчина, над которым писатель хотел бы сегодня заново поработать?

ЭЛЬЧИН – Нет. По-моему, если произведение написано и представлено читателю, уже началась его самостоятельная жизнь. Оно – как оперившийся птенец, навсегда покинувший гнездо. Если оно – плод талантливого пера, и плод удавшийся, оно живет, а нет – будет предано забвению, как и тысячи других подобных. Верно, рукописи не горят, но забываются, и это вина не рукописи, а автора.

Я написал большинство своих рассказов и повестей, все три романа, первую пьесу «Мечта в почтовом отделении» в советские времена, начиная с 1960 года, и эти произведения переиздавались неоднократно и после распада Советского Союза. Я не изменил в них ни единого слова, как было написано, так и издается поныне.

После распада СССР многие писатели на постсоветском пространстве открестились от

прежних произведений. Я же не отказываюсь и не думаю отказываться ни от одного своего художественного произведения, ни от одного научного труда.

Что представляла собой литературная критика в Советском Союзе? Составную часть господствующей идеологии, пропагандиста и контролера партийной идейности в литературе. Мои статьи и научные работы сегодня печатаются в первом данном варианте. Я включил их в свой десяти томник, не тронув ни одного слова.

Есть отказ художественно-эстетического порядка, например, у нас Иса Гусейнов (Муганна) именно по этим критериям отказывается от иных прежних произведений. Хотя я лично, как читатель и литератор, не согласен с ним.

Есть отказ сообразно идеологической конъюнктуре. То есть после распада СССР писатель отрешивается от своих партийных и проникнутых сплошь вульгарно-социологическим соусом романов, повестей, поэм или пьес, принесших ему материально-моральные дивиденды. А если, чего доброго, ветер подует в другую сторону, имярек снова откажется от своего отказа...

Во-первых, подобное литературное отречение – пустое дело, ибо сама эпоха списала конъюнктуру в архив, и нет никакой нужды в показушных отрешиваниях. Что написано пером, того не вырубишь топором. Написанное остается, и конъюнктурные плоды твоего пера останутся, как бельмо на глазу. Просто писатель, труженик пера должен пройти урок нравственности и искренне усвоить этот урок. Усвоить в такой степени, чтобы урок пошел впрок представляемой им литературе, превратился в факт не только личной биографии, а в факт национальной литературы.

ЯШАР – Эльчин-муаллим, ведя беседу с вами, нельзя обойти вниманием и вашу работу как общественного и государственного деятеля. Хочу задать два вопроса на эту тему. Первый связан с обществом «Вэтэн», организованном еще при советской системе – в конце 1987 года. Понятие «диаспора» впервые внесло в обиход Азербайджана это общество. До той поры у нас не было и представления о миллионах азербайджанцев, рассеянных по всему свету, также, как и о понятии «диаспора». И это было естественно. Ибо это слово-ключ, которое режим загнал «под сукно», могло возбудить целый рой вопросов. Создав «Вэтэн», вы в буквальном смысле вернули нас самим себе. Мы осознали, что являемся не просто уместившимся в пограничных рамках, а глобально аукнувшимся сообществом-нацией. Общество «Вэтэн» мне особенно памятно и близко по личным впечатлениям. В те времена со мной вместе учился студент по имени Афган. Этот парень из бедных построил молодую семью и обивал пороги в поисках работы. Уже потеряв всякую надежду, он обратился к вам, и вы сразу же приняли его на службу в общество «Вэтэн». До сих пор не могу забыть, как радовался мой товарищ-сокурсник. А почему жизнь общества «Вэтэн», которое было обществом молодых соотечественников, в том числе и того же Афгана, оказалась недолгой?

ЭЛЬЧИН – Советский Союз был страной закрытой, и в той стране «Вэтэн» был «форточкой» во внешний мир. Скажу, не тая, что всегда при мысли об этом я испытывал чувство радости и гордости за то, что мы, то есть я и мои коллеги в «Вэтэне», такие патриоты и подвижники, как Афган, простые сограждане, смогли превратить эту «форточку» в светлое окно.

За короткий срок мы смогли поднять тираж издававшейся на кириллице, латинице и арабском алфавите газеты «Одлар юрду» до 250 тысяч, а главное – содержание материалов газеты решительно не служило пропаганде Системы, напротив, это содержание заключалось в служении национальной солидарности, самовозрождению, пробуждению национального сознания, безотносительно к политическим позициям и местожительству соотечественников. Мы заново представили народу общественно-политических деятелей, которых Система пыталась вытравить из нашей национальной памяти, – Али-бека Гусейзаде, Ахмед-бека Агаева, Мамед-Эмина Расулзаде, Алимардан-бека Топчибашева, Фаталихана Хойского, Юсиф-бека Насиббейли и других, впервые пригласили в Азербайджан таких политэмигрантов, как Мамед Кенгерли, и уберегли их от всевозможных провокаций со сто-

роны советского КГБ.

После побоища 20 января 1990 года единственной связью Азербайджана с зарубежным миром был телекс общества «Вэтэн». В те тяжелые дни мы по телексу рассылали подготовленные материалы о варварских расправах, учиненных в Баку советскими карателями, соотечественникам, зарубежным информационным агентствам, редакциям известных газет, видным государственным деятелям, знаменитым творцам слова и искусства – Чингизу Айтматову, Олжасу Сулейменову, Евгению Евтушенко, Андрею Вознесенскому, Махмуду Эсенбаеву и многим другим. Причем стремились, чтобы слух о выполняемой нами работе не выходил за двери «Вэтэна». Однако все это сохранилось в архивах.

Посещение Гейдаром Алиевым постпредства Азербайджана в Москве и его публичное обвинение горбачевского руководства в связи с кровавой бакинской акцией всячески замалчивалось. Мы раздобыли видеокассету с записью того события и разослали разоблачительное заявление Гейдара Алиева по всем имеющимся под рукой адресам.

Резкое заявление сделал и шейх уль ислам А.Пашазаде, мы разослали этот текст главам многих стран, и тогдашний премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто, ссылаясь на наше сообщение, направила в Политбюро ноту протеста. Наш уважаемый шейх все это хорошо знает.

«Вэтэн» возвел духовный мост между диаспорой и Азербайджаном, и движение по этому мосту было двусторонним. Мы, как говорится, сидя на корабле, воевали с капитаном. В начале 90-х годов в устранении трудностей на пути «Вэтэна» мне очень помогал статус депутата Верховного Совета республики. Если говорить о трудностях, разговор затянется надолго. Разобраться во всех этих превратностях, определить роль общества «Вэтэн» в национальном пробуждении, восстановлении исторической памяти народа – дело будущих историков, и я нисколько не сомневаюсь, что они выполняют эту работу.

Каких только провокаций не учиняли против меня, каких только слухов не распустили: якобы, Эльчин – человек КГБ, его супруга, якобы, армянка, в лихие для народа дни Эльчин приобрел отель в Париже, у него вилла в Калифорнии, где он сидит себе и смотрит видео, его дети обучаются в Швейцарии и прочее... А за всеми этими кознями и наветами стояло советское КГБ, его натасканные агенты. И часть этих служак-манкуртов шебуршилась вокруг меня самого. Но должен сказать и ту истину, что в те годы, особенно во время событий Черного января, среди азербайджанских чекистов были люди, которые искренне помогали нам, потому что их патриотизм был куда сильнее инструкций советского КГБ.

На днях мне случайно попала в руки книга воспоминаний И. Гусейнова, одного из часто сменявшихся руководителей КГБ тех времен, и я прочел в этой книге, что общество «Вэтэн» обсуждалось на заседании Политбюро, где тогдашний председатель Верховного Совета СССР, экс-министр иностранных дел Андрей Громыко выступил с резкой филиппикой против «Вэтэна». Да, ты прав, «Вэтэн» просуществовал недолго, сегодня общество не действует. Почему? «Вэтэн», как я говорил, был окном, открытым в мир из закрытой страны, огороженной железобетонными границами. Сегодня эти барьеры сняты, Азербайджан восстановил свою независимость, въезд в страну и выезд из нее беспрепятственны, связь с диаспорой, налаживание контактов, дело по ее организации поднято на государственный уровень и стало в ряд приоритетных забот политики. А «Вэтэн» выполнил свою историческую миссию и уже превратился в страницу истории.

Скажу и о том, Яшар, что в последние годы я впервые относительно подробно рассказываю об обществе «Вэтэн», ибо это уже дело не мое, а задача историков.

ЯШАР – Для всех эпох, можно сказать, характерны противоречивость и актуальность отношений художника и власти. Эта тема заботила и занимала мысли многих писателей и философов, и об этом создано множество художественных, философских, исторических произведений. А что, если художник сам является государственным деятелем? По моему мнению, когда художник остается наедине с белым молчанием чистой страницы, внутренне очищается, в нем, независимо от степени полномочий и постов, слышнее, сильнее наплыв

человеческих чувств, камертон справедливости. Было бы интересно услышать от вас – влияет ли как-то писатель Эльчин на вице-премьера Эльчина Эфендиева? Или же наоборот.

ЭЛЬЧИН – Меня часто спрашивают об этом. Самая высокая должность у Ильяса Эфендиева была – писательство, самый важный кабинет – рабочий кабинет в квартире. Он не был и членом компартии. Это было редкостью для писателя такого уровня в Советском Союзе. Судьба сложилась так, что я смолоду окунулся в общественную жизнь, занимал должности. Но, независимо от них, ясное дело, прежде всего оставался писателем. Как один писатель трудится в редакции, другой – в театре, а третий, скажем, преподает в университете, так и я, какую бы должность ни занимал, она таковая и есть, не более того. Просто чем выше должность, тем больше и ответственность, чувство долга, объем работы и заботы. Если сегодня я непосредственно участвую в процессе укрепления независимости Азербайджана, это, с одной стороны, для меня честь, с другой стороны – очень большая ответственность, требующая полной трудовой отдачи.

Работа на высоком посту лишь в глазах обывателя – счастливое плавание в море идиллической беззаботности. Другое дело, что не все высокие столоначальники трудятся с полной отдачей, с тем же чувством ответственности.

Но давай поглядим, все ли учителя, или врачи, или же рабочие трудятся с должной отдачей, самоотверженностью? Нет, конечно. Раздувать ажиотаж вокруг должности – это большой «конек» нашего общества.

Загляни в газеты: по сообщению «компетентного источника» имярек будет освобожден от занимаемой должности... другого выдвинут на такой-то пост... собираются дать по шапке такому-то... «компетентный источник» сообщает нам, что уже готово распоряжение «убрать» такого-то... Кажется, что должность – не атрибут какого-то лица, а предмет всеобщего обсасывания и «референдума» сплетников.

Что касается взаимоотношений вице-премьера Эльчина Эфендиева с Эльчином-писателем, то здесь самая большая закавыка – проблема времени... Остальные проблемы решаются благодаря житейскому опыту и многолетней управленческой практике. Вице-премьер предоставляет писателю обильный материал из жизни, а писатель мгновенно напоминает вице-премьеру – будь чутким, совестливым, радей о человеке, а не сиюминутной ситуации.

ЯШАР – Завершая разговор, связанный с вашим творчеством, хотел бы задать традиционный вопрос, хотя, при всей традиционности, он наиболее соответствует логическому итогу диалога.

Над чем сейчас работает народный писатель Эльчин и вообще, что находится в вашей лаборатории?

ЭЛЬЧИН – В последнюю пору я написал пьесу о жизни Гусейна Араблинского – «Судьба артиста». Эта тема – художник и время, художник и общество – всегда занимала меня и, признаться, поставив последнюю точку в пьесе, я вздохнул с облегчением. Это не биографическая пьеса, здесь Араблинский, как образ, носит условный характер в плане точности исторической фактологии, речь идет об обобщенном образе художника и театра. Сейчас у меня на столе пьеса о жизни Джалила Мамедулизаде – «Судьба писателя», надеюсь, на днях завершу. Похоже, чем солиднее возраст, тем больше человека влекут исторические личности.

Вот уже двадцать лет на моем столе ждет своего часа большей частью написанный, но все еще неоконченный, не такой уж объемистый роман «Исмаил» о Шахе Исмаиле Втором, и каждый раз на Новый год зарекаюсь: «допишу», но не получается. И в этом году дал себе слово, пока не выкроил время, но, во всяком случае, наверно, однажды роман завершится.

Лет шесть-семь тому назад я написал крупноформатный роман и сейчас, кажется, впервые говорю об этом. Чтоб ты составил себе представление, скажу, что это семейный

роман типа «Саги о Форсайтах», «Семьи Тибо» или «Будденброков». Роман охватывает длительный период – от панихиды по Мирзе Фатали Ахундову, скончавшемуся 26 февраля 1878 года в Тифлисе, до 1956 года – разоблачения культа личности Сталина. В этом романе очень серьезная доля и роль магического реализма, о котором ты говорил.

Но вот уже столько времени не сдаю роман в печать, это у меня превратилось в нечто мистическое, этот неизданный роман, кажется, стал моральным подспорьем, генератором к написанию других вещей, движителем моей работы, деятельности. Иногда всплывает в памяти какой-нибудь эпизод из романа, я нахожу эти страницы, что-то добавляю, что-то вычеркиваю, а на днях во вторую книгу вписал целую новую главу. Не знаю, как сложится судьба этого романа, может быть, он так и останется ненапечатанным в моем архиве? Надо было бы представить его в печать в свое время, сразу по окончании первой книги.

Добавлю, что у меня еще ряд неопубликованных рассказов, повествование о Муш-фиге, несколько пьес, не представленных театрам, другие работы. Как говорится, «sağlıq olsun».

Азербайджанская литература

ЯШАР – Эльчин-муаллим, хорошо бы эту последнюю часть нашего диалога завершить освещением азербайджанской литературы в целом. Хотя корни нашего фольклора и письменной литературы уходят в древность, мне кажется, что понятие современного азербайджанского писателя и читателя начинается с Мирзы Фатали. Конечно, предтечи – и Низами, и Насими, и Физули – великие классики. Но проторенный ими путь где-то в стороне от дороги, на которую мы вышли сегодня. Хотя мы время от времени и оглядываемся на путь средневековых предтеч, в массе своей мы следуем путем, открытым, проложенным Мирзой Фатали. То есть, лично я ощущаю себя, как литератора, преемником не Низами, а Мирзы Фатали, в чем-то продолжаю начертанные им фразы.

ЭЛЬЧИН – Я подхожу к этому вопросу несколько мистически. В том смысле, что проторенную в литературе тропу – поэзию в ритмике «аруз» – названные тобою великие устеды, а также последовавшие после Фирдоуси – Хафиз и Хайям, Саади и Навои, Джами и Руми и другие корифеи Востока превратили в магистральный путь, и эта поэзия достигла своего пика. И какой же после Физули газелхан-поэт превзошел его? То есть истощилась не поэзия, а жанр. Да, после Физули появлялись мастера газели, среди них большие таланты – Сеид Азим Ширвани или же Алиага Вахид, но можем ли сегодня мы сказать, что они развили поэзию Физули, подвигли вперед, создали новый этап? Нет, не можем. Они просто последовали путем Физули. Газели пишут и ныне, я встречаю порой среди них прекрасные образцы, читаю увлеченно, с наслаждением, но все это уже не генерированное требованиями современной литературы, а плоды художественной инерции, и мое читательское благостное, охотное восприятие обязано той же самой инерции. Я совершенно убежден, что феномен Сабира в нашей поэзии (и всецело в азербайджанской литературе!) связан именно с вышесказанным обстоятельством. Сабир с его талантом интуитивно почувствовал истощение жанра и внес в традиционную поэзию «аруза» новую тему и новую форму.

Выйдя из школы великого Физули, Сабир создал свою школу, и в этой школе возшли такие мастера, как Моджуз, как Назми и другие, но ни один из них не смог достичь высоты Мирзы Алекпера Сабира. Величие Сабира, художественная мощь заключалась в его оригинальности. А продолжатели сабировской школы уже не были оригинальны, и самые талантливые из них – я только что назвал их – при всех их заслугах, не смогли выйти из тени Сабира, и, наверно, это невозможно.

А вот, смотри, возьмем нашу драматургию. Почему после грандиозной античной драматургии этот жанр не истощился? Потому что впереди был этап Шекспира, за ним – этап Мольера, далее – этап Ибсена, а затем, по моему мнению, последовал этап Чехова. В драматургию внесли новые темы, новые формы, возник театр абсурда.

Я считаю ошибочным отношение Мирзы Фатали к Физули, как и отношение Толстого к Шекспиру, у великих мастеров случаются и великие заблуждения; но есть та истина, что у нас, и вообще в мире Востока великие устеды «аруза» уже сказали свое слово на высочайшем художественном уровне. На таком уровне, который нельзя уже поднять еще выше. Как возможности человека исчерпываются на каком-то пределе, очевидно, и в литературе есть определенные пределы жанра. Величие Мирзы Фатали состояло в том, что он преобразовал в национальный фактор литературы азербайджанского народа новый для него жанр – драматургию. Внес живую разговорную речь народа в его литературу. Эту миссию ранее в поэзии свершил Молла Панах Вагиф, а Мирза Фатали демократизировал, упростил, может, лучше сказать – национализировал язык не только нашей драматургии, но и, более масштабно, язык нашей литературы. Мирза Фатали с зоркостью талантливого мастера разглядел народные типы и ввел их в литературу.

Нашей литературе был присущ традиционный восточный колорит, а Мирза Фатали впервые внес в литературу колорит национальный. Большинство наших писателей, появившихся после Мирзы Фатали, пошли по его «поднятой целине» – в драматургию, были созданы «Сборище сумасшедших» и особенно «Мертвецы» – гениальные творения в контексте народных судеб и истории.

В соотношении со всем этим фоном, Яшар, твое самоощущение как наследника Мирзы Фатали – вполне естественно.

ЯШАР – Поскольку речь зашла о Мирзе Фатали, замечу, что мы еще не оценили, не постигли всего свершенного им.

Мирзу Фатали образно можно уподобить пальме, угнездившейся где-то в просторах Северного Ледовитого океана.

То есть нельзя назвать иначе, как чудом, появления такой личности в условиях той эпохи, если представить Азербайджан тех времен.

В XX веке латиноамериканская проза заморозила мирового читателя внушительным воплощением фатальной идеи: от судьбы не убежишь. Романы Маркеса и Астуриаса, по сути, вращаются вокруг этого лейтмотива.

А вот еще столетие тому назад Мирза Фатали, явивший в «Обманутых звездах» Юсифа Сарраджа, показал венценосному шаху Аббасу способ избежать судьбы. Но давайте посмотрим, знает ли мировая публика Мирзу Фатали, еще тогда совершившего в прозе столь кардинальную революцию, качественный перелом, дальновидный прорыв (до которых еще не дошла мировая литература)? Да, мы хотим, стремимся узнать мир, но почему же мы не можем показать себя, представить себя миру?

ЭЛЬЧИН – Мне импонирует твое сравнение Мирзы Фатали с пальмой в Ледовитом океане, – оно верно обозначает феномен Мирзы Фатали в нашей литературе.

Но к сравнению нашего классика с Астуриасом или Маркесом отношусь с некоторым сомнением. «Обманутые звезды» в свое время были большим событием в нашей литературе, можно и нужно гордиться этим, но, думаю, сопоставлять сегодня эту нашу повесть со «Ста годами одиночества» или «Уикендом в Гватемале» Астуриаса, было бы, наверное, неверно с художественно-эстетической точки зрения, ибо это неверно исходя из критериев историчности. Но я бы очень хотел, к примеру, чтобы такой шедевр, как «Мусье Жордан-ботаник и дервиш Мастали-шах» мы вывели на лучшую парижскую сцену, ибо эта комедия по художественному уровню, по непреходящей актуальности, свойственной великой литературе, заслуживает этого. Для этого нужен, прежде всего, высококлассный переводчик, в совершенстве знающий и азербайджанский, и французский языки, способный почувствовать колорит оригинала и передать его в переводе.

Очень жаль, что таких кадров у нас нет. Никому нельзя привить переводческий талант – он должен возрасти сам. Будем надеяться, что когда-нибудь мы сможем представить мировой общественности и Мирзу Фатали, и Мирзу Джалила, и Сабира.

ЯШАР – Литература и в целом искусство – это такая область, где пока что не изобретен индикатор, точно определяющий уровень или силу произведения. Это, скажем, не бег на сто метров, чтобы фотофиниш сразу определил бы победителя. Наверно, потому-то и остаются вовремя не оцененными по достоинству тысячи произведений, чьи авторы обретают статус бессмертия многие годы спустя после ухода из жизни.

Но у нас есть утвердившаяся, если не окостеневшая мысль, что наша поэзия намного сильнее нашей прозы. На чем, по-вашему, основано такое мнение, и согласны ли вы с ним?

ЭЛЬЧИН – Нет, не согласен и считаю это методологически ошибочным. Дело в том, что – мы уже говорили с тобой об этом – поэзия на протяжении веков доминировала в восточной литературе (может быть, вернее сказать «в исламской литературе», ибо вовне остаются Дальний Восток, китайская, японская, корейская литература – предмет для другого разговора), в том числе и в азербайджанской литературе. Да, верно, история нашей прозы очень молода. Физули написал «Жалобу»; об «Обманутых звездах» мы сказали; есть и некоторые другие прецеденты, хоть и не такого уровня; профессор Идаят Эфендиев в свое время основательно исследовал нашу классическую прозу; мне помнится, о классических образцах нашей прозы писал и покойный Касум Джохани.

Но азербайджанская проза в основном начала формироваться с рассказов Мирзы Джагила и Абдуррагим-бека (*Ахвердова – Ред.*), и не нужно стесняться признавать этот факт. Народ, у которого есть Низами, Насими, Физули, Вагиф, Сабир, не впадая ни в какие комплексы, может сказать: да, моя проза молода, и нет нужды искусственно «старить» ее возраст. Конечно, важно выявлять, исследовать, научно классифицировать древние прецеденты прозы, но все это делать, не впадая в патриотический раж. Ура-патриотизм – блажь вредная и столь же бессмысленная просто потому, что необъективная штука, а необъективная оценка никак не выдержит фильтрацию истории и будет преходящим явлением.

В нашем литературоведении высказываются разноречивые мнения об истории азербайджанского романа: одни ведут отсчет с «Пятерицы» Низами, другие – с «Рашид-бека и Саадат-ханум» И.Куткашенского, третьи – с «Путешествия Ибрагим-бека» З.Марагалы и т.д.

В недосыгаемые теперь далекие мои прекрасные студенческие и аспирантские годы в читальном зале нашей библиотеки имени М.Ф.Ахундова я читал нашу прозу начала столетия, воспринимаемую большинством литературоведов как романы – «Несчастный миллионер или Рзагулу – франкоман» М.С.Ордубади, «Бахадур и Сона» Н.Нариманова, «Герои нашего времени», «Несчастливая семья» А.Шаига, популярные в свое время «Несчастный миллионер», «Федаины мракобесия» и «Верность красавиц» И.Мусабекова, «Душевная боль» А.Диванбайоглу, «Увядший цветок» (тоже в свое время популярный роман) и «Ночь разлуки» А.Сабри, «Стон одного сироты» Б.Джаббарзаде, «Злосчастная невестка» и «Жертва любви» Р.Заки и др., причем читал, с трудом осиливая, по складам, текст на непривычном тогда для меня арабском алфавите. Эти малые по объему произведения были зародышами азербайджанского романа, и мы не можем сравнивать их художественно-эстетический уровень и жанровые особенности с русским или французским, или же английским романом, да в этом и нет нужды.

Наш роман как жанр сформировался в 20-30-40 годы, и сегодня мы можем предъявлять к ним всевозможные эстетические или идеологические претензии, но факт, причем факт судьбоносный не только для прозы, но и для нашей литературы в целом, в том, что эту важную миссию выполнили такие писатели, как Юсиф Везир Чемазминли, Мамед Саид Ордубади, Абульгасан, Мирза Ибрагимов, Сулейман Рагимов, Мехти Гусейн, Мир Джалал, Али Велиев. И молодая азербайджанская проза стала развиваться и пошла в ногу с поэзией, у которой была тысячелетняя история и традиции, как я говорил. Потому непомерно завышенные оценки нашей поэзии, как и прозы, неверны; хорошее произведение, будь роман, поэма, стихотворение или рассказ – должно оцениваться по достоинству.

ЯШАР – Литературное наследие каждого народа – это в чем-то его генетическая, духовная память.

Если исторические источники представляют лишь сухую статистику дат и событий, то литературное произведение аккумулирует в себе путь, пройденный и пережитый народом. Короче говоря, литературное наследие – духовное поприще, которое дает нам почувствовать и осознать, кто мы есть, откуда и куда движемся. Как вы думаете, Эльчин-муаллим, не осталась ли сегодня, в определенной мере, эта область вне внимания нашего литературоведения?

ЭЛЬЧИН – Азербайджанское литературоведение свершило большую работу по изучению, изданию, исследованию нашего литературного наследия, и путь, который европейские литературоведы прошли в течение веков, наша наука одолела за 60-70 лет и превратила эту область в великую и богатую составную часть национальной общественной мысли.

Но этот процесс, ведущий от старинных антологий-тезкире, через этапную «Историю литературы...» Фиридунбека Кечарли к серьезному теоретическому творчеству, – событие советского периода, естественно, ориентированное по идеологическому курсу Системы. Поэтому наше литературное наследие требует нового рассмотрения, то есть, новых исследований, новых научно-теоретических суждений, значит, и новых открытий.

Если речь идет о наследии народа, которому пришлось трижды менять алфавит, пережившего такую национально-духовную трагедию, издание образцов этого наследия латинской графикой сегодня первоочередная задача. В советский период, даже и в позднейшее время, ввиду невозможности прочтения оригинальных источников, мы часто встречали случаи обращения наших литературоведов к вторичным источникам, и порой это доводило дело до грани плагиата.

Не хочу говорить беспредметно, и, думаю, будет уместно вспомнить и ряд отрядных, по моему мнению, событий нашей жизни – литературной жизни. Например, добротное издание в виде одной книги знаменитого двухтомного сборника Салмана Мумтаза «Эл шаирлери». Помнится, наш выдающийся ученый Азад Набиев назвал это издание бесценным вкладом в нашу фольклористику, и эта оценка истинна. Упомянутый сборник, подготовленный покойным Агаларом Мирзой, отличается точностью научного аппарата и широким освещением возникающих вопросов.

Отдельно хочу отметить книги из серии «Первые издания азербайджанского фольклора» – заслугу Института фольклора, и особенно часть этих серийных книг – «Пословицы» (составитель М.Гамарли), «Женские причитания» (составитель М.А.Аббасзаде), «О тюркско-азербайджанских песнях» (составитель Х.Зейналлы), – их переиздание считаю значимым событием применительно к роли оригинального текста в исследовании (и пропаганде!). Конечно, одна из самых солидных и значительных работ последних лет – это репринтное переиздание «Моллы Насреддина». Помнится, еще в 1981 году, ровно тридцать лет тому назад, по инициативе и под руководством покойного Азиза Мирахмедова был переиздан первый факсимильный номер журнала «Молла Насреддин» в транслитерации кириллицей, и сколь большое воодушевление вызвало появление на свет этой тонкой журнальной тетради – спустя три четверти века!

В то время я написал и опубликовал в «Адабият газети» статью «Свет «Моллы Насреддина».

Таким же значительным и серьезным событием в нашем современном литературоведении и вообще – в общественной мысли считаю издание в транслитерации 32 номеров «Фиюзата», выходявшего в 1906-1907 годах. Теперь не вторые, не третьи источники, а сам «Фиюзат» в распоряжении исследователей и их рецензентов.

Хочу особо отметить роль покойной Офелии Байрамлы в репринтном издании журнала «Фиюзат» и газеты «Хайат».

Меня радует то, что сегодня новые изыскания в нашем литературоведении проводятся параллельно с изданием литературного наследия. Прочел недавно монографию Паши Керимова «Азербайджанская лирика XVII века на родном языке»; этот труд мне понравился, с одной стороны, новизной доньше малоизученного объекта исследования, который даже в

иных случаях оставался неисследованной «целиной», а с другой стороны – современным уровнем научно-теоретического мышления. Последнее качество – чрезвычайно важное, даже решающее достоинство, тем более, если речь идет об исследовании средневековой литературы.

По прочтении монографии П. Керимова я еще раз убедился, что наша литература XVII века до сих пор обстоятельно и всесторонне не изучена. В университетские годы мы изучали тот период по учебнику незабвенного Гаида Араслы. Позднее, помнится, появилась монография Алияра Сафарли, компетентно анализирующая эпическую поэзию XVII-XVIII столетий; об отдельных поэтах того периода также вышли исследовательские работы; но богатая фактура монографии Паши Керимова свидетельствует, что азербайджанская лирика XVII века – очень интересная страница нашей литературной истории и, вместе с тем, еще полностью не изученный период, оставшийся вне концептуальных теоретических изысканий.

Издание фундаментального двухтомного труда «Азербайджанская литература, создававшаяся в Багдаде, и диван Рухи Багдади» Азаде Мусабейли – одно из примечательных событий по концептуальным поискам и совершенно новой фактологии. Автор рассматривает и анализирует творчество наших багдадских соплеменников-поэтов, живших в Иране после Физули, в первую очередь – поэзию Рухи Багдади, освещает историческую специфику литературной среды, наряду с этим, как итог большого и кропотливого труда, публикует сопоставительный текст «Дивана» на основе различных экземпляров-списков.

Недавно изданная основательная монография Шириндила Алышанова «Современное гуманитарное мышление и азербайджанское литературоведение» заслуживает быть особо отмеченной с точки зрения определения методологического направления нового взгляда на литературное наследие.

Эстетические атрибуты этого «нового взгляда» – мысли и тезисы Ш. Алышанова о важности изучения литературного наследия в процессе исторической эволюции, раскрытия художественной структуры, динамики эстетического содержания дошедших до нас произведений. А об атрибутах идеологических мы уже говорили.

Хочу назвать еще одну книгу.

В советские времена мы не могли публично говорить об эмигрантской литературе, и не только говорить – мы пребывали в неведении о ней. Я, например, слышал об «Али и Нино», но никак не мог раздобыть и прочесть эту книгу, лишь в конце 80-х годов нашел, прочел и тогда же обстоятельно написал о ней. Или, например, покойный Сулейман Рустам рассказывал свои воспоминания об Алмаса Ильдрыме, очень интересные для меня, но не было возможности прочесть стихи самого Алмаса Ильдрыма. А каково положение сегодня? Жаль, что болезнь, связанная со «свободой слова», проникла и в эту область. Советский Союз распался, мы обрели независимость, появилась возможность непосредственно читать, изучать литературу эмиграции и... стало явно проявляться тенденциозное отношение к этой литературе, пошла мода расточать ей безоглядные дифирамбы. Взять того же Алмаса Ильдрыма, талантливого поэта, пережившего на родине тысячу мытарств и вынужденного влачить жизнь эмигранта. Но порой встречаешь такие статьи и суждения, где чувство меры теряется, и Алмас Ильдрим представляется чуть ли не как величайший поэт XX века. Или же эмигрировавшие А. Джафароглу и М. В. Мамедзаде расцениваются как наши крупнейшие литературоведы. Это уже не только лишь эмоциональный перехлест, не только утрата чувства меры, а настоящая конъюнктура.

В этом смысле монография Никпура Джаббарлы «Эмиграция и классическое литературное наследие» для меня ценна тем, что впервые здесь рассматриваются и анализируются труды азербайджанских литературоведов-эмигрантов, связанные с нашей классикой, объективно, без эмоциональных издержек анализируется научно-теоретическое творчество М. Э. Расулзаде, А. Джафароглу, М. Б. Мамедзаде и других; и в совокупности представляется как составная часть азербайджанской общественной мысли.

В нашей периодике много написано о творчестве и Мамед-Эмина, и Юрдсевара, и Джафароглу, и Мамедзаде, но, увы, львиная доля этих некомпетентных и поверхностных

публикаций выдержана в духе ура-патриотизма. А в монографии Н.Джаббарлы их творчество научно обобщено и системно освещено сквозь призму нового концептуального видения. То есть, речь идет о серьезном научном изыскании, а не о плоском модничанье, не о конъюнктуре в патриотическом камуфляже.

Короче, достаточно в связи с твоим вопросом, Яшар, ограничусь пока сказанным, у меня целая папка заметок о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне нашего литературоведения, и мне остается сесть за письменный стол, систематизировать эти заметки в целостную работу. Но – время, время, время! Вот моя наибольшая проблема. Ну, впрочем, перейдем к очередному твоему вопросу.

ЯШАР – Проблема «отцов и детей», как и в других сферах, всегда наличествовала и в нашей литературе. Речь здесь идет не об индивидуальных, административно-соподчиненных взаимоотношениях, а сугубо в аспекте искусства. Долгие годы патерналистский императив литературных «отцов»: «непохожий на меня – мой супостат» – преграждал путь пытливым «детям». Потому у нас, в отличие от грузин и русских почти не появлялось писателей разных стилевых направлений, и не было многоцветности художественных воплощений.

Эльчин-муаллим, как вы думаете, приписать ли это единообразию нашей верности известной приснопамятной идеологии, или же просто у нас натура такая?

ЭЛЬЧИН – Яшар, мне кажется, ты впадаешь в максимализм, говоря о принципе «отцов»: «непохожий на меня – мой супостат».

Это перманентный процесс, происходящий по мере смены поколений, и он не относится только к Азербайджану. «Сыновья», дебютирующие в творчестве, зачастую «не жалуют» отцов, и если, подчеркиваю, речь о талантливых «сыновьях», талантливой смене, я считаю эту непохожесть полезной для литературы чертой, стимулирующей поиски, творческий процесс обретает динамизм, возрастает стремление сказать новое слово. Но это временное, переходное состояние, ведь мы условились, что речь – о таланте, а талант будет саморазвиваться и в своем саморазвитии придет к умению объективно оценивать литературный опыт, и если представитель «отцов» пишет хорошо, будет учиться на этом, а если пишет плохо – будет отвергать.

Я говорю все это, исходя из своего опыта. Как и в молодые годы, я и поныне не приемлю иных представителей «отцов», как прозаиков, так и поэтов, но сегодня я лучше вижу и оцениваю также и хороших «стариков». А не принимаемых мною авторов критиковал и в молодости в статьях, которые находят место в моих сегодняшних книгах. У меня случались серьезные конфликты с отдельными представителями «отцов» – на страницах печати и в залах заседаний, в выступлениях с трибун и в пору моей работы в Союзе писателей, но истина заключается в том, что я никогда не был к ним враждебно настроен и с их стороны не видел отношения «супостатов».

Да, были представители «отцов», которые не принимали моих произведений, в каких-то списках вычеркивали красным карандашом мое имя, не голосовали за меня, прилагали усилия к тому, чтобы направить против меня литературные силы, в советское время многожды наговаривали на меня «верхам»; но при всем при том я бы немного подкорректировал сформулированный тобой принцип: «непохожий на меня – чужд мне».

Дело в том, что эта самая «чуждость» постепенно сходит на нет, ибо последнее слово – за произведением. В мои очень юные годы о моих рассказах написал отдельную статью академик Мамед Ариф, подробно проанализировав их, он дал оценку каждому. Серьезную роль в моем творческом самоутверждении в литературной среде сыграли статьи о моих произведениях, которые написали академик Гамид Араслы, Мамед Джафар Джафаров, Мир Джалал, Мирза Ибрагимов, Мехти Мамедов, Азиз Мирахмедов, Кямал Талыбзаде, Бахтияр Вагабзаде, и сегодня я с признательностью вспоминаю их участие.

Там, где проблему «отцов и детей» детерминируют художественно-эстетические под-

ходы и критерии, – это во благо литературе, ибо ведет ее вперед, выражаясь по-научному, это элемент диалектики. А если эту проблему хотят спровоцировать претензии, предъявленные бездарностью, страдающей комплексом неполноценности, то это пустая затея. Что касается вопроса о разнообразии литературных течений, выше мы говорили об этом; подобно тому, как в период гегемонии «соцреализма» гигантская страна была однопартийной, так же и литература в этой стране создавалась в рамках одного метода. Но талант, бывало, вырывался из колодок соцреализма, и таких произведений в советский период было не так уж и мало – в прозе, поэзии, драматургии – однако иные художественные методы, течения, тенденции так и не смогли сломать «прокрустово ложе» соцреализма и влиться в опыт литературы советского периода.

В этом смысле Система в продолжение семидесяти лет демонстрировала некий литературный «геноцид», и в ту эпоху трудно встретить «разнообразие течений» в литературе русского и других народов Советского Союза.

Другой вопрос – начало двадцатого века, изобиловавшее самыми различными литературными течениями в русской художественной мысли.

ЯШАР – Несомненно, родина, идентифицирующая писателя, – его язык. Эфиопские гены в родословной Пушкина, например, никак не позволяют числить его в африканской литературе, так же, как именовать Пастернака еврейским поэтом. Но если, допустим, в далеком Мозамбике какой-либо чернокожий житель напишет рассказ по-азербайджански, то это произведение уже относится к азербайджанской литературе, пусть даже автор описывает мозамбикскую реальность. Хотелось бы узнать ваше мнение об этом. Речь идет конкретно о русскоязычных азербайджанцах.

ЭЛЬЧИН – Язык – первичный фактор литературной принадлежности, и здесь нет ничего спорного. Но в то же время мы становимся и свидетелями вторжения в литературу исторических факторов и обстоятельств. Скажем, к примеру, из известных авторов мировой литературы – алжирские писатели Мохаммед Диб или Катеб Ясин пишут на французском, но их никак не назовешь французскими писателями. Я не верю, чтобы кто-нибудь в Мозамбике написал рассказ на азербайджанском языке, ибо там для этого нет исторических условий (вернее сказать, исторической необходимости), и не будет. А если исторические обстоятельства сложились так, что кто-то, независимо от своей воли, получил русское образование, русский язык стал для него основным языком, он думает на этом языке, и, если наделен талантом и хочет писать, то кто может лишать его этого права?

По-моему, конечно, нельзя называть Пастернака или Мандельштама еврейскими поэтами, Булата Окуджаву – грузинским поэтом, а Беллу Ахмадуллину – татарской поэтессой, ибо эти поэты, не писавшие на своем этническом языке, по своему художественному проявлению всецело выражают русское литературное мировидение, русскую литературу. Точно так же поэзия Генриха Гейне, или проза Томаса и Генриха Маннов, или же Лиона Фейхтвангера – национальный факт немецкой литературы, ибо их творчество – выражение не этнического художественного мышления, как у Шолома Алейхема, опять же, к примеру, а выражение именно немецкого художественного мышления. И не только – их творчество участвовало и в самом формировании этого мышления. И здесь, по-моему, нет спорных моментов. Но вот давай зададимся вопросом: можно ли назвать русским поэтом пишущего на русском языке Олжаса Сулейменова? Думаю, что это совершенно невозможно, и здесь также нет ничего спорного. Почему? Потому что творчество Олжаса – плод казахского национального самовыражения художественного мышления, то есть между его поэзией и этнической принадлежностью существует тесная, кровная связь.

И там, где Чингиз Айтматов пишет о чабане Базар-бае или же о манкурте, независимо от языка, он – киргизский писатель, но там, где Чингиз на русском языке пишет об Авдиге Каллистратове, он – русский писатель.

Так же и в азербайджанской литературе.

Русскоязычная литература, выражающая азербайджанское художественное мышление – данность азербайджанской литературы.

ЯШАР – Как продолжение темы – хотел бы узнать ваше мнение о тех, кто небрежно относится к азербайджанскому литературному языку, вообще к искусству слова. Язык уже порой превращается не в средство самовыражения, а в средство саморазоблачения. Не соблюдаются ни законы языка, ни мерила. Наверное, по этой причине страну захлестнула эпидемия писательства. Читая подобные упражнения, даже и читатели сами заражаются в массе «зудом» писательства. Нелепость в том, что неудавшиеся газетные строчкогоны замахиваются писать роман.

Эльчин-муаллим, наверно, вам помнится, в восьмидесятые годы минувшего века многие прозаики принялись писать на диалектах региона, откуда они были родом. Это можно было в известном смысле понять и принять. Но нынешняя картина никак не объяснима. Арена слова битком набита, и в то же время видится пустошь. Образно говоря, будь у языка глаза, он бы залился слезами...

ЭЛЬЧИН – Одно из наибольших достижений наших литераторов в XX веке – законченное формирование нашего литературного языка. Негоже ни ради стиливого оригинальничанья, ни ради колорита нарушать норматив литературного языка. Это – удар по языку. Устами персонажа ты можешь сказать «таа», но в авторской речи, будь любезен, пиши: «тәпә» (мне).

Впихивание диалекта в авторское повествование, подлаживание орфографии слов под диалектную форму не что иное, как ложная «народность». Вспомните в язык Ильяса Эфендиева, Энвера Мамедханлы – вы не найдете ни единого искаженного слова.

Заполонившие сегодня прессу и издания выражения типа «şok açıqlar» («шокирующие откровения». – **Ред.**) «шокируют» наш литературный язык. Это как бы наркоз, и если так пойдет, то есть угроза не очнуться от этого «шока». Здесь невозможны административные меры. Ты не можешь привлечь к суду авторов несметных сочинений в прозе и в стихах за безграмотность. Это первейшая обязанность редакций, издательств, но иной раз, глядишь, в таком «беспределе» повинны сами редакторы и издатели. Обрати внимание на ведущих телешоу: всяк тараторит на своем диалекте, и тут чего только не услышишь от иных шоуменов: и «уй да!..» и прочее...

ЯШАР – Разумеется, сегодня в нашей литературе немало молодых талантов, оставшихся в стороне от «общего потока». Правда, иные из них очень рано заболели «звездной болезнью», еще не сформировавшись, записались в «юные старики», но есть и знающие толк в своем деле. Ваше особое внимание к творчеству молодой смены известно по систематическим печатным выступлениям. Эльчин-муаллим, не беспокоит ли вас будущность азербайджанской литературы?

ЭЛЬЧИН – Яшар, тревожиться за будущность литературы – означало бы тревожиться за будущность народа.

Ведь что такое литература?

Если произведение – самовыражение писателя, то литература в целом – самовыражение народа.

«Будущее» – понятие, которое всегда остается будущим, оно вечно предстоит, и за каждым будущим грядет другое будущее, и это столь же относится к литературе, сколь применительно к жизни. Потому разговор о будущем, о будущности литературы, по сути, жидется на разговоре о литературе сегодняшней в сопряжении с предшествующим периодом.

О молодой смене мы уже поговорили. Хочу добавить еще несколько слов. Известен девиз Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача!» Этот принцип сегодня привел мир к экологическим бедствиям.

Почему я вспомнил этот печально известный мичуринский призыв? Потому, что сегодня у нас (да и не только у нас, а в обозримом для меня постсоветском пространстве, даже в прибалтийских странах!), я наблюдаю такой же «шапкозакидательский», по сути, принцип отношения в литературе: выход на арену всяческого плоского штукачества, подминающего истинные ценности, подмену имитацией художественно-эстетических критериев, похабщиной – эстетику эротики, новый разгул эпигонства и т.п. Вот обрати внимание: в какой убогий предмет разговора превратились в прессе интервью, полемика, перепалка в связи с литературой, личностью пишущих людей!

Но я надеюсь, что по истечении определенного периода начнется процесс художественно-эстетического очищения, ибо эта сегодняшняя неразбериха, литературная нестабильность, изменчивость, профанация (я неоднократно писал об этом) – одно из последствий порожденного распадом Советского Союза политического, социального катаклизма. Покойный Ильяс Эфендиев часто повторял пословицу: «Если все смотрит на время, время не взирает ни на что!» Очевидно, Его величество Время расставит все по своим местам, все, о чем мы ведем разговор. После землетрясения раны заживают постепенно. Горечь и боль потерь постепенно остаются в прошлом, завалы очищаются, словом, мало-помалу жизнь возвращается в свою колею.

Очень вероятно, что и нашу литературу ждет такое будущее.

ЯШАР – Известно, что многое изменилось в шкале ценностей, иные ценности обесценились. Эта девальвация не обошла и литературу. Вы, Эльчин-муаллим, один из писателей, смолоду активнейшим образом участвовавших не только в азербайджанском, но и в тогдашнем общесоюзном литературном процессе.

Наряду с рассказами и повестями, вы выступали и со статьями в авторитетных московских изданиях – в «Литгазете», «Дружбе народов», «Юности», «Смене», «Вопросах литературы», «Литературном обозрении», давали интервью, участвовали в дискуссиях «за круглым столом». Было бы интересно услышать ваше суждение о сегодняшнем литературном процессе в Азербайджане.

ЭЛЬЧИН – Наш литературный процесс изменчив, как в прогнозах погоды, порой думаешь, ага, все, похоже, повернулось к лучшему, а порой переживаешь, ну почему наш лит-процесс дошел до такой жизни, «литературные передрыги» на уровне «шоу-скандалов» ворвались в него?

Я много писал, говорил об этом, не хочу повторяться, но хочу еще раз отметить одну напасть нашего литературного процесса, причем, постепенно усугубляющийся ее метастаз: безграмотность. Смотришь, произносят имена Камю, Сартра, Хемингуэя, Маркеса... но читаешь текст, вернее, заставляешь себя читать, и убеждаешься, что сей автор и не читал произведений перечисляемых выше писателей. И соображения, претензии или же похвалы столь низкопробны по уровню и вкусу, столь амбициозны, что невежество этого «труженика пера» никак не вяжется с осведомленностью читателя произведений тех писателей.

У меня, знаешь ли, аллергия на безграмотность. Если передо мной опус профана, то пусть он превозносит меня до небес, пусть изрыгает злобу, я не могу читать дальше двух-трех фраз и, поверь, не читаю, и для меня не имеют никакого значения невежественный реверанс, и нисколько не волнует злопыхательство. А отрицательные эмоции испытываю, когда думаю об общем «самочувствии» литературного процесса.

Ввиду широкого распространения вируса безграмотности зачастую и в нашей литературе, и в нашей критике профессионализм подменяется дилетантством. Все изрекают вердикты, колеблющихся нет. Все менторствуют, учат, а желающих учиться, изучать нет. Литературные диалоги и меджлисы подменяются тусклыми и серыми презентациями, а главное – литературный «электорат» мирится с этим, не подает голоса.

В этом смысле наша литература напоминает героя повести Камю «Посторонний» – Мерсо. Помнишь, Мерсо тяготит, тревожит застой, косность, но он никогда не пикнет, про-

ходит мимо.

Сегодня, похоже, литературной среде нет дела до литературного процесса, и это равнодушие среды создает условия для размножения болезнетворных бактерий в литпроцессе. Участников этого процесса хоть отбавляй, однако налицо нехватка литературных личностей.

Самед Вургун, Мамед Ариф, Сулейман Рустам, Гамид Араслы, Сулейман Рагимов, Мехти Гусейн, Мирза Ибрагимов, Расул Рза, Мир Джалал, Ильяс Эфендиев, Мамед Джафар Джафаров, Али Велиев, Фейзулла Касумзаде, Абулгасан, Микаил Рафили, Осман Сарывелли, Имран Касумов, Энвер Мамедханлы, Мамед Рагим, Мирварид Дильбази, Нигяр Рафибейли, Сабит Рахман, Мамедага Ширалиев, Джафар Джафаров, Абдулазал Демирчизаде, Али Султанлы, Аббас Заманов, Джафар Хандан, Мамед-Гусейн Тахмасиб, Мирзага Гулузаде, Гулам Мамедли, Идаят Эфендиев, Хади Мирзазаде, Акрам Джафар, Акпер Агаев... – литературные личности нашего недавнего прошлого. Эти творцы, деятели азербайджанской литературы и филологии советского периода XX века, независимо от степени таланта, их человеческих характеров, социального происхождения – один родился в бекской семье, другой был сыном кузнеца, – несмотря на какие-то недостатки, сформировались, если можно так выразиться (думаю, что в данном случае можно), как личности высокой породы. Каждый из них снискал авторитет и уважение по заслугам. Конечно, их нельзя отделять от эпохи, в которой они жили; если же отторгнем их от времени, то можем выискать сотню всевозможных «закавык» – каждый человек формируется в контексте своего периода, и оценку ему надо давать в этом контексте. Я вспомнил о них потому, что сегодня литературный процесс и литературная среда нуждаются в «породистых» личностях, которые сформируются в новую эпоху, совершенно отличную от прежней.

Последний приют Ильяса Эфендиева – в верхней части Аллеи почетного захоронения, и каждый раз, посещая могилу отца, я прохожу мимо похороненных по правую и левую сторону промежуточной дорожки Сулеймана Рустама, Кара Караева, Сулеймана Рагимова, Шихали Курбанова, Фикрета Амирова, Ниязи, по верхнему ряду – Юсифа Мамедалиева, Бюльбюля, Самеда Вургунга, Мехти Гусейна, Абдуллы Шаига. Сегодня нашей культуре, включая и литературу, не хватает созданной ими с другими сподвижниками по духу и товарищами по перу ауры искусства и творчества, ауры личности – творца. Ауры, созданной не единицами, не горсткой людей, а ауры, созданной сообществом подвижников.

Сегодня на нашем литературном бытии ясно сказывается недостаточность, нехватка интеллектуальной элиты.

ЯШАР – Четверть века назад существовало деление на деревенскую и городскую прозу. Были писатели, как бы «специализировавшиеся» на сельской и на городской жизни. Урбанизация последних лет повлияла и на литературу. Правда, и сейчас есть пишущие о селе, но с ростом столичного населения растет и число пишущих на городскую тему. Причем из самих произведений о сельской жизни исходит некий «городской» запах.

ЭЛЬЧИН – Да, в советской критике было такое разделение, и предметом литературного разговора в «Литгазете», «Вопросах литературы», «Литературное обозрение», других «толстых» журналах часто становились, например, городская проза Юрия Трифонова или деревенская проза Василия Белова. Я и тогда считал такую градацию не только условной, но и искусственной, и поныне остаюсь при таком мнении.

Литературу может разделять надвое только критерий таланта – талантливая и бесталанная литература. Один из очень импонирующих мне мастеров – Эмиль Золя, и, как я ценил его в молодые годы, сегодня, может, ценю еще больше. Теперь посмотрим, кто написал цикл «Ругон-Маккары» – представитель «городской прозы» (вспомним «Нана») или «сельской прозы» (на сей раз вспомним «Землю»)?

Замечу, что в нашей азербайджанской критике и литературоведении такого расчленения почти не было, хотя с формальной точки зрения, у нашей «сельской прозы» был такой выдающийся представитель, как Иса Гусейнов.

А урбанизация, конечно, сказывается и на литературе, как ты говоришь, и это естественно. Сегодня в Европе, в США идет глобальный процесс урбанизации, и рано или поздно он охватит весь мир.

ЯШАР – Писателям предъявляют претензии – мол, они мало пишут на гарабахскую, на военную тему. А между тем, напротив, сегодня на эту тему пишут чрезвычайно много. Попросту из-за художественной несостоятельности большинство таких произведений остается незамеченным. Эту тему нельзя воплощать как выполнение обязательства, нельзя слезы осиротевших детей шехидов превращать в конъюнктуру. Произведения прозы, даже и поэзии на эту тему, кажутся, напоминают историческую хронику. Писатели всматриваются в эти человеческие трагедии не сквозь призму своего сердца, а сквозь дым сражений. Потому картина получается поверхностной, неубедительной. Стоит помнить, что в самых крупных произведениях о войне во главе уже ставится не война, как таковая...

ЭЛЬЧИН – Если и показана война, как в знаменитом эпизоде «Войны и мира», или вспомним роман Ремарка «На западном фронте без перемен», – здесь повествуется не о показушном героизме, а о трагедии человека, причем отважного, героического человека в военных обстоятельствах. Самый стойкий и большой союзник бездарности – конъюнктура. Я и об этом много писал.

В советские времена бесталанный писатель (по сути, «бесталанный писатель» – алогичное словосочетание, ибо писательство обязательно предполагает талант), прятался за актуальную тему, писал о тракторе, о хлопке, производственном процессе, Система пускала в расход «врага народа» в жизни, а бездарь «расстреливал» его на сцене, в книге, зачастую преуспевая больше таланта.

Сейчас конъюнктура видоизменилась, и сегодня бесталанный автор пишет о шехидах, о героях войны, об армянской агрессии, тем самым притупляя вкус читателя, размельчая значимость темы, ибо масштабы шехидства, героизма, армянской агрессии на фоне народной судьбы таковы, что сказать об этом посредством художественного слова под силу только писателю с особым талантом. Бесталанному автору незачем соваться в эту тему, да и вообще лучше ничего не писать.

Но, хотя и в малом количестве, поэма Алекпера Салахзаде «Хосали хәсilläri» («Боль за Ходжалы») или роман Агиля Аббаса «Град» свидетельствуют, что наша литература уже начала воплощать гарабахскую тему в весомое художественное слово.

ЯШАР – В свое время чтение художественной литературы было привычным занятием не только для интеллигента, но и для рабочего, продавца. И это было не просто заполнением досуга, а приобщением к неведомому, неузнанному миру, внутренним очищением. Человек, неразлучно общающийся с книгой, никак не может быть плохим человеком. Сейчас и занятия, как и ценности, переменились. Как говорится, kitabımız bağlandı (книга наша захлопнута). Как вы думаете, есть ли надежда, что эта книга снова «раскроется»? И восстановит ли литература свои былые позиции в этом обилии развлекательных занятий?

ЭЛЬЧИН – История литературы исчисляется тысячелетиями, а твой пессимизм – следствие впечатлений последних десяти-двадцати лет.

Ну, во-первых, и за эти считанные годы у нас появлялись ценные произведения, а главное – литература в жизни человечества имеет такую большую весомость, что опыт 15-20 лет никак не может умалить эту весомость, поколебать ее позиции. Пока существует человек, будет существовать и талант, а будет талант – будет твориться и искусство. Потому что, дорогой Яшар... – вспомним сказанные Станиславским слова, заниженные до опереточной реплики: жизнь временна, а искусство – вечно.

Вместо послесловия

Когда наш талантливый прозаик Яшар предложил мне провести этот «Литературный диалог», признаться, я подумал: может ли мой молодой коллега разговорить меня? Получится ли разговор? Пойдет ли кому-то на пользу такая беседа в пору, когда в нашей печати писательские передраги успешно поднимаются на уровень скандальных телешоу, когда обывательский интерес к подобным склокам довлеет над вкусами читателя?

Читая рассказы, переводы Яшара, я всегда чувствовал за его творческой реализацией широту его кругозора, читательскую эрудицию. Один из мотивов нашей беседы я отношу и к самому Яшару: как талантливый писатель, он пришел в литературу из сообщества книги и жизни. Это самое ценное качество моего визави в обсуждении литературных тем.

География богатого круга чтения Яшара широка, и это тоже для меня очень значимо. Не будь названных качеств, то этот разговор у нас не получился бы.

Благотворная почва, воссозданная вопросами и суждениями Яшара, вновь вернула меня к ряду давно читанных книг, и словно снова ожила тогдашняя аура этих книг. Эти вопросы воскресили в памяти вехи и моменты прожитого мною многолетнего творческого пути, и я заново пережил их. Задаваемые моим собеседником вопросы, высказываемые им мысли, сообщаемые им его литературные позиции исходят из самой литературы, и никак не извне ее. И литературное местонахождение Яшара – не где-то около литературы, а в центре литературного пространства.

В ходе нашей беседы для меня еще раз открылась истина о том, что писатель, говоря о себе: «Я устал!» – только лишь самообольщается, потому что как человек, хочет он того или нет, он обречен до конца дней быть с литературой. В этом смысле литература и безжалостна, и дорога...

В беседе с Яшаром я выступаю как привилегированная сторона, отвечающая на вопросы, сообщая свои мысли, суждения, но ведь и высшая прерогатива литературы в том, что в ней нет абсолютных оценок, и вообще, – никакого абсолютизма.

Сколь демократична литература, в той же степени она требует демократичного отношения к себе. Сколь динамична сущность литературы, в той мере существует и динамичность в даваемых ею оценках, в создаваемом ею впечатлении.

Выше я упомянул о своих колебаниях накануне этой беседы – будет ли впрок кому-нибудь наш сугубо литературный диалог?

Но ответ на этот вопрос, наверное, зависит уже не от нас, а от неведомого «кого-нибудь» – читателя.

ЭЛЬЧИН

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Стихоголизм

Разорву тетрадь –
Стихи, пока!
Станет жизнь опять
Моя легка...

Но
 как старый пьяница,
Как алкоголик,
Тот,
 что к рюмке тянется
Безвольно
И страдает
 от желанья выпить,
Я страдаю
 от желанья рифмы,
И меня ночами снова мучает
Хоровод метафор и созвучий.
И я снова
 слова
 не держу –
По ночам над рифмами сижу.
Вновь стихов чудесное шаманство,
Снова птицей в небесах пою,
Вновь вино дурманящее пью –
Да простит мне Бог святое пьянство!

Ода солнцу

О, сколько раз воспет был и восславлен
Светила вечного торжественный восход,
Когда вливало медленно и плавно
Оно на посветлевший небосвод.

И жарким медом с вышины стекало,
И заливало плоскость крыш и стен,
Захватывая целые кварталы
И все вокруг беря в свой жаркий плен.

И вот уже над городом победно
Оно одно сияет и царит,
И вспыхивает море, и горит,
Отсвечивая перламутром медным.

Одуванчики

Осень в этом году обманчива –
Под покровом пожухлой листвы
Еще светятся одуванчики
Среди острых стеблей травы.

Неожиданно, невероятно,
И откуда они в октябре –
Солнца желтые, теплые пятна
В этой, явно осенней, поре?

Ах, какие смешные сюрпризы
Нам природа порой преподносит:
Будто медом газон обрызган,
И как будто вовсе не осень...

И моя осень – странная тоже:
Вроде, жизнь уже на закат,
А мне кажется, я моложе,
Чем была лет двадцать назад.

Пусть от слов колдовских и заманчивых
Не теряю уже головы,
Еще светятся одуванчики –
Хоть не так и ярко, увы...

Мне осень годится любая

Сколько прожито осеней...
И все они были разные –
Были серые, постные,
Были светлые, ясные.

Были – незабываемые,
И те, что давно позабыты.
Одни пронеслись трамваями,
Гремя на рельсовых стыках,

Другие тянулись медленно,
Ползли черепахой столетней,
Одни пахли – мятой ли, медом ли,
Другие – ложью и сплетнями.

А нынешняя – какая?
Пока я не знаю ответа.
Мне осень годится любая,
Как, впрочем, зима и лето.

Наши мамы, наши папы...

Повзрослели ваши дети –
Так уж водится на свете,
Наши мамы, наши папы,
Чья мы кровь и чья мы плоть,
Нас за все всегда прощая,
Нас на все благословляя,
Наши папы, наши мамы
Милосердны, как Господь.
Не всегда мы справедливы,
Не всегда мы благородны,
Не всегда от лжи свободны,
А порою – и подлы.
Только наши папы-мамы
Детям курят фимиамы,
Мы всегда для них прекрасны,
На года и на века.
Ждут они от нас упрямо
Весточки, хоть малой самой –
Просто доброго словечка
Иль короткого звонка.
Пусть тиха и незаметна,
Но прочна и неизменна
И, как хлеб, незаменима
Ваша светлая любовь,
Хоть порой вас вспоминаем
Лишь тогда, когда теряем,
Наши папы, наши мамы,
Чья мы плоть и чья мы кровь...

Вы простите нас. Простите!
Вы, пожалуйста, живите –
Согревая, ободряя,
В нас вливая силы жить.
Нашу пошлость и бездарность,
Глупость и неблагодарность
Вы простите! Вы ведь даже
Это можете простить...

Память

Есть память у домов?
У старых стрех?
У кленов, тополей и кипарисов,
У винограда,
Что карабкается вверх,
Цепляясь за старинные карнизы?

Предметы,
Средь которых мы живем,
Мертвы. Вернее, неодошевленны...
Но виноград – растет.
И наш стареет дом,
Болеют его стены и балконы...

Есть память у домов!
Хранят они
В них жившие прикосновенья, звуки.
И помнят старые деревья руки,
Что поливали, иль – ломали их...

Одинокое окно

Когда за переплетом окон
Пустынно, тихо и темно,
В соседнем доме одиноко
Горит окно.
В чем света этого причина,
Кто бодрствует в ночной тиши
До первых звуков и машин –
Ребенок, женщина, мужчина?
Что дух бессонный беспокоит –
Болезнь, тоска, холодный страх,
Или желание простое
Излить себя в стихах?
Что ж этот свет меня тревожит?
Ведь мне должно быть все равно...
Как ни взгляну – опять все то же
В тумане светится окно...

Плющ

Мне снилось: голый берег моря,
Старинный замок, древность стен,
И плющ – причудливым узором
Берет их в свой зеленый плен.

Он крепко стены обвивает,
Их покрывая там и тут...
И я со страхом понимаю,
Что скоро стены упадут.

Любовно стены украшая,
Плющ и не ведает того,
Что он свой замок разрушает,
Цепляясь страстно за него.

Людей бессмертные творенья

Мы задыхаемся от счастья,
Мы замираем неспроста
Перед непостижимой властью,
Что называем – красота.

Будь то изваянный Роденом
Двух тел томительный изгиб,
Иль «Неизвестной» взор надменный,
Иль лики древние богинь...

Людей бессмертные творенья
Живут с людьми из века в век.
И разве смертен человек,
Что знал минуты вдохновенья?
Под чьей прозревшю рукою
На серой ровности холста
Вдруг возникало то – такое,
Что называем «красота».

Душа перемещалась в пальцы
И в красках начинала петь,
Чтобы вовеки не состариться
Чтоб никогда не умереть...

Знаешь...

Знаешь, как тосклив ноябрь –
Сердце в грусти и тревоге.
Мертвых листьев желтый табор
Вновь кочует по дороге.

Чьи-то слышатся рыдания
В неумном вое ветра,
Бьется осени дыханье
В деревьях полураздетых.

Посидеть бы у камина,
Глядя в огненные блики,
Коротать бы вечер длинный
Рядом с милым, светлоликим.

Вместе слушать вечер синий –
Пусть дожди стекают с окон!
Только нет огня в камине,
Только милый мой далеко...

Сон

Не понимаю ничего:
То ль гибну,
То ли – воскресаю,
То ль вяну,
То ли – расцветаю
Подснежником среди снегов.

В моем бокале золотом
Бальзам
Иль горькая отравка?
Пить или нет –
Не знаю, право:
Не пожалею ли потом?

То ли блаженство, то ли блажь,
То ль опьянение,
То ль похмелье,
Мы во дворце
Иль в подземелье
С тобой, мой молчаливый страж?

Ты – лик живой иль отраженье,
Мой повелитель
Или паж?
Здесь все –
Оазис иль мираж,
Все истина иль заблуждение?..

Но утра птичий перезвон
Нам возвестит,
Что ночь скончалась.
Так что ж, все было,
Иль – казалось?
Все – явь иль прихотливый сон?

МАРАТ ШАФИЕВ

РАССКАЗЫ

Песня поезда дальнего следования

«Ниоткуда с любовью надцатого мартабря»

И.Бродский

Глава первая 1988 год

Хотя поезд Фергана – Баку ходит по расписанию, правильно говорить: из ниоткуда в никуда.

Бронзовый от загара люд, изнывая от жары, лежит, поджав ноги, на верхних и нижних полках; стеснительные золотозубые туркменки поверх длиннополых цветастых платьев накрылись простынями. В открытое окно вместо прохлады со стороны бугристых жёлтых песков бьёт хамсин – ещё более горячий воздух, чем в вагоне.

Ризван скинул гимнастёрку, оставшись в зелёной майке, но Ходжа, сидящий напротив за боковым складным столиком, позволяет себе только расстегнуть ворот белой рубашки.

«И это октябрь! – вздыхает Ризван. – Представляю, что творится в августе – ад!» «Лишь его преддверие, – улыбается Ходжа. – Всего лишь тренировка к пеклу, нас ожидающему». «Ужасная жизнь». «О, Ризван, ты не знаешь более ужасного – повторения этой жизни», – Ходжа легонько ударяет пальцами правой руки по ладони левой – жест крайнего удовольствия от беседы.

«Что тут интересного? Седлаешь хребет и контролируешь ближний кишлак и дорогу. Ползти три тысячи с грузом или совершать марш в тридцать километров – пожалеешь, что на свет родился... В горах солнце над башкой и снег по колено – обмороженные ноги и руки. Всю ночь продрожешь на сквозном ветру, а утром вымочишься выпавшей росой. И воздух исчезает. Ловишь испуганным ртом, и сердца не слышно. Горная болезнь. А потом всё так же внезапно становится на свои места: горы, ущелье, горячее, как тендир, небо... И для чего я здесь, зачем?» «А я, как академический историк, заявляю: история – не пыльные архивы, а наша жизнь. Героическая ли, будничная – всё один поток. И голошение матерей над телами сыновей – такое одинаковое в разные тысячелетия. Я ищу следы Ассирии, она не пропала, нет – растворилась в крови цивилизации».

«Спустились к арыкам с пустыми бачками. Зелёнка не простреливается с гор, вот и нарвались на духов. Патронов взяли мало – только то, что в лифчиках... Батальон разбросан далеко по задачам, взвод от взвода на большом расстоянии – не скоро помощи дождёшься. Отстрелялись, достали гранаты, прощаемся. Объявился «крокодил». А что толку? Сверху не понять: где свои, где чужие. Зажгли дымы. Вер-

толёт принялся уютить ракетами пространство вокруг нас. Кричим: ура! слёзы счастья из глаз, отбились. А под бронёй липко. Ангел возложил свои руки. Рана исчезла. А шрам? Пусть виден, по шрамам сердца узнают своих... В первый раз вошёл в мечеть. Впереди старик молится, я повторяю движения. Спрашиваю, а никто, кроме меня, старика не видел». «Не бойся, Ризван, раскрывать тайну. Тайна сама себя защищает. Всё равно тем, на чьи сердца и слух Аллах наложил печать, не пригодится, будет бесполезной... Несомненно, теперь ты знаешь: жизнь вполне обыкновенна, даже со всеми чудесами... Если ты наделён судьбой, как ни скрывайся – судьба отыщет... Викинги просили у Одина не славы и богатства, а лишь *бараки*. А с благословением придёт и слава, и всё остальное... *Барака* не может ждать, пока проснётся твой интеллект. Она проникает в человека, задействованного в работе, помимо его воли... Удача – не благоприятное стечение обстоятельств, а наша готовность ими воспользоваться... Всё, что случится, будет правильным. В мире, полном неизбежности».

«Кишлак с землёй сравнивали. Кому легче? Артполк пригнали: взрывы огромными фонтанами, дома целиком взлетают и рассыпаются в пыль... Ты говоришь, моя азербайджанская фамилия Ашурбейли звучит как Ашшурбанал. Ну, какие тут ассирийцы, гунны – я же светлый европеоид?» «Действительно, был народ – пахарь и кочевник, но была и белая кость – аристократия, из поколения в поколение выбиравшая жён среди самых красивых, а нередко из пленных – славянок, албанок, грузинок, и постепенно терявшая характерные этнические черты... Мы изучаем историю по биографиям великих. Когда следы теряются, мы понимаем – Бог, спасая героя, приподнял его, и надо переплыть на противоположный берег реки и снова двигаться по обнаружившейся цепочке. И как завещал Атилла: вперёд и вперёд, пока не дойдём до последнего моря». «В нашем случае – Хазарского». «Ещё в древнем Шумере существовало слово «баг» – «гора, возвышенность», со временем ставшее обозначать и высоту духа. Вот и получается: Бака-Ир – местность на холмах, трансформирующееся в Багван – город Бога, а затем и Атеши-Багван – город священных огней... Не отсутствие чудес удаляет нас от Бога, а наша неспособность замечать окружающие чудеса. Даже один факт ясновидения доказывает – нам дано всё будущее». «И я, как последний из кавказских албанцев, пишу на албанском языке, не соблюдая орфографии и пунктуации. Как слышу, так и пишу... *Верблюд призрачно выпитифф нишную кубу смотрит поверхгоризонта*».

Глава вторая

7. 07. 2007

Высохшая после дождей глина застыла буграми – легковушка едет, раскачиваясь, по единственной в этом заросшем дубами лесу тропинке. Наконец, дачный посёлок, стянутый петлёй Суры. Стоячая вода уже покрыта ряской и камышом. Перед деревянными домиками зацвели огороды: картошка для живота и цветы для души. Уж, свернувшись кольцом, уснул на пригреве. Тишина такая, что на другом конце полуострова слышен и редкий разговор, и бултыхание утки в зелёной тине.

Опустошив багажник машины, я иду к Ризвану. Летом посёлок оживает, стожить ничего не надо – и Ризван исчезнет до зимы. Он уже заметил меня, накрывает в беседке стол: картошка, помидоры и огурцы, крупно порезанная и круто посоленная индейка. На передней стороне избы развешаны остановившиеся часы. Пробившие свой нескончаемый час.

«Где был, Ризван? Что видел?» «Был в Мекке, но не стал лучше», – лицо Ризвана непроницаемо, как всегда, непонятно – шутит он или всерьёз. «А у тебя что голова перевязана?» «Температуру, Ризван. Воспаление среднего или какого там уха». «А может, третий глаз пробивается?» «Если вылезет, подарю тебе». «Зачем мне четвёртый глаз?»

«А выпить чего-нибудь новенького?» Ризван экспериментирует с разными продуктами: от А – арахиса до Х – хрена, процеживает настойку через марлю по несколько раз – голова совсем не болит. «Клюква подойдёт?» «Ещё как».

«Давно хочу спросить: откуда, Сабир, твой род?» В шутку о фамилии Шафи я рассказываю так: «у сыновей шейха Шамиля разные судьбы. Один – турецкий паша, третий – Мухаммад Шафийи дослужился до генерал-майора русской армии и местом отставки выбрал Казань».

В реку ныряешь с мостков и беспрестанно плаваешь, на илистом дне стоять невозможно – засасывает. С сумерками начинается замечательный лягушачий концерт.

А Ризван сыплет парадоксами.

Как здорово пропето Пушкиным: и дикий гений вдохновенья таится в тишине глухой. Чтобы до чего-то домыслить, надо удалиться из города. Долгая зима способствует философствованию.

Но хлеб философии горек. Человек не бывает счастлив в одиночку. Счастлив он может быть с Богом или, в крайнем случае, с другом. Живёшь, пока кому-то нужен.

Все с нуждой и просьбой, каждому что-то нужно. А моё «нужно» – мне ничего не нужно. У каждого есть желание, а мне нужно, чтобы меня не было. Мистик избавляется от всяких иллюзий, опустошает себя в надежде, что пустоту заполнит Божественное.

Бог вовсе не требует искоренения страстей, без них нет человека. Бог питает особое доверие к человеческой природе. И потворство, и борьба со страстью возбуждают ещё большие враждебные силы. Обуздать страсть означает двигаться в потоке, отдавшись течению.

Считаешь себя свободным – но разве ты не раб своих иллюзий? Считаешь себя рабом обстоятельств – но разве ты не свободен, согласившись потерять жизнь?

Кругом все ревмя ревут, и никто друг друга не слышит. Но все чутко вслушиваются в Его тишину. Это оглушительное молчание и есть универсальный ответ на все вопрошания.

О, если бы без слов сказать возможно было!

Умереть до смерти – это разведать неизвестную местность, обозначить цели и маршруты. Не заметить перехода и не уклониться от сражения.

Синергетика – новая теория самоорганизации сложных систем – утверждает будущее, притягивающее, организующее и изменяющее своё наличное состояние. Теоретическое обоснование – тахионы, частицы со скоростью большей света.

Если есть настоящее – будущее состоялось. Какой награды вы ещё требуете? В момент превышения скорости света прошлое обгоняет будущее. И я снова буду.

Вы заслужили право рождения, значит, заслужили право просветления.

Но дело в том, что никакого просветления нет. Осознавшая капля растворяется в Океане – и где теперь искать её? Просветление – это всего лишь предощущение.

Испытавший высшее наслаждение теряет вкус к прежнему. Такова природа Трансцендентности. От того, кто совершил путешествие, не приходит новостей.

Когда ум, вера и надежда человека сосредоточены на Всевышнем, он полностью освобождается от тревог и даже несчастья принимает как радость, как особое доверие и знание Бога о нём. Страдание и счастье должны уравнивать мир. Бог не посылает страдания выше тех, которые человек способен выдержать. Счастье вручается слабым, а страдание – любимым чадам.

Ты не можешь отказаться от страданий, каждый должен знать, чего он стоит. Только страдание трансформирует душу. Получив удар, не спрашивай: «за что?», а «для чего?».

Как я мог в своём эгоизме забыть – всё живое страдает? Что всё проникает друг в друга, как разная степень страдания? Мы обречены на вечную боль, ибо не можем избавиться от совести. Умереть без страданий, но жить страдая. Я люблю это счастье, полное страданий и печали.

Мы рождены для счастья. А я говорю: для страдания. Всё будет хорошо. А я говорю: всё лучшее с нами уже случилось. И лучше быть не может.

Лиловые сумерки залиты чернилами ночи. В полночь отключается освещение, только звёздное небо не позволяет пропасть окончательно. Оно, увеличивая накал, опускается ниже. («Как – я чем занимаюсь? У меня послушание – протирать от пыли эти небесные лампы») Звёзды – это письма подслушанных человеческих разговоров. Полярная звезда – серебряный гвоздь неба, к которому привязаны три коня. За конями гонятся по кругу четыре волка. Когда догонят – наступит конец света.

А что останется от сегодняшнего откровения? И бесконечный сонм звёзд – не есть ли неизвестная земля, которой надо дать имя?

Человек, заглядевшийся на звёзды. Между химическим составом звёздной материи и человеческим телом обнаруживается поразительное сходство. Это голос давней родины, это зов крови.

Сура – это ведь и название глав Корана. И эта река, и сура Корана – тоже знание, открытая книга, которую мы разучились читать.

Чего мы хотим? Рая на Земле? Так ведь мы были в раю и бежали от скуки быстрее лани. Не поиски утраченного рая наша цель, а разрушение рая – последней завесы на пути полного слияния с Богом.

Я кажусь тебе радикалом? Да, я большой революционер, чем все известные революционеры, вместе взятые. Художник должен быть еретиком, только еретики будоражат мысль.

Поди прочь, непосвящённый! Как ты можешь сомневаться, что Бог в силе разрушить этот мир и создать новый с единственной целью – проверить одну свою догадку? И так ли мы уверены, что этого не происходило?

Упавших яблок так много, что их устали собирать. Яблоко познания, яблоко Париса и Ньютона – вовсе не разные, а одно и то же яблоко. Тревожный симптом. Ведь конец света наступит, когда переберутся все возможные варианты; и совпадения сюжетов и даже конечного строительного материала – свидетельство: поля для маневров всё меньше.

«В результате нашей исповеди я пришёл к выводу, что следует отказаться от разума». «Этот вывод и мне кажется разумным».

Не грех смеяться, если путь заранее оплакан. Что было, то сплыло – не велика печаль. А пуще всего жаль того, чего не было.

Каждому по вере: верующему – рай или ад, атеисту – пыль, искателю – Путь.

Никто не в обиде.

Чувство преходящести, вызывающее восторг. Спросишь ли Бога: а в чём был смысл? А вот эта преходящая жизнь, это перейдённое поле – и есть предназначенное. Иной Истины нет.

Последний страж – между тремя и четырьмя часами ночи. Брезжит благословенный рассвет. Страх убегает побитой собакой, и навстречу теплу вытягивает хрупкие горлышки птичий народ и неожиданно громко высвистывает бравурные мелодии.

И даже в тишине не заснуть: мучают шум падающей звезды и прорастающая трава, и проливающийся через край Млечный Поток. Ничего у нас не было, ну так что же с того? Было звёздное небо. Нам хватало его.

«Ты заговорил стихами? Это от мадам Клико?» «Что Клико? Шипучка, одно баловство. Это от тёти Клавы. Кликнем и клюкнем ещё. И увидим небо в алмазах».

И стихи – детский лепет. Возможно ли словами выразить смех ребёнка и улыбку матери или жёлтый топиамбур с вытянутыми лепестками и чёрным глазком посередине, так старающийся походить на подсолнух? Уж не пародия ли он?

Как много редкого на свете. И как мало обыкновенного. Истина проста, лежит на поверхности, и оттого не видать. Не верят глазам своим и роют колодцы, где свет вообще не ночевал.

Каждая вещь непрестанно проповедует истину. Но осознание истины не делает жизнь легче и светлее. А тяжелее смыслом.

Глава третья 28 августа 2016

Поезд катит мимо деревень, вспаханного чернозёма, веселых берёзовых рощ. Как это возможно? Незыблемость пейзажа и жизнь – вся на бегу, впопыхах, между революциями и войнами? И кажется – не поезд катит, не ты идёшь по жизни, а жизнь прорастает сквозь тебя, как трава сквозь камень. Не ты выбираешь, Путь ведёт. По Пути нельзя пройти быстрее или медленнее. Темп задаёт сам Путь. Здесь Время стоит, а мир вращается вокруг однажды и навсегда проявившегося экстраординарного момента.

Что вы читаете, молодой человек? Песнь о вещем Олеге? Как нынче собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам? Разве её не изучают в младших классах? А, выпускной экзамен. Читать любите? Все пишут, и никто не читает. А нашему времени требуется вдумчивый читатель.

Хотите поспорить? Я не прочь. Зовите меня: дядя Сабир. Да, гений, воплотивший в себе идеал русской национальности, но потому-то и гражданин мира. Одно не отрицает другого, а даже наоборот – глубина корневой системы и задаёт небесную высоту. Пушкин – друг декабристов и поверенный царя. Пушкин религиозен, но как смело заявлено: *Ах, ведает мой добрый гений, что предпочёл бы я скорей бессмертию души моей бессмертие своих творений.* Знает наизусть Библию, но и увлечён Кораном. На Кавказской войне восхищён мужеством Ширванского полка, и он знает: мавры внушили европейской поэзии испуг и страстность любви.

Нет, я не мусульманин. И не христианин. И не иудей. И я не с Запада, не с Востока. Не с суши, не с моря. И не с неба. Не плохой и не хороший. Я отринул двойственность и связал два мира воедино. Ищу единства, понимаю его, вижу и говорю

о единстве.

Но ты, Даниил, прав в одном. На родине моей русскоязычных – таких, как я – не считают своими, называют русскими. Биологическая национальность – фиктивна, объединяет язык. Язык, оказывается, не просто средство общения, он ведёт за собой культуру и историческую память. Сам народ объединиться не умеет, но за него это делает Пушкин.

Ты заметил, что перестали петь хором. Народа не стало. Хором поют солдаты, шагающие на смерть.

Ты лицезреешь текущие воды и читаешь великие книги. Но это книжный опыт. Дело за малым – вступить в воды и съесть хлеб, чтобы почувствовать эту соль в сокровенном отношении с мукой, дрожжами и водой.

Это только кажется, что ты ничего не понимаешь. Помимо пяти чувств есть и другие органы восприятия.

Колёса стучали невпопад, потом поймали ритм и запели в унисон. Заунывная, широкого дыхания песня колёс напоминала песню китов и Вселенной, разворачивающейся по своей оси.

Любовь капитана Моруа

Он подошёл к креслу, в котором она сидела, и протянул открытую ладонь. Она легко поддавалась его притяжению и только выставила перед собой согнутые в локтях руки, чтобы объятие не было совсем близким.

– Почему люди умудряются даже самые простые истины завязать в гордиев узел? Почему мы, так хорошо знающие и понимающие друг друга, не можем говорить прямым текстом? – зрачки его светло-карих глаз потемнели от плясавшего глубинного пожара, и она напрягла слух – волнуясь, он начинал говорить быстро, и слова сливались в невнятный орлиный клёкот. – Нам надо хотя бы раз переспать. Мне кажется, что тогда наступит такое облегчение, такая лёгкость в общении, такое нежное внимание, какие не появляются и после десятилетней прочной дружбы.

– Желание интима – это ещё не любовь. Настоящими любовниками становятся до постели.

Он дотронулся губами до мочки её уха, ощутив холод серебряной серьги, но когда горячо целовал маленький сжатый ротик, она резко отвернула лицо, и серьга больно, до крови царапнула его щёку. Он отпустил её, отошёл к окну и вдруг сказал изменившимся голосом:

– Будьте моей женой.

Она не отвечала, оскорблённая этим предложением, сделанным в пустое оконное пространство. Он развернулся, чётко щёлкнул каблуками, кивнул головой и вышел из комнаты.

Той же ночью, 10 мая 1940 года, его полк подняли по тревоге – началось немецкое наступление на Бельгию. Чтобы союзники не сдались раньше времени, французы покинули линию обороны с бетонными дотами, с такими невероятными усилиями обустроенную прошлой зимой, но выдвинуться далеко на север не получилось – дороги закупорили встречные потоки беженцев. Пришлось окапываться в чистом поле; а по дороге, поднимая клубы пыли, и днём и ночью всё клочкотала, глубоко вздыхала живая лава. Взгляд капитана выхватывал отдельные фрагменты:

смешливую девушку в нарядном ситцевом платье, высунувшую из коляски мотоцикла затёкшие и оголившиеся ноги и болтающую ими в воздухе; усталую молодку – обнажённая грудь подпрыгивала от тряски, и младенец на её руках пищал, не находя соска, но молодуха ничего не замечала, погружённая в свои думы; старика, посохом погоняющего своё многочисленное семейство и корову, так похожую на этих крупных и добродушных мужчин и их женщин; с грузовика скинули тюки груза, и на освобождённые места, обгоняя тяжёлых старух, полезла бойкая ватага. Но вот лава схлынула, над головами тяжело прожужжали самолёты с чёрными крестами, что-то похожее на грозу прогромыхало по сторонам, и наступила необыкновенная и страшная тишина.

Неизвестность томила, и капитан без разрешения спустился в штабной блиндаж. Генерал как будто его ждал и, показав на радиста в наушниках, выстукивающего кнопку в своём уголке, сказал:

– Наконец-то обстановка прояснилась. Донесите до каждого солдата мой приказ. Наши фланги смяты. Мы в окружении. Приказываю: идти в наступление!

– Спасибо, мой генерал, – совсем не по-военному прошептал капитан, восхищённый мужеством седого человека, уже воевавшего с немцами четверть века назад и не боявшегося ответственности.

Генерал удивлённо посмотрел на него:

– Враг страшен до тех пор, пока не изведает вкуса его крови. Взять противника в штыки — значит деморализовать его. Попробуйте, из чего он сделан: потечёт ли из него кровь, железная ли у него кишка, завопит ли он, как последний трус?

Генерал начертил направление удара; от неровной грубой доски, на которой лежала оперативная карта, карандаш сломался, и генерал с досадой швырнул огрызок на земляной пол.

– Моруа, оставьте всякую надежду, – сказал он и напоследок похлопал капитана по плечу: – Даже толика лёгкой надежды – обременительный груз.

– Я ни на что и не надеюсь. В мире непрекращающихся войн, где приходится работать без сна, нет времени для неторопливых и волнующих романов.

– Молодец, сынок. В этом всё и дело, чтобы научиться жить без надежды.

В жирном чернозёме сапоги быстро увязали, и, скинув их, капитан встал впереди роты во весь свой большой рост и быстро побежал босиком навстречу пуле.

Его несли на носилках, передавали из рук в руки. Зачем? – думал он, – если нет страны, нет любви. Обросший, исхудавший – он лежал в палате, обняв себя и сдерживая истекающую даже сквозь тугие бинты жизнь. Ему прочитали письмо. «Я согласна, дорогой мой человек! Тот мой неответ – лишь дань чувствам приличия и самолюбия. Какая глупость! Ответь мне без промедления».

Вы видели когда-нибудь мертвеца с окостеневшей улыбкой счастья?

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

Лето катится в осень

**Вот и снова аллеи
В золотистых заплатах.
Ничего не поделать –
Лето катится в август.**

**Море ласково тронет
Загорелые пальцы...
Солнце катится в море,
Лето катится в август...**

**Лето катится в осень,
Словно яблоки – в травы.
Для судьбы, безусловно,
Мы – простая забава:**

**Интересно – играет,
А наскучим – забросит...
Дни мелькают, как кадры,
Лето катится в осень.**

**Звезды катятся в утро,
Время катится в вечность...
Как я верила в чудо!..
Как я верила в верность!**

**Ветер дышит в затылок:
«Не грусти, успокойся...»
Ничего не случилось –
Лето катится в осень...**

ТАИРА ДЖАФАРОВА

ПРЕДАНИЯ СТАРОГО БАКУ И ПУТЬ В СУОМИ*

ЧЕТЫРЕ МОИ ТЕТУШКИ

Мои тетушки – это дочери Ага Мехти, сестры моего отца. Они были все очень разные, непохожие друг на друга, но необычайно любили друг друга. Выброшенные из обеспеченного счастливого детства в новую советскую действительность, они до конца жизни цеплялись друг за друга. Ни одна из них так и не вышла замуж, хотя в то время, согласно обычаям, девушек выдавали замуж уже с пятнадцати лет, как это описала в одной из глав своего неопубликованного романа Сара-ханым.

У тетушек наверняка нашлись бы достойные женихи, так как они происходили из богатой и влиятельной семьи. И воспитывались в европейском духе, поскольку Ага Мехти старался дать дочерям такое образование и воспитание, какое было принято давать тогда девушкам в состоятельном кругу людей, таких, как Тагиев, который служил образцом и для моего деда. Отчего новая советская система так повлияла на судьбу моих тетушек, стоит задуматься. Что тут оказалось причиной? То ли стесненная жилплощадь, то ли отсутствие женихов с таковой, то ли боязнь выходить замуж за людей совсем другого происхождения и воспитания, то ли еще какая-то, неведомая мне причина. Но так распорядилась судьба.

В детстве у моих тетушек имелись гувернантки, их учили французскому и немецкому языкам и музыке. Тетушек было четверо: старшая – Марьям-ханым, затем по порядку шли – Тамара-ханым, Сурея-ханым и Сара-ханым. Тамара-ханым и Сара-ханым даже учились в консерватории у профессора Георгия Шароева. У Сары-ханым, как я помню, была правильно поставленная кисть руки и хороший удар. Она исполняла для нас на фортепиано «Беккер», которое и теперь стоит в нашей квартире, «Лунную сонату» Бетховена, вальсы Шопена, что-то из Моцарта. У нее также был небольшой голос, и она трогательно пела нам под свой аккомпанемент русские романсы. Помню в ее исполнении романс Вертинского: «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?».

Помню, что первое, чему она меня обучила, была «Полька» Рахманинова.

Вообще все мои тетушки, кроме французского языка, прекрасно владели русским. И немудрено, так как почти все они учились сначала в известной в Баку женской гимназии – Заведении Святой Нины, а затем в Александринской гимназии и получили прекрасное по тому времени для девушек мусульманок образование.

По натуре очень любознательные, тетушки всем интересовались, будучи в курсе всего нового и интересного. Тетя Марьям неизменно покупала новые книги, – в моем детстве они были недорогими, издавалось много классики. Она обычно дарила нам книги по всякому поводу или без повода и трогательно их надписывала.

* Продолжение. Начало в № 9, 2016г.

Надо сказать, что тетушки всячески старались оградить нас, детей, от любых огорчений и потрясений, от всех бытовых проблем и тягостей жизни. Я, например, не видела, как хоронили Касумбека, мне его не показали мертвым, и поэтому я долго не верила в его смерть. Мы никогда не знали, на что мы живем, какие у них сложности, нас старались в это не посвящать. Нас даже никогда не посылали в магазины, не заставляли помогать по хозяйству, а, напротив, оберегали от хлопотливого и не всегда легкого быта. И потому я была оторвана от реальной жизни, как говорится, не знала, что почем, даже понятия не имела о стоимости продуктов, живя в своем собственном мире и, что называется, витая в облаках. Помню, в студенческое время одна из моих подруг, которая уже имела ребенка, как-то сказала мне: «Ты даже не знаешь, почем картошка на базаре». Это так и было, не говоря уже о том, что я и жарить ее не умела. В какой-то степени воспитание это оказалось несовременным, чересчур романтическим, таким, будто мы жили в семье миллионера и могли себе позволить ничем приземленным не заниматься. Видимо, тетушки воспитывали нас так, вспоминая свое безоблачное дореволюционное детство в состоятельном семействе. Мне предоставлялось мечтать и влюбляться, ждать каких-то принцев, влюбляться в прочитанных небожителей-поэтов. Я, например, боготворила Александра Блока, считая поэта все еще живущим где-то в далеком городе среди прекрасных, замечательных людей. И, естественно, ждала, что в меня влюбится кто-то, напоминающий героев Тургенева или Льва Толстого из «Войны и мира», в то время, как в нашем окружении находились самые обыкновенные ребята, совсем не умевшие книжно-изысканно выражать свои чувства. В особенности на физическом факультете, куда я поступила сразу после школы и который навевал на меня необычайную тоску.

Сурея-ханым очень любила поэзию и частенько читала нам вслух Бальмонта, ее любимым стихотворением было «У Моря ночью»:

*У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно
Хрустит песок.
О, как мне больно у Моря ночью.
Есть где-то счастье,
Но путь далек.*

Причем, она читала это с каким-то пронзительным ощущением несбыточного, навсегда потерянного, с грустью. Может быть, теперь думаю я, она даже видела Бальмонта, когда тот приезжал в Баку и выступал в театре Тагиева. И в моем детском воображении все это, вместе с певучими строками стихов, преобразалось, расцвечивалось, мне рисовались самые романтически-причудливые подробности, скрывавшиеся за недомолвками...

Поначалу к нам в дом часто приходили гости, несмотря на то, что все четыре сестры жили в одной большой комнате, бывшей зале. В ней же принимали гостей, устраивали застолье. А после ухода гостей укладывались спать, кто где, на импровизированных постелях. Главное, что они все вместе, в целостности и безопасности.

Марьям-ханым, будучи самой старшей, была как бы и матерью всем остальным, особенно младшей – Сарочке.

МАРЬЯМ-ХАНЫМ

Марьям-ханым – старшая дочь Ага Мехти, поэтому она лучше всех помнила отца, рассказывала, каким он был умным и добрым. Отец, гордясь, называл ее своей старшей дочерью, хвалил ее ум, учил быть примером остальным детям.

Когда в Баку после революции и распада Российской империи пришло смутное время, началась гражданская война, возникло много разных группировок, в городе шли погромы, схватки, стрельба. Тогда, в 1918 году, произошла резня мусульман армянами. Вот что пишет об этом свидетельница тех страшных событий Банин, дочь нефтепромышленника Мирзы Асадуллаева, в 1924-м, как и многие бакинцы, не ждавшая от новой власти ничего доброго и оказавшаяся в эмиграции, в опубликованном в 1945 году в Париже мемуарном романе «Кавказские дни»: «Армянская организация социалистического толка сумела установить военную диктатуру... они озаменовали начало новой власти погромами мусульман, которые не могли защищаться. ...Дом и город погрузились в полнейший мрак, который прорезали невесть откуда прилетавшие пули. Вдалеке слышен был пулемет».

Эти обстрелы не миновали и семью Джафаровых. Именно тогда пуля, случайная или нет – кто знает, но нацеленная в наш дом, влетела через стекло балконной двери и угодила в кафельную голландскую печь, а рикошетом попала в девочку. Марьям-ханым ранило.

Спасаясь и покидая дом через черный ход, ее понесли на руках от нашего дома на Цициановской наверх, по улице Мирза Ага Алиева, скорее всего, в какое-то укрытие, где надеялись спастись от карателей. Так или иначе, появился и врач. Тети мне рассказывали, что известные в то время врачи шли к больным даже под обстрелом, рискуя жизнью.

То, что пуля попала в Марьям-ханым рикошетом, на излете, спасло ей жизнь. А на голландской печи, той, что у нас в зале, напротив балконной двери, осталась маленькая выемка от пули, которая заметна и сейчас. Неизгладимый след истории, тех страшных лет.

Марьям-ханым, окончившая Заведение Святой Нины, прекрасно владела русским языком, отлично знала русскую литературу и историю. Так же прекрасно она владела и французским, не переставая читать на нем до конца жизни. Некоторые из ее французских книг сохранились у нас до сих пор.

По окончании гимназии она выбирала, куда бы пойти учиться дальше. Сначала пошла в Медицинский институт, чтобы стать врачом, но ей там почему-то не понравилось. И тогда она поступила в АЗИИ, на инженерный факультет, а после его окончания стала работать инженером-электриком. Потом занялась научной работой и одной из первых среди женщин-мусульманок Азербайджана защитила кандидатскую диссертацию. До конца своих дней Марьям-ханым заведовала лабораторией в Институте энергетики Академии наук, причем нужно отметить, что в подчинении у нее был преимущественно мужской коллектив.

Вот что вспоминал о научной деятельности моей тети Тейяр Ибрагимов, познакомившийся с ней в середине 1960-х:

«С самого начала нашего знакомства мне стало ясно, что Марьям Мехтиевна – человек, глубоко увлеченный научными исследованиями, с огромным запасом знаний. Уже потом от коллег я узнал, что она является первой в Азербайджане женщиной-ученым, удостоенной ученой степени кандидата технических наук. Основным на-

правлением ее научной деятельности в период нашего знакомства было исследование воздействия грозových и коммутационных перенапряжений на высоковольтную изоляцию, разработка и испытания новых типов изоляторов для высоковольтных систем электропередачи.

В лаборатории, которой она руководила, над решением научных проблем совместно трудились ученые и инженеры различных специальностей: инженеры-энергетики, физики, технологи. Силами самой лаборатории, без посторонней помощи, был сооружен первый в Азербайджане испытательный генератор импульсных напряжений 330 киловольт.

<...>На основании исследований, выполненных в лаборатории Марьям Мехтиевны, впервые в Азербайджане на высоковольтных линиях электропередачи и в открытых распределительных устройствах были использованы изоляторы с так называемой развитой поверхностью. Было доказано и практически подтверждено, что эксплуатационная надежность таких изоляторов намного выше, а их перекрытие электрическим разрядом происходит значительно реже.

Марьям Мехтиевна имела обширные научные контакты с ведущими научно-исследовательскими коллективами Советского Союза.

<...>По рассказам, у нее была оживленная научная переписка со многими учеными СССР, в том числе с академиком Николаем Николаевичем Тиходеевым – виднейшим специалистом и исследователем высоковольтной изоляции, с профессором Даниилом Всеволодовичем Разевигом, заведующим кафедрой ТВН (Техника высоких напряжений), с другими выдающимися деятелями в этой области науки.

Однажды мне довелось присутствовать на обсуждении у директора Института энергетики одной из работ, выполненных в ее лаборатории. Не помню, почему нас пригласили принять участие в этом обсуждении. Наверное, тема обсуждавшейся работы каким-то образом соприкасалась с вопросами электрических разрядов, которые применялись в выполнении работы лаборатории электрофизики. Поразительно, сколько энергии было в этой женщине, как целенаправленно и убедительно она аргументировала в напряженной дискуссии, невзирая на должности и ученые звания оппонента. Своим негромким голосом она настойчиво продолжала объяснять, доказывать отсутствие ошибок в своих рассуждениях, и добилась полного понимания ее установок и выводов. Я тогда почувствовал твердость и непреклонную силу духа в этом человеке. Как я понял в дальнейшем, за пределами научной дискуссии Марьям-ханум была толерантным, дружелюбным, вежливым человеком. По моим наблюдениям, она всегда была готова положительно откликнуться на просьбу о поддержке и помощи.

Для меня, молодого специалиста, общение с Марьям Мехтиевной имело огромное значение, как полезное дополнение к институтскому образованию. От нее я узнал много нового о высоковольтной изоляции, об особенностях влияния различной конструкции изоляторов и материала изготовления на электрическую прочность и надежность при разных сезонных и погодных условиях. Благодаря ей значительно расширился мой научный и технический кругозор.

<...>Уже будучи руководителем отдела управления, я понял, что многие замечательные разработки Марьям Мехтиевны не получают своего широкого практического внедрения. Основным препятствием к такому внедрению стало отсутствие материально-технической базы для изготовления изоляторов новых типов, разработанных в лаборатории. ... В советское время централизованного планирования эко-

номики получить необходимые средства на производство новых приборов и устройств, а тем более разработанных на периферии, какой считался Азербайджан, практически было невозможно.

Но при непосредственном участии лаборатории и лично Марьям Мехтиевны была выполнена чрезвычайно важная исследовательская работа по составлению региональной топографической карты Азербайджана с указанием зон с характерными загрязнениями (промышленными уносами, соляными и т.д.). Благодаря такой карте устанавливался требуемый уровень изоляции для высоковольтных линий электропередач и распределительных устройств, и этот уровень изоляции обеспечивали имеющимися средствами: увеличивали количество изоляторов в гирляндах, либо, если это было невозможно, то использовался какой-либо способ периодической очистки поверхности изоляторов. Была также разработана аналогичная карта зон различной грозовой активности в республике. Наличие такой карты делало возможной координацию защиты от воздействия молний не только объектов высоковольтной системы электропередач, но и объектов общего назначения.

Иногда, как это бывает в паузах между обсуждениями профессиональных и научных вопросов, в разговоре Марьям Мехтиевна затрагивала другие темы. И тогда я узнал ее как человека широко образованного, знающего литературу не только специальную, но и художественную. Как оказалось, наши взгляды на искусство, общественные явления и другие морально-этические стороны жизни во многом были близки. Ее негромкая, приятная речь располагала собеседника к свободной и непринужденной беседе. Однажды она рассказала о том, что ее племянница, человек талантливый и успешный во всех своих начинаниях, решила коренным образом изменить свою, казалось бы, успешную карьеру. Эта племянница в своё время получила золотую медаль за успехи в средней школе и красный диплом об окончании физического факультета Азербайджанского государственного университета, поступила на работу (или в аспирантуру) в престижный научно-исследовательский институт, получила утвержденную тему для кандидатской диссертации. Уже начали публиковаться ее научные статьи. Тем самым ей открывалась прямая дорога творческого и карьерного роста в науке. «И в какой-то момент – говорит Марьям Мехтиевна, – она всё это бросает и объявляет, что физика – это не ее, и собирается ехать в Москву поступать в Литературный институт. Родители и другие родственники были шокированы таким поворотом. А я ее поняла и не стала осуждать, хоть и считала, что она поступает не по-нашему, как мы хотели бы». Марьям Мехтиевна рассказала об этом событии немножко с юмором. Видимо, к моменту рассказа прошло достаточно времени, если при всей критичности того события можно было говорить о нем легко и с юмором. Этот рассказ и его форма показали мне широту взглядов Марьям Мехтиевны, ее умение ценить свободу выбора человека, даже если этот выбор ей самой не нравится. Мне кажется, это довольно редкое и ценное душевное качество».

Те, кто знал Марьям-ханым или, как ее называли сестры и близкие подруги, Мари, наверняка помнят ее энергичной, жизнерадостной, разносторонней и главное – все время обращенной к людям. Она охотно делилась своими знаниями, многим помогала. Вокруг нее всегда образовывалось общество и, как ни странно, преимущественно молодежное. Она неизменно пользовалась уважением и любовью окружающих. Наши соседи и другие знакомые называли ее «тетя Марьям», и я ее к ним немножко ревновала, думая: это же моя тетя. Всегда подтянутая, с высокой копной волос (в старости седых), непременно с кружевным воротничком на платье или жа-

кетке, она как бы следовала заветам Чехова, любимого ее писателя: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...» Эти слова вложены Чеховым в уста доктора Астрова, персонажа «Дяди Вани», одной из любимых пьес Марьям-ханым. Ее девизом было: «Никогда не унывать», и поэтому меня она частенько называла скептиком и подбадривала. Помню, как она по самым разным поводам цитировала нам Пушкина, особенно запомнились мне строки из «Полтавы», которые она с легкой усмешкой, иронизируя над собой, часто декламировала:

*Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.*

У нее была отличная память, она запоминала наизусть и стихи, и полюбившиеся ей цитаты из классиков, какое-то время даже записывала их в специальной тетради. И старалась сделать нашу жизнь красивой и одухотворенной.

Марьям-ханым иногда ездила в командировки в Москву. Там она почти каждый свободный вечер ходила во МХАТ, который в те годы не зря считался лучшим театром страны. В нем тогда играли из старых актеров времен Станиславского такие знаменитости, как Москвин, Грибов, Тарханов, потом Борис Ливанов. Ставили, конечно же, чеховские спектакли, «Мертвые души» Гоголя, «Анну Каренину» Толстого. Роль Анны исполняла в театре, а потом и в кинофильме Алла Тарасова, о которой Пастернак писал: «Сколько надо отваги,/ Чтоб играть на века,/ Как играют овраги,/ Как играет река...» Роль Вронского исполнял Павел Массальский. Марьям-ханым приезжала из Москвы, полная театральных впечатлений, и увлеченно рассказывала нам во всех подробностях об увиденных спектаклях, в основном, это были чеховские спектакли, и об игре тогдашних звезд.

А еще, помню, к нам в Баку на гастроли приезжал московский Театр им. Ленинского комсомола, который тоже считался одним из лучших. Мои тетушки ходили на все спектакли, особенно им понравился «Живой труп». В Театре Ленинского комсомола тогда блистал Иван Берсенев, который его и возглавлял. Знаменитой стала его роль Федора Протасова в «Живом трупе». Но он в этой пьесе сыграл еще одну роль – Следователя, правда, в разные годы. Не помню, кого он играл в бакинский приезд. Тетя Мари с восхищением говорила, что и в тех мизансценах, где он стоял спиной к залу, у него «даже спина играла».

Когда мы подросли, нас стали брать на спектакли бакинского Театра русской драмы, который в то время тоже считался довольно сильным по составу. Достаточно сказать, что там начинали Фаина Раневская и Михаил Жаров. Театр тогда назывался сокращенно БРТ, и знакомые театралки спрашивали друг у друга: «Вы были на премьере в БРТ? Я что-то вас не заметила. Мы сидели во второй нижней ложе ...» Бакинская интеллигенция тогда усердно посещала театры, не пропускалась ни одна премьера. И почти все знали друг друга в лицо. Специально для премьеры заказывались у лучших портних наряды, чтобы не ударить лицом в грязь. После премьеры в домах обсуждалось, что вот такая-то появилась одетой так-то и так-то (например, «в бархатном лиловом платье, прекрасно сшитом, очевидно, заказанном у Фалькович...» и т.д.) Детей в театре тогда было мало, особенно на вечерних спектаклях. И, помню, мы, малявки, которых для похода в театр одевали как можно нарядней, с гор-

дым видом прохаживались по фойе. В памяти те дни остались как настоящие праздники.

Помню, нам с Джаной очень нравился спектакль «Женитьба Белугина» по Островскому, в котором главные роли исполняли Борис Чинкин и Генриетта Беленькая. Чинкин, перед войной окончивший Бакинское театральное училище, пользовался большим успехом, особенно у женщин, и после спектаклей у выхода из театра его всегда ожидали поклонницы, что в наши дни уже трудно себе представить. Театр Русской драмы в 1950 году поставил также пьесу Имрана Касумова «Заря над Каспием». И, конечно, все наши театральные впечатления тех лет связаны с тетей Марьям. Она заказывала билеты в театр и в оперу, не пропуская ни одной премьеры, водила нас по воскресеньям в кино. В моем детстве о ТВ могли лишь мечтать. Поэтому ее роль в нашем воспитании и образовании нужно назвать главной. Она обычно брала в театр не только меня и брата, но и мою подругу Жаннет Салимову или Жанночку, как ее называли в нашей семье.

Марьям-ханым была светочем нашего дома. Она приносила новые книги, причем самых разных, чаще всего зарубежных авторов, которые издавались в то время – «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, Бернарда Шоу, О Генри, Джека Лондона, Дюма, ну и, конечно, все подписные собрания сочинений – Бальзака, Драйзера, Мопассана... Благодаря ей мы попеременно увлекались то одним, то другим великим писателем. Одно время у нас дома читали и цитировали Ричарда Шеридана по пьесе «Школа злословия», которая сделалась известной в постановке МХАТ, повторяя его афоризмы, например, такой: «Умному слову нужна колючка злости, чтобы зацепиться...»

Благодаря Марьям-ханым я была начитанней других учениц нашей школы. Меня обычно выбирали звеньевой отряда. Мне полагалось после занятий раз или два в неделю оставлять девочек из моего ряда в школе и занимать их, а также помогать отстающим. Помню, что я им пересказывала прочитанное, и они слушали, затаив дыхание, особенно рассказы о Шерлоке Холмсе или что-нибудь из романов Жюль Верна. Ведь многим из них дома вообще ничего не читали и книг не покупали.

Марьям-ханым также вывозила нас летом на дачу, возила даже отдыхать в Кисловодск и в другие города Кавказских Минеральных вод. В поездку с нами частенько отправлялась и Жанна вместе с мамой. А иногда к нам присоединялась и другая наша подруга – Ирина.

Там Марьям-ханым водила нас на всевозможные экскурсии, считая, что нам обязательно надо побывать в Пятигорске, на месте дуэли Лермонтова, во всех памятных местах. Под ее руководством продолжалось и чтение. Я обычно составляла список книг, которые планировала прочитать летом. Марьям-ханым наставляла нас, что надо поскорее расправляться с необходимыми домашними делами, чтобы потом спокойно усестись с книжкой или заняться каким-то другим интересным делом. Читая по-французски, она, когда уже вышла на пенсию, в старости, совершенствовала свой немецкий и читала по-немецки Коран.

Она также умела вышивать и вязать – этому рукоделью сестер обучила гувернантка Эльвина Адольфовна. Сестры очень любили свою гувернантку, ведь мать их умерла, когда родился мой отец. Но, к сожалению, позже гувернантку выслали из города, видимо, как немку. Таковы безжалостные повороты истории.

Мы, дети, никогда не видели Марьям-ханым бездельничающей, она всегда и всюду находила себе занятие, умела увлечь и нас. Это был замечательный пример на всю жизнь.

САРА-ХАНЫМ

Сара-ханым, младшая из сестер, была натурой романтической, а потому большой выдумщицей и сказочницей. В самом раннем нашем детстве она рассказывала нам с братом сказки собственного сочинения. Причем сказки обычно бывали страшными, и, рассказывая, она сопровождала их звуковыми эффектами, подражая завыванию ветра, вою шакалов, то повышала голос, то понижала. Дело близилось к ночи, нам пора было ложиться спать, но мы ее слушали, затаив дыхание и дрожа от страха.

– Сара, Сара, не пугай детей, им пора спать ложиться, – говорила ей Марьям-ханум, но мы умоляли ее продолжать.

Сара-ханым также писала рассказы, повести, статьи и иногда посылала их в центральные редакции, подписываясь придуманными именами, но неизменно получала отказы с рецензиями. У нас сохранилась рукопись ее романа «Искры революции», тоже, видимо, побывавшая в какой-то редакции. В первой части ее романа в двух частях, называющейся «Рассвет», события разворачиваются в предреволюционном и революционном Баку, и в ней много любопытного, много деталей тогдашней жизни, которые она почерпнула из своего детского опыта (во время революции ей было примерно девять лет) и частично, видимо, из семейных рассказов. Хочется привести здесь отрывок из романа, который дает представление о ее творчестве, из главы «Грустная история девочки с обожженной щечкой»:

«Несколько лет тому назад в Заведение Святой Нины была определена девочка мусульманка, явление весьма редкое для того времени. Тем более, что она происходила из бедной семьи, отец её служил фельдшером в Нобелевской больнице, а мачеха была, как в сказках, жестокая и злая. Отец мечтал видеть свою дочь слушательницей Высших женских курсов. Может, и сбылась бы его мечта, ибо девочка училась хорошо, да только он умер, когда она перешла в пятый класс. Девочка была хрупкая, нежная, с большими черными глазами, глядевшими всегда грустно и голодно, косы у нее были густые, длинные, до самих пят. Одноклассницы ее любили и относились так, словно была она меньше всех, учителя жалели. Особенно заботился о ней учитель русской словесности Андрей Сергеевич Ветошкин. После смерти отца девочке совсем стало туго, мачеха, чтобы избавиться от нее, решила выдать ее замуж за своего поклонника Исрафил-бека Дарлинского, который в ту пору искал себе в жены скромную, пусть даже бедную девушку, ведь миллионы в банке с каждым годом росли, а наследника еще не было. Однако мачеха не совсем была уверена, понравится ли девочка избалованному жениху. Но девочка понравилась Дарлинскому. «Ее косы меня с ума свели, компроне», – объяснял друзьям великовозрастный жених.

Следует заметить, что Исрафил-бек Дарлинский считал, что настоящий джентльмен – тот, кто в конце каждой произнесенной фразы добавляет французское слово. А когда он узнал, что девочке только 14 лет, от восторга, говорят, он даже облинулся и тут же выставил свои условия: во-первых, девочка должна оставить гимназию, во-вторых, каждую пятницу он должен бывать у невесты, заваривать и подавать чай должна только она, и последнее условие – чтобы до свадьбы она расшила ему разноцветным бисером ночные туфли, ночной колпак и феску. Условия были приняты. Как-то в очередную пятницу, когда девочка подавала ему чай, он внимательно оглядел её с ног до головы и, не дожидаясь пока она уйдет, сказал мачехе: «С ней в театр не пойдешь, её только дома держать, чтобы она ежегодно по одному солдатику дарила своему Отечеству, а мне наследников...» При этом он потянулся, чтобы ущип-

нуть девочку за щечку, но она больно хлопнула его по рукам.

«Ага, кисюля умеет выпускать коготки! – воскликнул Дарлинский. – Однако веселая жизнь меня ждет – компроне», – и Дарлинский так громко рассмеялся, что зазвенели стоявшие на столе стаканы.

А чуть позже девочка валялась в ногах мачехи, плакала и умоляла не выдавать ее замуж, она обещала всю свою жизнь работать на нее. Мачеха, вроде бы, согласилась, но на другой день пришла сваха и объявила, что поскольку невеста бесприданница и жених за нее никакого калыма не берет, свадьба состоится в пятницу – значит, через три дня, так как сваха прибыла во вторник.

Сваха принесла подарки, но больше всего мачехе понравились драгоценности: ожерелье, цепочки, кольца, пояса.

А как же девочка реагировала? Она больше ни о чем не стала просить мачеху, но определенно что-то задумала, это было видно по необычному выражению ее лица: глаза стали более грустными, но выражали решимость.

Накануне свадьбы девочка пошла в гимназию прощаться со своими однокашницами, но пришла в тот час, когда шел молебен. Она медленно спускалась по лестнице и вдруг увидела учителя Ветошкина. Он спросил, почему это ее не видно, уж не болела ли она? Девочка какое-то время молчала.

«Знаете, Андрей Сергеевич, – медленно начала она, – как ни тяжела жизнь, все же она лучше смерти, но смерть намного лучше моего жениха...»

«Как! – удивился учитель. – Вы выходите замуж?» Тут девочка не удержалась и заплакала. И только было Андрей Ветошкин собрался сказать девочке что-то очень важное, возможно, что-то такое, что освободило бы ее и от мачехи, и от жениха, неожиданно рядом с ними появилась мачеха. Она презрительно оглядела учителя и, взяв девочку за руку, повела к выходу. А у подъезда гимназии стоял новенький, щегольски украшенный красными розами фаэтон, и кто-бы вы думали сидел в нем? – сам господин «Компроне»... Причем вид у него был сердитый и обиженный, и когда мачеха подвела к нему девочку, он поднял её на руки и посадил себе на колени, а мачеха примостилась рядом. Девочка сидела притихшая, явно напуганная, то и дело оглядываясь на мачеху, словно ища у нее защиты от злого и сильно посапывавшего жениха. Видимо, господину «Компроне» наскучило сидеть без дела, и он взялся за косы своей невесты. То он их расплетал, то вновь заплетал, то держал их так, как кучер держит вожжи, и успокоился лишь тогда, когда обмотал их вокруг своей шеи.

А потом неожиданно обратился к мачехе: «Из этих кос выйдет первоклассный горжет...»

«О, да! – согласилась мачеха, следившая с подобострастием и улыбкой за его действиями... – Волосы у нее растут очень быстро. Между прочим, ночной колпак, феска и туфли уже расшиты разноцветным бисером».

«Надеюсь, эти ручки расшивали?» – подняв обе руки девочки, воскликнул Дарлинский.

«Ну конечно», – с той же сладкой улыбкой сказала мачеха.

Дарлинский нагнулся к девочке и, подмигнув глазом, спросил: «Кисюля у меня умница, будет любить своего богатенького муженька. А? Кисюля?»

Каждое слово в устах Дарлинского для девочки звучало бранью, она совсем съежилась, но двигаться не могла, так как косы были в плену у жениха. В эту минуту смерть казалась девочке настоящим избавлением. К счастью, фаэтон остановился, и Дарлинский со словами: «Приехали, кисюля», размотал со своей шеи девочкины

косы, затем ссадил ее со своих колен: «А теперь марш домой, и не смей оглядываться».

На углу стояли дворник и два старика амбала... Девочка, опустив голову, покорно поплелась к себе.

«Возьми обе косы в руки!», – крикнул Дарлинский вслед девочке. Она так же покорно взяла косы в руки и шмыгнула в ворота.

«Видали, – самодовольно ухмыльнулся Дарлинский, – как я сумел ее перевоспитать. Злая кошка стала нежной овечкой. Она уже не убежит от меня».

<...>Неожиданно в окна запылало пламя. Живой факел метался по комнате.

Ветошкин успел затушить огонь, охвативший девочкино платье, успел во время доставить ее в Михайловскую больницу. Девочка осталась жива, обгорели косы, да правая щечка, были незначительные ожоги и на ногах.

Как только Дарлинский узнал, что косы у невесты сгорели, он тут же отказался от нее, предварительно расторгнув кэбин, ведь влюблен-то он был в косы, а девочка так себе, приложение к предмету его любви, к косам. Мачеха куда-то исчезла, оставив девочку голой и босой...

Андрею Ветошкину пришлось взять на себя заботу о девочке. Он её устроил к своей знакомой, некой фельдшернице Безверховой. Жила фельдшерница в доме почтенного муфтия Гаджи Мухтара, снимала комнату на втором этаже, рядом с которой была еще комнатенка вроде чулана, но с окном в чужой двор, вот туда и вселилась девочка после всех описанных событий. В гимназию она не вернулась...»

Казалось, тетушку Сару забавляла литературная переписка с редакциями, особенно когда она вышла на пенсию. А вообще-то Сара-ханым училась в Москве, в институте, на архивном отделении. В то время она уже увлекалась литературой. Ей даже удалось познакомиться с Максимом Горьким. А ее любимым поэтом был Константин Симонов.

Перед войной три сестры – Тамара, Сурея и Сара – несколько лет жили в Москве. Тамара-ханым тогда работала в московской прокуратуре, а Сара-ханым и Сурея-ханым учились в высших учебных заведениях. Но в начале войны они вернулись в Баку. Здесь Сара-ханым устроилась работать в Центральное Архивное Управление, где проработала всю жизнь, получив звание заслуженного работника культуры. Сара-ханым стала опытным архивариусом, преданным своей работе, но и без литературного сочинительства жить не могла, это стало ее хобби, заветным увлечением. Мне кажется, что здесь, в архиве, она себя нашла, и за все время ее работы у нее никаких проблем по службе не возникало. Делаю я такой вывод потому, что когда я пришла в архив собирать материал о нашей семье, меня там встретили очень любезно, и старые работники рассказывали о ней только самое хорошее, а начальница архива Нина Фищева стала говорить о том, как они все любили Сару-ханым.

По натуре Сара-ханым была добрейшим человеком, она отдавала людям последнее, что имела. В восьмидесятые годы я привозила ей из Финляндии разные вещицы, сувениры, которые вскоре встречала у наших соседей или в руках играющих на нашей улице детей. Обычно ребятя ходила за ней толпами, не только потому, что от нее можно было получить вкусную конфетку, какое-либо лакомство, но и потому, что им хотелось послушать рассказываемую ею, так же как и нам в детстве, увлекательную сказку или просто потому, что говорить с ней очень интересно. Сара-ханым умела находить общий язык с детьми. Она их всех любила.

– Ай, Сара, Сара, неужели ты успела подарить эту новую вещь, которую я тебе

только что купила? – упрекала ее Марьям-ханым.

В молодости Сара-ханым была красивой, умела изящно, со вкусом одеваться. Сестры устраивали выходы в оперный театр, заказывалась ложа, и Сара-ханым красовалась в новом бархатном платье с декольте, обрамлявшем красивые белые плечи. Но она могла сразу же посадить пятно на новом дорогом платье, поскольку часто вела себя по-детски безалаберно и даже неаккуратно, в отличие от всегда подтянутой Марьям-ханым.

– Эх, Сарочка, Сарочка, ну что с тобой поделаешь, – обычно любяще говорила ей Марьям-ханым.

Но главным в Сара-ханым было то, что она ничего не боялась. И в самое критическое время, когда человек терял самообладание и веру в будущее, на помощь приходила Сара-ханым. Она поднимала дух, ободряла, находила правильное решение. Так, она единственная из всех тетушек сразу и безоговорочно поддержала меня, когда я решила поменять профессию и поступить учиться в Литературный институт имени Горького, бросив занятия физикой, аспирантуру в Москве. Она помогала не только мне, у нее была необычайно развита интуиция, она каким-то неведомым чутьем угадывала, как надо поступить и к кому или куда обратиться в трудной ситуации. Для многих она становилась подобием ангела-спасителя.

Сара-ханым также обладала хорошим чувством юмора и частенько смешила нас. Это была наша любимая тетушка, несмотря на всю свою юрочность и блаженность. Еще она любила заниматься сватовством. Так, одно время к нам захаживал молодой иранский коммунист, историк. Он жил одиноко, так как в Баку оказался в эмиграции, и Сара-ханым делала попытки его женить. Историк был маленького роста, невзрачной внешности, но образован, кандидат наук, и весьма самолюбив. Тетушки называли его Жожо. Когда он бывал у нас, обычно за обеденным столом велись жаркие споры на исторические темы. Однажды тетя Сарочка познакомила его с миловидной молодой девушкой, и они стали вместе ходить в кино и гулять по городу. Я про себя удивлялась, как эта девушка не стесняется с ним показываться. Но вот однажды Жожо пришел к нам обритый наголо и грустный. «Что случилось?» – спросили удивленные тетушки. И тут Жожо поведал им, что решил к лету побриться, а девушка неожиданно оставила его. «Ну как вы могли обрить голову, – сокрушалась тетя Сара. – Ведь вы встречались с такой хорошенькой девушкой!» – «А я сказал ей, – отвечал он: – люби меня лысым, а с кудрями меня всякая полюбит». Так Жожо ответил на упреки моей тетушки. Попытка оказалась неудачной, но, в конце концов, тетя Сарочка все-таки женила его на очень интеллигентной своей сотруднице, бывшей уже в критическом возрасте, не столь привлекательной внешне, но с ангельским характером, которая смогла выдерживать все причуды Жожо, и они создали хорошую семью.

Доверять тете Сарочке секреты было бы опрометчиво. Сара-ханым могла простодушно выбалтывать то, о чем следовало помалкивать, о чем ее просили никому и ни за что не говорить. Но Сара-ханым неизменно все прощали, ее нельзя было не простить.

Нынешние работники архивного управления все еще помнят ее. Одна из них, молодая, красивая, рассказала мне, как в бытность ее студенткой Сара-ханым помогала ей готовить задания по французскому языку. Студентка приходила к тетушкам домой, и там неизменно получала помощь и поддержку. «Однажды я спросила у Сары-ханым, что бы я могла принести ей в благодарность? На что та, не задумыва-

ьясь, ответила: варенье. И после занятий мы пили чай с вареньем и вели занятные беседы», – завершила она свой рассказ.

Да, такой она и запомнилась, тетя Сара – красивая, бесстрашная, щедрая, по-детски наивная. Лишиться ее было очень грустно, вместе с ней как бы навсегда ушло и мое детство.

СУРЕЯ-ХАНЫМ

Сурея-ханым была архитектором. Она отличалась от сестер особой утонченностью и изысканностью. Высокая, стройная, красивая, внешне похожая на популярную в то время иранскую шахиню, азербайджанку Фарах Пехлеви (она посетила Баку в 1972 году). Сурея-ханым в молодости училась в Москве, в Архитектурном институте. Вместе с сестрами она вернулась в Баку в начале войны и устроилась работать в Бакгипрогор, где и проработала до конца своей, к сожалению, недолгой жизни. Сурея-ханым была женщина артистичная, обладавшая незаурядным чувством юмора. Когда нам становилось грустно, мы просили ее изобразить кого-либо из соседей или знакомых, и ей это очень хорошо удавалось. Меня она почему-то звала Пинчик.

Сурея-ханым или тетя Шурочка, как мы ее дома называли, умела хорошо шить, сама делала выкройки. Благодаря ей тетя Сара и я получали иногда новую одежду, сшитую ее руками, и могли следовать духу моды. Уже не говорю о том, что сама она одевалась превосходно, с большим вкусом. Сурея-ханым очень следила за своей внешностью. У нее были тонкие длинные пальцы, ухоженные и наманикюренные ногти. Она позволяла себе курить, что в те времена встречалось редко, и сигарета изящно держалась в ее аристократичных пальцах. Сурея-ханым, всесторонне начитанная и образованная, также, как и ее сестры, увлекалась театром и общалась с семьей известного в то время артиста Кязим-Зия, дружила с его женой.

Сурея-ханым украшала наше существование не так долго, как хотелось бы, она прожила недолгую жизнь. От меня скрывалось, что она заболела раком, и даже долго не говорили о ее смерти. И когда я из Москвы, где училась в то время в аспирантуре МГУ, приехала летом домой и узнала о ее кончине, для меня это стало большим шоком. Представить, что ее нет, казалось невозможным, дом как бы сразу опустел.

Сурея-ханым проектировала дома в Баку вместе с сотрудниками Бакгипрогора, а какие-то проекты делала одна: например, она проектировала кооперативный дом Бакгипрогора, что напротив здания МИДа. В этом доме тетушки, сложившись, купили трехкомнатную кооперативную квартиру на втором этаже, где получили, наконец, возможность жить по-человечески. В доме жили работники Бакгипрогора с семьями, в нем имелся уютный и чистый дворик, где жильцы играли в теннис, сажали цветы.

Сурея-ханым была мудрым человеком. В какое-то время, очевидно, после того, как Касумбека погубили доносы интриганов, тетушки тоже попали в опалу. Сурея-ханым вдруг прослышала про то, что начальник собирается ее уволить, и придумала целый план, как защитить себя. В один прекрасный день она вошла к начальнику в кабинет и сказала о том, что ее приглашают на работу в «Азнефть», что считалось тогда повышением. И тут же спросила:

– Стали бы вы увольнять такого работника, который требуется в «Азнефти»?

Начальник смутился и начал уверять ее, что не собирается этого делать и никогда бы не пошел на такое. Так Сурея-ханым удалось оградить себя, остаться на любимой работе. Об этом мне рассказали ее сослуживцы.

ТАМАРА-ХАНЫМ

Тамара-ханум в молодости училась в Баку на юридическом факультете. По окончании юрфака ее взяли на работу в Бакинскую городскую прокуратуру, а потом она стала следователем по особо важным делам в республиканской прокуратуре. Но затем, по причинам, которых я не знаю, ей пришлось уехать из Баку в Москву, где она работала старшим следователем прокуратуры города. У нас даже сохранилось служебное удостоверение Тамары-ханым того времени. С ней в Москву поехали и ее сестры. Видимо, тетушки решили своим тогдашним отъездом из Баку избавиться от внимания недоброжелателей к своему прошлому, чтобы забылось, что их отец был известным предпринимателем и особенно то, что он в предреволюционные годы работал управляющим на ткацкой фабрике Тагиева. В те годы такое прошлое легко могло привести к любой беде, даже к аресту. Это хорошо понимала Тамара-ханым. Она обладала не только острым умом, но и редкой проницательностью и дальновидностью.

В биографии Тамары-ханым имелось еще одно «но». Она вместе с братьями Джафаром и Энвером какое-то время жила и училась в Берлине, и поэтому Тамара-ханым хорошо владела немецким языком. Но все эти «но» она сумела одолеть, добилась многого и неспроста пользовалась большим авторитетом и уважением.

В Москве ей пришлось работать в сложные предвоенные годы, а потом несколько лет и после войны, вращаясь не в простом обществе. Благодаря интеллигентности, обаянию, душевной широте ее принимали в любом кругу. Тамара-ханым умела держать себя в обществе, вести беседу, быть интересной и остроумной. А главное, она умела искренне погружаться в проблемы своих знакомых, в их решение, всюду становясь, что называется, своим человеком. Поэтому ее любили.

В годы работы в прокуратуре она познакомилась с другой Тамарой, красавицей-грузинкой. Муж грузинки был чуть ли не правой рукой Сталина, командовал танковыми войсками. Этих двух кавказских женщин связала крепкая дружба, что называется, до гроба.

Тамара-ханым проводила время на вечерах у своей подруги Томочки, где собиралось незаурядное по тем временам общество. Там бывали знаменитый следователь прокуратуры и бойкий писатель Лев Романович Шейнин, не менее известный юрист Гольст, другие именитые гости, и не только причастные к прокуратуре. Приезжая в Москву, дядя Джафар также принимал участие в этих вечерах. Грузинка Тамара или Тома, как он называет ее в своих дневниках, с грустью вспоминая об этом времени, ценила его и всегда приглашала в гости.

Имена Гольста и Шейнина здесь неслучайны. Георгий Робертович Гольст был прокурором следственного отдела Прокуратуры СССР, под началом которого Тамара-ханым работала, и Шейнин также был ее начальником. Кроме того, она всегда умела разговаривать с сильными мира сего... И следователем она считалась очень хорошим.

В 1970 году в газете «Комсомолец Азербайджана» о ней даже появилась статья, которая так и называлась – «Следователь». Статья рассказывала о первой азербайджанке, ставшей следователем в те времена, когда вообще женщин-следователей во всем Советском Союзе было очень и очень немного.

Когда Тамара-ханым окончательно вернулась из Москвы в Баку, она стала работать в Министерстве просвещения помощником министра, где потом проработала

долгие годы. И здесь ее очень уважали и любили.

Она была необычайно контактным человеком. После работы редко оставалась дома, почти все вечера проводила в гостях, в общении. Особенно тесно Тамара-ханым дружила с семьями великого азербайджанского композитора Кара Караева и известного писателя Имрана Касумова.

Но, конечно же, главным кумиром Тамары-ханым стал Кара Караев. Был у нее портрет Караева (чьей работы, я, к сожалению, не помню) на коричневом фоне, подаренный ей композитором в Москве, с его теплой надписью. Он до сих пор стоит у нас на почетном месте за стеклом в книжном шкафу. И еще у нас дома на стене, наравне с Джильи, висела репродукция его известного портрета, выполненного Таиром Салаховым, и тоже с дарственной надписью.

Почти каждый вечер Тамара-ханым, осмотрев меня и задав мне несколько деловых и коротких вопросов, убедившись, что со мной все в порядке, я здорова и накормлена, спешила в гости к семейству Караевых. Вернувшись домой, она рассказывала о том, какой Карик гениальный, как сегодня он сделал или сказал то и то... Как они вместе с Лизанькой (тещей) и Таничкой (женой композитора) восхищались его талантом и умом. Помню, она рассказывала нам, какие у Карика японские собачки, и о том, какой он добрый: не разрешал убивать мышек, даже целовал их.

И Караевы относились к нам с теплотой и вниманием. Помню, когда болела я или дочка Халыгбека Аллочка, к нам приходил известный в медицинской сфере врач Мурсал Караев, отец нынешнего министра культуры Абульфаза Караева.

Тетя Тамара отчего-то с недоверием относилась к моей болезни, принимая ее за притворство, и говорила: «Ну, хватит, вставай, сколько можно лежать». И помню, как доктор сказал ей тогда: «Нет, Тамара-ханым, вы ошибаетесь» и назначил мне серию уколов, которые меня вылечили, поставили на ноги. В доме Халыгбека Мурсал-муаллим бывал чаще, и они рассказывали о том, какой это прекрасный человек, военный хирург, необычайно способный, опытный и в то же время простой. Однажды он принес бутылку рома, который тогда был редкостью, и, широко улыбаясь, сказал, что это «райский напиток». Они распили бутылку вместе с Аллочкиными гостями.

Мурсал-муаллим дружил и с нашими тетушками, рассказывал о своей личной жизни и рабочих делах. Как-то Мурсал-муаллим даже рассказал, как, будучи заведующим отделением больницы, он избил своего сотрудника хирурга. Тот, хвастаясь, рассказал ему, как вымогал деньги у пациента, надул его. Кто-то привел в больницу больного родственника, у которого началась гангрена, спасение его жизни требовало ампутации обеих ног. Но хирург этот, взяв деньги с родственника больного, ампутировал вначале только одну ногу, а когда тот пришел и выразил недоумение и недовольство, заявил: «Ты заплатил за одну ногу, плати теперь за другую!»

Этот циничный рассказ вызвал необычайное возмущение Мурсал-муаллима, он не смог сдержать его. Поташил сотрудника в безлюдное место и как следует вздул его, с трудом смог остановиться. Мурсал-муаллим, прошедший войну хирургом, бывший главврачом медицинского эшелона на Курской дуге и будучи в молодости, что называется, настоящим парнем, не мог простить бесчестному хирургу такого грубого вымогательства, полного пренебрежения клятвой Гиппократова. Поступок Мурсал-муаллима, не сумевшего простить подлость, говорит о том же характере, что был и у моих родственников, вспыхивавших при столкновении с несправедливостью и бесчестием.

Мурсал Караев свято относился к своему призванию. Крупным медиком был и

его отец Абульфаз Караев, выпускник Одесского медицинского университета, основоположник нашей национальной педиатрии. После войны Мурсал-муаллим вернулся в родной мединститут, потом защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал одним из видных азербайджанских хирургов. Рассказывают, что их мать, писательница Сона ханым Ахундова-Караева, так любила своих сыновей, когда они были детьми, что старалась не расставаться с ними и укладывала с собой справа Кару, а слева Мурсала, и так и спала, обнимая их...

Также тесно Тамара-ханым общалась с семьей писателя Имрана Касумова, племянника Имрана Касумова-Кенгерлинского, который даже имя свое получил в его честь. Тетушки вообще умели дружить, в них было обаяние и какая-то особая притягательность, располагавшие к себе, и многие делились с ними самым сокровенным. Жена писателя Имрана Касумова, тоже делилась иногда своими переживаниями и рассказывала, как Имран оставлял ее подолгу одну, и как она, чтобы отвлечься от тревожных и ревнивых мыслей, часами играла дома на рояле.

Нужно добавить, что именно Тамара-ханым управляла нашим домашним хозяйством. Она покупала мебель для дома, обставляла и украшала его и руководила всем нашим обиходом. У нее были наши фамильные старинные украшения – бриллиантовые серьги, кольца, ожерелья и браслеты, некоторые из которых она носила, в трудные времена постепенно, по мере необходимости, их продавая. Тамара-ханым и сама увлекалась стариной, вкус у нее был отменный, и она, когда появлялись деньги, покупала старинные предметы – чашки, канделябры, подсвечники и тому подобные изысканные вещи. И очень радовалась им, это сделалось ее хобби. Бывало, поставит новую вазу на трельяж и любуется, восклицая: «Ах, какая красавица!»

Ну, конечно же, и я служила всегдашним объектом непрестанного внимания тети Тимочки, как мы ее называли. Она постоянно пеклась обо мне, когда я стала учиться в университете, даже уступила мне выделенную ей маленькую угловую комнату, бонбоньерку, как мы ее называли, обставленную мебелью в стиле рококо. Она же под влиянием старшей сестры Марьям-ханым (ученого-энергетика) побудила меня поступать именно на физфак университета. Пообещала, правда, что если мне там не понравится, поможет перевестись на филфак, но этого так и не произошло. Когда в первом же полугодии я пожаловалась, что мне не подходит этот факультет, она сказала: ну, давай еще до лета подождем. Но потом уже все пошло-поехало, и я добросовестно доучилась до конца и даже в аспирантуру поступила им на радость.

Тетя Тимочка пеклась не только обо мне, но и о моей подруге Джане. Когда Джана окончила филфак, ей по тогдашним законам следовало «по распределению» (так это называлось) три года отработать учительницей в школе в одном из районов Азербайджана. Для нее, планировавшей поехать в Петербург и поступать в театральный институт (ЛГИТМИК) на режиссерское отделение, это представлялось настоящей катастрофой. Я стала упрашивать тетюшку освободить Джану от преподавания в районной школе. Тогда строгости были необычайные, и сделать это казалось практически невозможно. И только тетина необычайная влиятельность, уважение, каким она пользовалась, помогли положительному решению дела. Но и моя настойчивость. Когда тетя Тимочка, усталая, возвращалась с работы домой, я встречала ее у порога вопросом: «Тебе удалось освободить Джану?»

Бедная тетя Тамара, она боялась возвратиться домой и встретить мой грозный укоряющий взгляд, услышать требовательный вопрос.

После того, как началось гонение на дядю Касумбека, Тамара-ханым также по-

пала в немилость. Ее уволили с работы. Тамара-ханым впала в депрессию: для столь деятельного человека сидение дома оказалось невыносимым. Я помню, как она сидела за нашим большим столом белого дуба и строчила письма, очевидно, в Москву, в высокие инстанции. Кончилось тем, что ее снова приняли на работу.

Дружба ее с грузинкой Тамарой продолжалась и в послевоенные годы. Они ездили в гости друг к другу, общались семьями. Причем обе прекрасно одевались, в какие-то немыслимые шляпы и костюмы того времени. И грузинка Тамара по приезде в Баку покоряла всех роскошными нарядами и красотой. Однажды она, случайно проходя мимо моей 134 школы, наткнулась на меня, поздоровалась, ласково потрепала меня за щечку, и на вопрос одноклассниц, кто эта эффектная тетя, я, не моргнув глазом, выпалила: «моя мама». Этому я научилась у Джаны. Она обычно приносила в школу фото какой-нибудь киноактрисы и выдавала за свою маму. Она вообще любила пофантазировать и частенько рассказывала нам небылицы, а мы верили. Она любила театрально эффектные мистификации, и нас ее артистичная фантазия очень увлекала.

Тамара-ханым вообще умела дружить, ее дружба была крепкой и верной, что называется, на всю жизнь. Однажды в Баку приехал муж грузинки Тамары и остановился в нашем доме по желанию жены, которая велела ему гостить у сестер Джафаровых, которых он, конечно, и сам полюбил. Этот большой начальник оказался сильно пьющим человеком. Помню, что он сидел во главе празднично накрытого стола и произносил тост за тостом. Конечно же, непьющие тетушки покорили его своим открытым гостеприимством и обаятельностью.

Проницательность тети Тимочки мы все не раз почувствовали на себе. Если мы пытались что-то от нее утаить, ей это вскоре становилось ясно. Она тут же заводила незатейливую беседу и по ходу ее вдруг начинала смеяться. На вопрос, почему она смеется, отвечала: «А потому, что ты ведь только что проговорилась, что скрыла то-то и то-то...»

В ее знакомых числилось, наверняка, не меньше, чем полгорода. Ее все любили и уважали. Пока она была жива, у нашей семьи не было проблем, она обычно устраивала все наши дела, руководила семейными финансами, и это у нее очень хорошо получалось. Но после ее смерти вся тяжесть неожиданно свалилась на мои плечи, а я оказалась совсем не готова к тем житейским делам, которые требовалось решать, была не знакома ни с людьми, ни с порядками. Неопытная в практической жизни, я к тому же стала москвичкой, оторвавшись от родного дома, а позже сделалась жительницей Финляндии...

У тети Тамары, так же, как и у дяди Джафара, была одна слабость – любовь к итальянской оперной музыке и конкретно к знаменитому в то время тенору Беньямино Джильи. В моем детстве в кинотеатрах Баку показывали трофейные фильмы с его участием – это «Не забывай меня», «Мое сокровище», «Ты мое счастье» и другие. Помню, что Тамара-ханым помногу раз смотрела эти музыкальные фильмы, какой-то из них мы смотрели даже – я посчитала – 33 раза. Наизусть помнили все арии, хотя они исполнялись на итальянском языке. И, конечно, повсюду в квартире у нас встречались фотографии Джильи. Поэтому теперь, когда я слушаю итальянскую оперу, либо в театре, либо по ТВ, на глаза невольно наворачиваются слезы, и я сразу вспоминаю этих навсегда ушедших дорогих мне людей. Так, например, я проплакала всю оперу «Манон Леско» в исполнении прекрасной финской певицы Кариты Маттила...

ДЯДЯ ДЖАФАР

Старший сын Ага Мехти и старший брат моего отца дядя Джафар также жил с нами, но у него не было даже своей комнаты. Он помещался в отгороженной китайской ширмой и старинными шкафами части большой комнаты, а в остальной ее части жили три его сестры. Особенно трудным стало его положение, когда он женился и привел туда свою жену. В то время, как до революции дядя Джафар жил в собственном доме в Шахском переулке. И, как рассказывали, тогда ему прочили в жены девушку, принадлежащую к роду Гаджаров. По всей вероятности, родственницу Меликсумы-ханым Гаджар, жены Садыха, сына Гаджи Тагиева от первого брака. Тетя Сарочка часто вспоминала, что брат Джафар собирался жениться на иранской принцессе. Но судьба распорядилась иначе. И наш дядя Джафар, блистательный ученый, женился уже в советское время на простой женщине.

У меня сохранилась автобиография дяди Джафара, написанная им от руки.

Дядя Джафар или Джафар Мехтиевич, как его называли на кафедре иностранных языков в АзПИЯ, был очень образованным человеком. С 1912 по 1917 год он учился в гимназии Емельянова, потом, с 1918 по 1920 год, в 4-й гимназии, а с 1920 – во 2-ой советской школе второй ступени, которую окончил в 1921 году. Затем он поступил на инженерный факультет Азербайджанского политехнического института, на котором успел проучиться один семестр.

В конце 1922 года он по разрешению Наркомпроса и Наркоминдела Азербайджанской ССР выехал на учебу за границу, в Германию, где в 1923 году вначале поступил в Институт по изучению немецкого языка при Берлинском Университете. Тетя Сара рассказывала, что в Берлине он познакомился со студентками – родственницами Коллонтай, и те его очень полюбили, называли Джафарчиком. Дядя Джафар сделался активным членом тамошней студенческой советской общины. У нас в семье сохранилось удостоверение, выданное ему 2 августа 1927 года в Берлине Исполнительным комитетом Союза студентов СССР в Германии, дающее некоторое представление о его студенческой жизни:

«Тов. Джафар Ага Мехти Оглы Джафаров состоял членом Советских студенческих организаций с июля 1925-го года. За время своего пребывания в Союзе тов. Джафаров занимал следующие должности: члена ревизионной комиссии Союза Студентов Советского Закавказья до образования единого Союза студентов СССР в Германии, с августа 1925 года до января 1926 г., члена ревизионной комиссии нашего Союза с января 1926 года по август 1927 г., члена правления Берлинской организации нашего Союза с августа 1926 года по апрель 1927 г. и, кроме того, был избираем делегатом на 3 конференцию Сов. студенчества в Германии и секретарем 3-й конференции Закавказского студенчества в Западной Европе. Товарищ Джафаров в течение 6 месяцев был в кружке по политграмоте при Закавказском Студсоюзе. За все время своей работы в Союзе тов. Джафаров добросовестно и аккуратно выполнял все возложенные на него обязанности. Тов. Джафаров зарекомендовал себя как честный, добросовестный и сознательный советский общественный работник. Тов. Джафаров отправляется на родину ввиду окончания им Вуза в Германии».

Вузом был Берлинский коммерческий Институт, а специализировался Джафар Джафаров в области потребительской кооперации. В то время это была очень востребованная специальность. Сразу же, вернувшись в СССР, он поступил на работу в Азериттифак (Азербайджанский союз потребительской кооперации) инструктором. А

уже через полтора месяца оказался призван в ряды РККА и 10 октября 1927 года зачислен красноармейцем-одногодичником в 5-ый полк Степинской дивизии в Баку.

В декабре 1928 года, окончив срок службы и сдав испытание на командира запаса, Джафар Джафаров уволился из рядов РККА и вернулся на работу в Азеритти-фак, проработав там до 15 октября 1931 года. Затем уволился по собственному желанию и «до начала 1937-го, – как он пишет в автобиографии, – не работал, жил на иждивении родных, отчасти занимаясь переводами с немецкого на русский».

Дядя Джафар, как рассказывалось у нас дома, уволился с работы под видом болезни, но на самом деле он попросту отсиживался дома, так как начал подвергаться политическим преследованиям. Как рассказывали у нас в семье, да и от сослуживцев его я это слышала, на помощь Джафару пришла Коллонтай, с которой он познакомился на ее встречах со студентами в Берлине. (Интересно отметить, что мать Александры Коллонтай была родом из Финляндии, и она многое сделала для провозглашения в 1917 году ее независимости.). В те годы политическая атмосфера и ситуация в Азербайджане изменилась, пришли иные, еще более сложные и жестокие времена. В 1925 году неожиданно, от сердечного приступа, как сообщили советские газеты, умер Нариман Нариманов, который был кумиром и покровителем дяди Джафара и всей нашей семьи. А потом долгие годы имя Нариманова старались не вспоминать. Для восстановления его памяти немало сделал национальный лидер Гейдар Алиев. Он рассказывал: «В 1970 году, когда накануне 100-летнего юбилея Наримана Нариманова я знакомился с архивными материалами, меня очень потрясло, насколько трагичными были последние годы его жизни. Столетие Нариманова исполнилось в 1970 году, но юбилей его мы справили в 1972 году. Вы можете спросить, почему? Потому что пришлось два года вести борьбу за этот юбилей. Потому что на Нариманове было клеймо “националист”». Нариман Нариманов поддерживал специалистов из числа «бывших», отдавая должное их образованности, заботясь о поднятии уровня грамотности народа, о науке и культуре. Да и в те двадцатые годы такую политику проводили по всей стране, которой остро не хватало квалифицированных кадров. А затем курс резко изменился, и среди «бывших», среди «спецов» в первую очередь стали искать так называемых «врагов народа», «вредителей».

Помню из детства, как тетя Сара рассказывала тете Марьям:

– Какой смелый наш Джафар. Они подошли к двери и стали стучать, а он сказал им: «Что вам надо? Убирайтесь!»

Мне, конечно, невдомек было, кто приходил и кто стучал. Но все эти рассказы вызывали непонятное волнение и недоуменные вопросы в детской голове.

Блестяще владея немецким, дядя Джафар решительно поменял профессию. Он окончил «пятимесячные курсы по подготовке преподавателей иностранных языков», а затем Азербайджанский педагогический институт им. Ленина, отделение европейских языков и начал преподавать. С 1937 по 1941 год он работал в Азербайджанском государственном педагогическом институте в должности преподавателя немецкого языка. Тогда же занялся и научной деятельностью, быстро получив признание и уважение коллег. Вскоре он стал заведующим кафедрой иностранных языков, а потом и деканом факультета немецкого и французского языков того же института, в котором проработал до конца жизни. Говорят, что когда он входил в институт, то по пути в свой кабинет здоровался с каждым студентом. И все знали, что к нему можно обратиться с любым, самым сложным и неожиданным вопросом.

Как рассказывал мне завкафедрой немецкого языка института профессор Фа-

храддин Вейсаллы, Джафар Мехтиевич даже водил своих студентов на филармонические концерты, в оперный театр, зачастую покупая им билеты на свои деньги.

Одевался дядя Джафар очень просто, все свои деньги тратил на книги и пластинки. И выглядел настолько скромно, что в нем трудно было распознать декана, уважаемого преподавателя. Тот же Фахраддин Вейсаллы, один из успешных учеников дяди, рассказывал мне, как, будучи студентом, он шел вместе с Джафаром Мехтиевичем по улице Басина в институт. Проходя мимо небольшого базарчика, они увидели и услышали, как один из студентов-первокурсников, только что поступивший в институт, скандалит. Джафар Мехтиевич остановился, снял с него шапку и сделал замечание: «Молодой человек, вы ведете себя недостойно звания студента». На что тот, оглядев Джафара Мехтиевича, грубо заявил: «А ты кто такой? Иди отсюда».

Потом, уже в институте, Джафар Мехтиевич вызвал его, вернул шапку и сказал: «Больше так не поступайте!» Тогда только студент понял, что накричал на своего декана.

Похожий образ рисует и другая его бывшая студентка: «Когда я в первый раз увидела его, то пришла в замешательство. Он был одет очень странно, в кепке, каких я нигде прежде не видела, а на ногах поверх туфель были надеты старомодные калоши. Это был пожилой человек, сгорбленный, в руках он держал большущий портфель, казавшийся больше него самого... С бледным лицом, с серебряной сединой, он был заметно обеспокоен. Весь вид его говорил о том, что это человек из какого-то другого мира, растерянный оттого, что попал в нашу эпоху. Потом я узнала, что это Джафар-муаллим. И когда он начал читать нам лекцию, я поняла, что он действительно не от мира сего. Его кристальная честность, его прямота, его чистота, его щедрое сердце, – все это отличало Джафара-муаллима от других преподавателей. Он считал, что даже копейка, не заработанная трудом, это нечестно».

Словом, перед студентами возникал благородный рыцарь от просвещения, от науки. Недаром некоторые коллеги называли бескорыстного декана Дон-Кихотом.

Профессор Бабаев, как и многие другие, так рассказывал о необычайной честности Джафара Мехтиевича. «Однажды, это было в 1973 – 1975 годах, шло заседание кафедры английского языка, заведующим которой был профессор Тагизаде. Неожиданно дверь открылась, вошел Джафар Мехтиевич, прошел прямо к столу Тагизаде и положил на него 35 копеек. «Что это такое, Джафар Мехтиевич?» – спросил тот. – «Вы забыли, что мы приехали с вами на такси, и счетчик показал 70 копеек. Это моя доля. Возьми свои деньги». Когда он вышел, мы подумали: вот если бы все были такими честными и щепетильными. И такой случай был не один, он никогда не разрешал платить за себя и никогда не давал студентам частных уроков...»

Дядя Джафар всего себя отдавал преподавательской работе. Он ежедневно задерживался в институте допоздна и не только обучал студентов языку, но и заботился об их всестороннем развитии и образовании. По определенным дням он устраивал на кафедре прослушивания итальянской и вообще классической музыки, приобщая студентов к своей заветной страсти. Таким образом он просвещал студенческую молодежь, ведь многие из них приехали учиться в Баку из самых отдаленных районов Азербайджана.

Профессор Ф. Хусейноглу вспоминает, что их педагог постоянно жил в мире науки и музыки, которые для него были неотрывны друг от друга, как говорится: «Language is basically sounds».

Об этом и о многом другом трогательно пишут его ученики и коллеги, чьи вос-

поминания собраны в книге, посвященной 100-летию со дня рождения Джафара Мехтиевича Джафарова, изданной Азербайджанским университетом языков в 2005 году.

Профессор С. Бабаев, назвавший свои воспоминания о моем дяде «Великий педагог – великий человек», рассказывает: «*Был декабрь 1957 года. Я учился на третьем курсе английского факультета. И вместе с двумя другими студентами готовился к поездке в Великобританию на двухмесячные языковые курсы. Нашим деканом была Омарова, но однажды декан немецкого и французского факультетов Джафар-муаллим зачем-то вызвал меня к себе. Я, робея, приближался к его кабинету. А когда я вошел, он попросил меня сесть и начал открывать ключом железный сейф в своем кабинете. И потом пояснил: "Из институтской кассы взаимопомощи я вам даю немного денег. Когда вы приедете в Москву, купите себе новую одежду. К англичанам в таком виде отправляться нельзя". От стыда я не знал, что сказать, и пролепетал лишь "большое спасибо". Таким оказалось наше первое знакомство с Джафар-муаллимом*». Подобных случаев было немало, и зачастую, говоря, что выдает деньги из институтской кассы, он давал собственные деньги. Джафар Мехтиевич вообще заботился о студентах, навещал их, кому-то помогал с устройством в больницу, кого-то поддерживал и утешал в трудных житейских ситуациях.

Следующая встреча профессора Бабаева с Джафаром Мехтиевичем, по его воспоминаниям, произошла, когда он, будучи лаборантом, наблюдал урок практической фонетики, который тот проводил в лаборатории устной речи. На этот же урок пришли послушать студентов два немецких инженера, работавших тогда в Азнефтехиме. Как только прозвенел звонок, они сразу же подошли к Джафару Мехтиевичу и стали его горячо благодарить. «У нас в Германии ни в средней школе, ни в институте не найдешь такого преподавателя, – заявили они, – чтобы так ясно и с таким отличным произношением проводил урок». Я помню, что произношение у дяди Джафара было классическое, берлинское – хох дойч (Hoh deitch).

Среди многих заслуг Джафара Джафарова не только преподавательская деятельность, он перевел на азербайджанский и русский языки немало научных книг и учебников, составлял словари, научные и методические пособия. Известен составленный им первый в истории немецко-азербайджанский словарь, в котором сорок тысяч слов. И, главное, он создал – ЛУР – лабораторию устной речи, которая стала новым словом в методике изучения иностранных языков, причем, не только в Азербайджане. Бывало, что его привлекали, как переводчика, на важные переговоры, в самые высшие инстанции, и тут он проявлял себя во всем блеске.

Джафара Мехтиевича очень почитали и любили не только студенты, но и коллеги. Когда я пришла в институт собирать сведения о нем, меня окружили помнившие его преподаватели. И все с теплом о нем вспоминали. Оказалось, что в 2004 году здесь торжественно отметили 100-летие со дня рождения любимого педагога, а в 2015 – 110-летие. Модератором юбилея выступил профессор Фахраддин Вейсаллы, доктор лингвистики, а кроме того учредитель и редактор журнала «Иностранные языки в Азербайджане». Профессор рассказал мне, как вернувшись в Баку из Ленинграда, где он защитил кандидатскую диссертацию под руководством знаменитого лингвиста Л.Р. Зиндера, поначалу не мог устроиться на работу. Тогда Джафар Мехтиевич буквально взял его за руку и повел к ректору. Ректору он заявил, что это талантливый молодой ученый, что его знания надо использовать. Ректор тут же ответил: «Вы можете зачислить его на свою кафедру». Профессор говорил, что Джафар Мехтиевич сделался для них образцом поведения, знания и культуры, и что спо-

речь с ним не решались даже титулованные профессора, несмотря на то, что тот не имел научной степени. Джафар Мехтиевич, по словам Вейсаллы, был ходячей энциклопедией. «Мне 72 года, – признался он, – но в своем окружении я до сих пор не встретил столь образованного человека».

Фахраддин-муаллим рассказал мне еще такой забавный случай. Джафар Мехтиевич был для студентов не только почитаемым педагогом, но для кого-то из них даже заботливым отцом, а для кого-то мудрым дедушкой.

Однажды один из них спросил у него совета: «Джафар-муаллим, я хочу жениться, – и назвал имя студентки, своей избранницы. – Что вы мне посоветуете?» На что Джафар Мехтиевич ответил: «Я тебе не советую на ней жениться». «Но почему?» – спросил студент. «У нее плохое произношение», – слегка подумав, ответил тот. Женитьба состоялась, но брак оказался неудачным, в конце концов закончившись разводом. Старый педагог оказался провидцем.

Все выступавшие на вечере воспоминаний отмечали, что Джафар Мехтиевич обладал юмором, причем добрым. Его бывшие студенты старались подражать ему во всем – в поведении, интонациях, запоминали его характерные жесты и мимику. Их педагог, несомненно, обладал актерскими способностями. Когда он прикладывал руку к сердцу и кивал, это значило, что произношение у отвечающего студента правильное, а если он поднимал брови и стучал себя по коленке, значило, что произношение – швах, никуда не годится.

Но главное, – об этом говорили многие, – он всегда чувствовал свою ответственность за порученное дело – подготовку национальных кадров – и стремился вложить в своих студентов все, что мог – не только знания. Он старался привить им воспитанность, научить хорошим манерам, достойному поведению, то есть – культуре и образованности во всем.

Еще Фахраддин-муаллим сказал мне, что Джафар Мехтиевич много рассказывал о прошлых днях Азербайджана, что он очень многое помнил и был прекрасным рассказчиком, и мы вместе посожалели о том, что в свое время не записали его интереснейших рассказов. Он рассказывал о правительстве мусавата, о кровавых событиях тех лет, о Наримане Нариманове и Гаджи Зейналабдине Тагиеве, об Узеире Гаджибейли. Еще дядя Джафар, это запомнили в институте, много рассказывал и о Рухулле Ахундове, который был родом из Шувелян и работал до революции в типографии, возможно, в типографии Тагиева. Они, судя по всему, были хорошо знакомы. Впоследствии Рухулла стал первым секретарем ЦК Компартии Азербайджанской ССР, а потом – наркомом просвещения. Кроме того, он был известным публицистом, владел и восточными, и западными языками. А в 1936-м его сняли со всех должностей, арестовали и в 1938 году расстреляли. Такой же честный коммунист, по словам дяди Джафара, как и Нариманов...

Запомнился его рассказ о том, как Узеир Гаджибейли ездил на фаэтоне с узелком в «həftə hamamı», «еженедельную баню». Тогда ведь в домах не было ни душа, ни ванной, и все раз в неделю ходили в баню, но не только поэтому, так было принято. В бане назначались встречи, обсуждали после мытья новости. Там работали умелые банщики, мастера своего дела, которые мыли господ. В оперетте «Не та, так эта», музыку и либретто которой написал Узеир, как раз есть очень забавная сцена, действие которой происходит в хамаме... Я помню, что хотя у нас дома в детстве были ванна и душ, мама водила нас с братом раз в неделю в старинную баню «Фантазия», которая и сейчас находится недалеко от нашего дома...

Дядя Джафар знал в Баку, как отметил профессор Абдуллаев, «каждый камень, каждую улицу, историю каждого дома». И его неожиданная смерть была еще и в этом смысле большой утратой, ибо в новые времена он открыто написал бы обо всем пережитом и увиденном. Мне помнится еще с детства, что дядя Джафар был замечательным рассказчиком, и мы с братом ходили за ним по пятам и, разинув рты, слушали его рассказы.

Страстно любивший классическую музыку, дядя Джафар часто устраивал в доме прослушивание итальянских опер. Он собрал самую большую в городе коллекцию пластинок классической музыки. Он стал ее собирать еще в самом начале тридцатых годов. Как я помню, больше всего дядя любил итальянскую оперу «бельканто». Увлечшись тогдашним тенором Беньямино Джильи, он сумел собрать более ста записей его пения, в том числе трех опер с участием знаменитого певца. На прослушивания приглашались близкие знакомые, артисты. Они рассаживались за большим столом у нас в зале, среди гостей часто бывала княжна Лейла Уцмиева, работавшая в консерватории. Красивая, с аристократичной внешностью и манерами, с огромными зелеными глазами египетского разреза, она была родственницей знаменитой поэтессы Хуршидбану Натаван.

Дядя Джафар регулярно посещал оперный театр и время от времени приглашал на наши прослушивания приезжих гастролеров, среди которых встречались знаменитости, и непременно местных исполнителей. Помню, что однажды в гостях у нас были Донат Донатов, Нина Ренальдовна Валацци с сыном Ренальдом, а позже – драматический тенор Печковский, исполнитель арии Германа. Ну и, конечно же, за большим столом сидели я и кто-либо из моих школьных подруг. Хорошо помню тот вечер, когда он пригласил Доната Донатова. Почетные гости уже сидели в зале за большим столом, на котором стоял патефон, а мы с подружкой все еще шептались за дверью, робея от стеснения, и не решались войти. И вот, наконец, в дверях появились две маленькие фигурки – потихоньку вошла я вместе с подружкой. Знаменитости с удивлением взирали на неожиданно возникших пигалиц, но дядя Джафар, нисколько не смущаясь, а, наоборот, с гордостью, словно бы дождался самых дорогих гостей, провозгласил: «А вот и наша Тахирушка».

К нам приходил и совсем еще молодой, очаровательный Муслим Магомаев, послушать музыку и вообще поговорить об итальянских певцах и посоветоваться с дядей Джафаром о своем будущем. Помню, он приходил не один, а со своей, по-видимому, тогдашней невестой, женщиной небольшого роста и несколько постарше его.

Появлялся у нас, а чаще на институтских прослушиваниях, любимый певец дяди Джафара Лютфияр Иманов, великолепно исполнявший партию Кероглу в бакинской опере. В азербайджанской музыке любимцами дяди были Узеир Гаджибейли, Кара Караев и Фикрет Амиров.

Дядя Джафар оставался всю жизнь ярим поборником классической музыки. Но мы, молодежь, жили своими, современными интересами и пристрастиями, и когда стали популярными барды, особенно такие, как Высоцкий и Окуджава (не говоря уже о джазовой музыке и популярном в то время Луи Армстронге), мы с Джаной однажды пришли к дяде Джафару с просьбой разрешить прослушать на его аппаратуре записи их песен. Мы никак не ожидали, что это вызовет такую бурную негативную реакцию. «Как, вы собираетесь слушать эту чушь? – громко возмущался он. – Не может быть! И вы, Жанночка? Что вы? Опомнитесь! Разве это можно слушать? Разве это музыка?». Он был сильно разгневан и мы, пристыженные и вместе с тем раздосадованные, что

не удалось прослушать кассеты, удалились.

Дядя Джафар был женат, но детей у него не было, и он уделял большое внимание моему брату. Они были даже внешне похожи. Надо отметить, что дядя Джафар имел прекрасный музыкальный слух и небольшой голос, и сам иногда пел небольшие арии. Таким же меломаном стал и мой брат, и пока у нас был проигрыватель, брат слушал оставшиеся после дяди пластинки и вторил знаменитым певцам.

Другим хобби дяди Джафара стала борьба. В молодости он ею увлекался, посещал выступления профессиональных цирковых борцов, коллекционировал их фото.

Помню, когда институт стал строить кооперативный дом, дядя Джафар вступил в кооператив. Он с нетерпением ждал окончания строительства, часто ходил смотреть на строящийся дом. Переехав, наконец, с супругой в новый дом, в отличную квартиру, он буквально расцвел. Ведь ему, привыкшему в детстве жить совсем в иных условиях, пришлось много лет ютиться в небольшой комнате, куда он перебрался из своего уголка за ширмой только после смерти Касумбека.

К большому сожалению, дядя Джафар умер перед самой перестройкой. Он отличался прекрасной памятью, помнил многое из прошедшего и смог бы написать увлекательную книгу мемуаров, смело рассказать обо всем и приоткрыть завесу, за которой от меня, как ни горько это сознавать, прячется многое. Мне сложно говорить о его духовном мире, но, насколько я могу судить, он был воспитан на великой немецкой философии и литературе, на высокой немецкой культуре.

Дядя Джафар вел дневники, после его смерти нам передали сорок исписанных им тетрадей. Часть их была написана по-немецки. Когда я изучала немецкий язык и овладела им настолько, чтобы прочесть его записи (увы, впоследствии большая часть тетрадей, относящихся к более раннему периоду его жизни, пропала), то с удивлением открыла, что дядя Джафар был человеком с нежной, восприимчивой и очень ранимой душой. Так, он писал в дневниках, только им поверяя свои заветные мысли, что в последние годы нередко нуждался и ему не хватало денег на еду, не говоря уже о любимых пластинках и книгах, о чем я даже не знала, и что ему так и не дали заслуженного звания профессора.

В свои закатные годы дядя был занят переводом классической азербайджанской комедии «Мертвецы» Джалила Мамедкулизаде на немецкий язык. Закончив перевод, он переговорил с издателями, вскоре перевод книги замечательного писателя увидел свет, и сейчас экземпляр ее находится в библиотеке университета языков, которому Джафар Мехтиевич Джафаров посвятил всю свою жизнь.

Здесь мне бы хотелось привести некоторые дневниковые записи из уцелевших тетрадей дяди Джафара, относящиеся к 1970 году.

Из дневника дяди Джафара

4.03.1970. Я очень устаю и, приходя домой, не нахожу сил даже для этих записей, не говоря о том, что за 4 с половиной месяца проживания в этом доме я ничего не написал по специальности, если не считать подготовки доклада и тезисов по управляемой артикуляции. А думал, что в новом доме буду работать интенсивнее!

(Раньше я писала, что дядя Джафар в новом доме расцвел, но, оказывается, под гнетом все возраставших кооперативных платежей и долгов он, получив квартиру, не получил ни спокойствия, ни благополучия!)

Вечером открыл «Баку» и прочел объявление о смерти Рейхан-ханум Топчибашевой. Бедный Мустафа бек! На старости потерять талантливого сына, умершего во цвете лет, и спустя неделю – жену. Судьба иногда наносит людям страшные удары один за другим, совершенно не задумываясь над тем, что это может привести к смерти и третьего, а иногда и четвертого. Если есть бог, где же его милосердие? Вот и сидишь в ожидании, когда и какой удар нанесет тебе твоя судьба!

...Товарищи из «Маарифа» (издательства) хранят гордое и таинственное молчание, мой словарь спит под колыбельные песни Хамида Касумзаде. Он с большим удовольствием умертвил бы его.

5.03.1970. Состоялось первое заседание Совета при лаборатории экспериментальной фонетики. Здесь собрались все, кто занимается фонетикой и обладает к тому же ученой степенью. Доктор философских наук З.Тагизаде, доктор философских наук А.Махмудов, кандидат наук, а на самом деле настоящий доктор Ф.Ибрагимбеков, кандидаты наук Дадашев, Бабаев, Амирбеков, Садыхов, М.Караева – тоже будущий вскоре доктор, и один человек без степени и звания – я. Говорили о возрождении экспериментальных фонетических исследований, Фуад-муаллим подчеркнул значение управляемой артикуляции и психологического уровня в фонетике, Махмудов – об усилении фонетических элементов в обучении русскому языку, Зейнал-муаллим взывал к интонографу. В общем, этот день можно считать днем, когда возрождаются убиенные 20 лет тому назад основы созданной тогда большими усилиями экспериментальной фонетики. Это пункт в лингвистике нашей страны. Говорил и я.

6.03.1970. Вечер Джильи прошел неплохо, было около 30 человек, первокурсников человек 10 с преподавательницей Валидой Алиевой и еще человек 18.

Джилли – это океан чувств, звуков, темперамента, захватывающий человека, покоряющий и успокаивающий. Утром я чувствовал себя очень слабым и думал, не продержусь до вечера, а как полились звуки чудесного голоса, я забыл усталость и всю немощь своего организма. У меня такое чувство благодарности кудеснику Джильи и преклонение перед ним, которое не могу выразить словами.

8.03. 1970. Рано утром просмотрел еще раз книгу о Ларисе Рейснер и как-то особому разволновался.

Обаятельный образ этой женщины меня всегда волнует, она знаменует для меня какой-то неземной мир и людей больших чувств, огромной человечности и красоты. Между мужчиной и женщиной должна пролегать полоса какой-то тайны. Отсутствие этой тайны, когда все раскрыто, оголяет до всех точек и доводит до животного состояния, возникают отношения самки и самца. Семейная жизнь – это мирное сосуществование на вулкане.

...Прочитал работу о нафталане (нафталан, лечебная нефть, добываемая в городе Нафталан, где находится известный бальнеологический курорт – **Т.Дж.**), изданную в 1934 году покойными Исмаил-заде, дядей Халыгом и живым Б. Эйвазовым. Спустя 30 лет Халыгбек умер, года за три до него умер Исмаил-заде, перенесший так много. Жив только Эйвазов, отвергнутый собой. Как было 36 лет тому назад хорошо! Не потому, что жилось хорошо, а потому, что тогда не думалось о смерти, думали о жизни, потому что все были живы, кроме папы, бедной мамы и Рубабы-биби.

12.03. 1970. Вчера вечером провел в общежитии № 2 беседу об артисте Кязиме Зие. Шафига Абдуллаева сделала сообщение о нем, потом прослушали в магнитофонной записи отрывки из «Öiülər» («Мертвецов»). Шейха Насруллу исполнял Кязим Зия. Было около 50 студентов, слушали с интересом. Вечер прошел лучше, чем я ожи-

дал. Надо почаще устраивать такие беседы. Собираюсь повторить цикл «Выдающиеся люди Советского Азербайджана».

21.03.1970. Проснулся и пребываю все еще в мире чудных звуков джильевского голоса. Техника сохранила то, что давно ушло из этого мира. Что было бы с человеком, если бы он не знал искусства бельканто. Может быть то, что порой он становится столь гадким, и объясняется его уходом в мир ультраузокрой его меркантильности, от которой он богатеет, но духовно тупеет. Музыка призвана не быть усладой, а быть чем-то вдохновляющим и обновляющим дух человека, облагораживающим его наслоенную натуру-природу. Пение Джильи дало мне зарядку на хорошее и на ощущение внутреннего богатства человечества. Продолжая думать о причине радости, связанной с отказом мне маарифских (издательских) грошей, я понял, что отказ освободил меня от неловкого чувства какой-то обязанности людям за услугу, о которой я не просил. Я рад, что я не обязан никому, даже тогда, когда это делается из хороших побуждений.

22.03.1970. Был на бульваре, где прочел всю речь Гейдара Алиева, произнесенную на пленуме ЦК 20 марта. Много сказано горькой правды и даны указания, что делать. А в людях я мало замечаю желания работать по-новому, отрешившись от мецанского эгоизма. Надо как-то их изменить, а многих, очень многих даже заменить.

24.03.1970. Сегодня день рождения И.С. Козловского, ему исполняется 70 лет, любимцу нашего поколения, певцу, который всегда вносит свое в исполнение, обладателю замечательного тенора-альтино...

С вечера идет дождь, завывает бакинский ветер. Зима заупрямилась и не хочет уходить, не совершив гадости. А мы из-за этого страдаем. Грипп не проходит. Многие еле двигаются. У меня такое чувство, что мое пребывание в этом мире подходит к концу. Минуту я чувствую себя хорошо, а несколько очень и очень плохо. Что-то колет за левой стороной груди, иногда укачивает. Что со мной, я не знаю.

Вечером, придя домой, нашел извещение об уплате. Услуги 12 р. 21 коп. и квартплата 54 р. 05 коп., всего 66 р. 26 коп. Плата за первый квартал. Следовательно я должен буду в каждом квартале платить 90 р., т.е. 30 р. в месяц. Я и думаю, что из 47 р., которые мне остаются, 30 с чем-то квартира, 5р ..., 2 р. 50 коп. троллейбусный билет, остается 9 р. 50 коп в месяц, это значит 31 коп в день. Вот и проживи! О газетах и пластинках надо перестать думать. Надо продать часы и электрограммофон. А как я расплачусь с долгами? Когда же наступит оплата словаря?

Надо думать о себе
и не ходить в старье.
Никто не думает о тебе
и о твоём тряпье.
Купи себе новое пальто
а старухе модное манто.
Но на это надо деньго,
а где раздобыть его?

Люди, которые более 3 лет душат словарь, мало думают об уплате гонорара.

26.03.1970. Я очень беспокоюсь, как пройдет сегодняшний день: мне предстоит провести занятие по ТС (технические средства) с учителями, затем заседание кафедры на тему «Понятие системы и структуры языка в свете диалектического мате-

риализма», потом Ученый совет института, где надо сделать сообщение о проверке работы ЛЭФ, а потом еще одна двухчасовка на первом курсе. Это нелегко. Занятие с учителями прошло неплохо, на кафедре было тоже неплохо. И на совете говорил я неплохо. В общем, все хорошо, что хорошо кончается... Радуюсь, а в голове сверлит мысль, где достать 36 рублей для уплаты за квартиру?

31.03.1970. Вчера выдался ужасно жаркий день, прямо как 18 лет тому назад, когда 31 марта скончался бедный Касумбек. Сегодня день его смерти. Уже 18 лет, как его не стало. Кто причинил ему эту неприятность, смешанную с гадостью и доведшую его до смерти, пусть им будет проклятие, им и их потомству. Я оплакиваю этого невинно убиенного замечательного человека – первого доктора юридических наук Советского Азербайджана.

...Мина К. закончила свою книгу – учебник французского языка для нашего спец. факультета. Это большое дело в жизни нашего факультета и республики. Такой учебник – первый.

...Начал знакомство с книгой Мины – хорошая серьезная работа, хотя в некоторых вопросах, касающихся фонетической структуры, согласиться не могу. Однако упражнения очень интересные и оригинальные, особенно в сочетаниях ответа с последующим вопросом.

...Перечитываю «Мертвецов» Д. Мамедкулизаде и убеждаюсь, что произведение гениальное и вместе с тем общечеловеческое. Автор исключительно глубоко проник в душу нашего народа.

17.04.1970. Сегодня сообщили имена получающих ленинские медали по нашей кафедре и кафедре немецкого языка – это Ширванзаде, Соколова, Амирбеков, Севда Пепинова и я. Завтра пойдем получать в консерваторию.

22.04.1970. Скажу нашему факультетскому профкому, чтобы организовал коллективное хождение на картину «Посол Советского Союза», а затем проведем обсуждение, прослушаем голос Коллонтай А.М. и поговорим о ней.

...Я все больше погрязая в долгах.

1.05.1970. Был на демонстрации, очень устал... Вечером слушал Карузо, Джильи и стихотворение Гете в исполнении немецкого чтеца. Чтец не произвел на меня впечатления. Затем читал до 11 вечера книгу о А.М. Коллонтай.

2.05.1970. Сегодня к 11 утра кончил читать книгу. Чем больше читаю книгу Миндлина, тем быстрее начинаю менять свое мнение об этой книге. Она хорошая, очень хорошая книга, так тепло и человечно передающая события жизни такой человеческой личности, какой была Коллонтай, хотя многие периоды пропущены и не все изложено одинаково подробно. Надо было бы больше остановиться на описании ее дипломатической деятельности. Пора более действенно увековечить память Коллонтай. Для меня она, Лариса Рейснер стали особенно дорогими.

...Был у девочек (здесь он имеет в виду сестер – **Т.Дж.**), чувствовал себя дома, только без Шурочки. И их обижают. За что? За нашу честность и человечность? Думаешь о себе и о своих. Все мы какие-то обиженные, неспособные постоять за себя. А люди мы очень неплохие, но неприспособленные.

Сидя на бульваре я спросил себя: почему сейчас нет таких, как Коллонтай или Рейснер? Время другое – скажет мудрец. Но это не ответ. Правда, сейчас нет острых социальных конфликтов, но зато есть большие свершения, которые должны воодушевлять, и если были бы другие классы, то отдельные их представители дали бы нам таких людей. Нынешнее поколение пожинает плоды трудов того поколения, оно при-

няло все, так сказать, готовым, работает в условиях лучшей материальной обеспеченности и потому несколько утратило свою боевитость, порой даже шокирует.

5.05.1970. Иногда, наблюдая с лоджии моего 9 этажа, вижу, как люди смотрят на наш дом и думают: вот какие крены здесь живут. Но не знают, что большинство из нас это не крены, а люди, затянувшие свои пояса, которые с трудом собирают деньги на покрытие ссуды и «услуг».

Надо продать ручные часы, старую отцовскую люстру, залежалый отрез, чтобы купить книжные шкафы. Книжки валяются на полу, пластинки беспризорные.

10.05.1970. Сегодня посмотрел, наконец, картину «Посол Советского Союза». Мне очень понравилась. Артистка тонкая, но она не Коллонтай, слишком молода, а в сцене с примеркой шубы – вертлявая.

20.05.1970. Вчера на торжественном собрании, посвященном 50-летию Азербайджана, был оглашен приказ ректора об объявлении благодарности. От нашей кафедры – М. Алекс., Саадулле и мне.

Вчера в газетах дали информацию об итогах Закавказской конференции, посвященной 50-летию. Был снимок и краткие сведения о Данко Ломидзе. Жаль, что я не знал о его пребывании в Баку. Обязательно повидались бы, и, может, он узнал бы меня. Я его знаю с 1925 года, с конференции Закавказских студентов в Берлине.

11.08.1970. Оказывается, бедная Поля (это о Полине Марковне, прислуге Тагиева, которая жила на втором этаже нашего дома – **Т.Дж.**) скончалась 5 августа, а 6 ее хоронили. Ей было 82 с лишним. Бедный, одинокий человек, честно и по-трудовому проживший свою жизнь. У Поли нашли припрятанными 350 р. Моя мадам считает это жутким безобразием, что покойная сэкономила на всем и держала деньги. Во-первых, это небольшие деньги, если человек за 82 года жизни скопил 350 р. Во-вторых, она не могла их расходовать на себя, ибо знала, что в случае смерти у нее никого нет, и нужны будут деньги для похорон. И она, бедная, спрятала их именно для похорон. Таких, как Поля, ругать нельзя. В ее судьбе есть много сходного с судьбой Елены Демут. Обе одинокие, обе умерли вдали от родины, обе нашли свою семью в чужой, ставшей для них родной. Разница – Демут не пережила своих хозяев, а Поля пережила их и осталась совсем одна. О судьбах людей надо думать, надо улучшить их жизнь... Надо больше чуткости к людям.

20.08.1970. Решил воздержаться от покупок книг и пластинок, но там, где встречаешь что-то хорошее, удержаться нельзя. Зимой я не купил «Die Deutsche Sprache» с замечательным разделом, посвященном фонологии и фонетике, но сегодня купил, так же, как и новую работу Г.Харта. Видел томик с переводом Гоголя, Чехова, Шоу и др., но стоимость 1 р. 65 коп. удержала меня. Однако сегодня пошел и взял. На мое счастье оказалось, что столько стоит не один том, а два. На обратном пути зашел к Захару (продавец) и увидел «Мастера Бель-канто» 5 пластинок, среди них и записи Джильи, взял еще Вертинского и «Господин из Сан-Франциско» Бунина.

...Каникулы на исходе. Когда в человеке что-то надломлено, так хочется, чтобы каникулы длились. Опять работать без конца. Иногда спрашиваешь себя, во имя чего ты живешь? Какую пользу приносишь обществу? И нет у меня ответа. Общество сильно ушло в себя. Не мешало бы направить энергию на лучшее обслуживание покупателя, которого Шарль Жид как-то образно назвал «бараном, которого стрижет торговец». У завмага напротив нашего дома уйма энергии, он все продолжает свой темпераментный разговор с техником. Он видит все и хочет всего, но он не видит грязных балахонов своих продавцов и их нечистых рук.

23.08.1970. Вечером раскрыл папку с афишами и программами концертов и выступлений артистов, которые я посетил когда-то. Чаще всего ходил я один, иногда с Мари. Большую роль сыграли абонементы, приобретенные Рагимбеком через профсоюзы и передаваемые им мне. Это было в тяжелые и грустные годы моей жизни.

И вот перелистываю. Кого только нет, Бюль-Бюль, Ш. Мамедова, Книжников, Аристова, Прокошев. Тархов, Рише, Левин, Никольский. Из приезжих Лемешев, Сливинский, Рейзен, Норцов, Боровская. Степанова, Барсова. Жадан, Печковский, Бадридзе, Ангуладзе, Хозе Риавец, О. Фрид, Гаук, Жебранская, Андерсен и все дальше проплывают перед удивленным взором имена, фамилии, а главное, таланты. Имена заполнены замечательным музыкальным и вокальным содержанием. Ленинградская филармония. Мирон Полякин, молодой Аншелевич, профессор Чемоданов со своими изумительно содержательными и воспитывающими вступительными словами. Не было усилителей, люди выступали во всем богатстве, наделенном природой, и действовали на окружающую публику. И публика была, и публикой она была! Невольно загрузишь!

26.08.1970. Разбирал газеты и наткнулся на замечательную статью в «Бакинском рабочем» о Мари. Это последнее публичное внимание к ней, проявленное в 1964 г. 10 апреля. С тех пор о ней ничего не пишут.

29.08.1970. Наконец-то началась нервотрепка. Мне нужны 3.5 штатные единицы. Я все думал, что мне их дадут, а оказалось, не знаю, правда или неправда, что их нет и предлагают взять людей лаборантами и заставить их работать педагогами.

9.09.1970. Слушал Мирзаджанзаде в нашем институте, где он читает курс по математике и статистике. Мирзаджанзаде, по-видимому, человек интересный. <...> Он человек думающий. Он напомнил нам о том, что в сутолоке мирской суеты, где человек часто выступает в роли неприглядной и гадкой – существо мудрое и думающее с самого своего зарождения. Уже одно открытие науки математики показало его мудрую природу. В Мирзаджанзаде – тонкий интеллект и дух ищущего, а когда человек ищет, то всегда находит, если и немного, это не так важно. Найти в науке малое есть высшее удовлетворение. Ученый, собирающий в паноптикуме остатки, это Klatenhändler. Пока окончательно что-то сказать о нем трудно, конечно. Постараюсь продолжить знакомство. Мне очень хочется найти цельного и чистого человека. Люди так погрязли и их надо так много и долго отмывать!

10.09.1970. Хураман сказала мне, что вчера в «Молодежи Азербайджана» появилась статья московского литератора И. Моисеева о моей сестре Тамаре под названием «Следователь». Я ее достал и прочел и вспомнил минувшие дни, как Тамара начинала свою юридическую деятельность, ее работу в городской прокуратуре с Айолло, затем в прокуратуре республики, где она была следователем по особо важным делам, затем ее вынужденный переезд в Москву, где она работала старшим следователем Московской городской прокуратуры, потом возвращение в военные годы домой, затем опять Москва, а затем опять Баку и ее работа в Минпросе, где она уже работает 25 лет. Вспомнил о Шейнине, Гольсте, ее подруге Томе и жалею: надо было остаться в Москве. И не только ей, всем нам: Шурочке, мне. А Сара и Мари тоже приехали бы к нам. Тамара была первой азербайджанкой-следователем!

29.09.1970. Купил пластинку с фрагментами выступлений А.В. Луначарского. Какая-то маленькая девушка, увидев, что я покупаю, тоже взяла, сказав, что это был первый и настоящий нарком просвещения. Да, таких, как Луначарский, наркомпросов у нас уже не стало. В одном из своих выступлений Луначарский сказал, что грам-

пластинка важнее радио, последнее ограничено во времени, преодолевает пространство, для грампластинки не существует ни времени, ни пространства. Пластинка сохранила нам голоса величайших людей прошлого и настоящего и сохранит и в будущем. А радио это не под силу.

30.09.1970. Сегодня год, как мы въехали в новую квартиру. Вечером пошли к сестрам и очень хорошо провели время за милой и непринужденной беседой. В 11 часов вернулись, а в 12 заснули. И мне спалось хорошо. Сейчас, в эти дни, ощущаешь давно прошедшее и пережитое, и кажется – это было давно-давно. Мы все ждали нового и верили, что когда-то наступит хорошая жизнь. Жизнь хорошая наступила, но жить стало нелегко. Не хватает денег, не хватает сознательных, хороших людей. Очень много надо сделать, чтобы очистить души людей, изгнать из них свое «я» и влить туда спасительное «мы». Надо ярче вспомнить о Наримане, Рухулле, Али Гейдаре Караеве, Габибе и других. А их было много. Грустно, что их нет. В ЛУР я повесил портреты Нариманова, Рухуллы и Усейна Рахманова.

Был на концерте. Самое хорошее впечатление осталось у меня о Лютфиаре Иманове. «Плач Фредерико» в исполнении Атакишиева прошел как-то бесследно.

После обеда пошел в кино смотреть «Севиль». Я в восторге от Лютфиара Иманова. С каждым часом он растет и становится неузнаваемым. Наконец-то мы заимели тенора! И материал хорош, и техника совершенствуется, и чувство есть. Очень понравилась мне Олейниченко, страдает произношение. Но голос и мастерство незаурядные. Много в картине мрачного. Севиль и Гюлюш неплохие. Балаш определенно хорош. Хотелось бы больше динамики. Дильбер – кто, не знаю, – играет лучше всех и прекрасна во внешности.

Отдохнув, начал дочитывать перевод пьесы Вагабзаде на немецкий. Вещь меня захватила. Я все думал, чем она закончится. Решад, попав в клещи между чувством и долгом, должен был бы покончить собой. Это самый лучший выход из такого неразрешимого противоречия, ибо, когда возникает конфликт между глубокой любовью и долгом, другого выхода быть не может. Но автор решил его в сторону долга: последний взял вверх. Теперь я понял, что человек не может жить без театра. Театр самый точный и самый тонкий показатель дум общества, и тот, кто в стороне от театра, стоит и в стороне от познания культуры своего времени. Даже более, театр отражает и то, как настоящее воспринимает и понимает культуру прошедшего и настоящего, взятых в общечеловеческом масштабе.

9.10.1970. Был в магазине Захара. Там были три пластинки, заинтересовавшие меня: Лота Леман – автора книги «Мое искусство пения», отрывки из «Трубадура» в исполнении артистов La Scala и оперные арии в исполнении Тео Адама (ГДР), последняя стереофоническая. Но я не купил, а очень и очень хотелось. Бюджет жмет и сильно жмет, я весь в долгах. А пластинки стоят 6 р.80 коп. Как быть дальше?

Вечером я решил просмотреть в постели «Комсомольскую правду» от 11 октября и нашел статью «Они знали Зорге». Статья интересная. В ней рассказывается о последних днях жизни великого патриота-разведчика.

24.10.1970. Вчера официально закончилась Республиканская конференция по применению ТС в обучении русскому языку, а сегодня я выступил с докладом перед гостями на тему «История, организация и задачи ЛУР». Доклад прошел неплохо...

(Окончание следует)

ЮРИЙ МАМЕДОВ

НАШ ДОБРЫЙ, СТАРЫЙ БАКУ

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!

С.Есенин

Как пишет замечательный ученый-историк, исследователь древнего и средневекового Азербайджана Д.А.Ахундов, название Баку «...произошло от слов, звучавших как «бак» или «баг», означающих в индоевропейских языках «бог», «солнце»...Слово «бага» встречается в Бехистунской клинописной надписи VI в. до н.э. в значении «бог». Слово Багуан и Багаван произошли от слова «баг» и окончания «ван», произносимого иногда «уан», обозначающего большой город (Шир-ван, Нахче-ван, Хафте-ван, Ереван)». О нем, как священном городе, упоминают Моисей Хоренский в V в., Ананий Ширакци и Гевонд в VII в. Сара Ашурбейли в связи с названным Гевондом Атши-Багуан пишет, что Атши – это искаженное Атеш – огонь, а название Атеши-Багуан – «огни Багуана» (место священных огней). Далее она говорит: «...речь идет о Баку. Кесрави Тебризи, ссылаясь на данные историков раннего средневековья, отождествляя Багаван и Атеши-Багуан с древним Баку и значение этого слова объяснял как «город Бога» или «место Бога». Он писал: «Город назывался так потому, что в «нем находился один из главных храмов огнепоклонников». А еще Страбон приводил такое высказывание: «По словам Эратосфена, жители называли Кавказ Каспием, может быть, от имени племени каспиев»; это дало основание Ахундову локализовать каспиев на карте III-II тыс. до н.э., которые оказались древнейшим народом на территории Азербайджана. В I тыс. до н.э. к ним примкнули албаны, с которыми они (по всей видимости) ассимилировались, ибо последние (албаны) стали преобладать, и с V в. до н.э., вплоть до завоевания арабами в X веке нашей эры, существовало Албанское государство, именуемое арабами Арран.

Как неотъемлемая часть Каспианы, указывает Ахундов, на Абшероне еще в III тыс. до н.э. уже находилось святилище огней – Апам Напата, Габиле, которое под названием Хунзар (обращенный к солнцу), в I веке до н.э. превращается в Атеши-Багуан (город священных огней, Албане Албака, Ал-Баку-с (древний Баку). Затем наступает эпоха Ахеменидов (V в. до н.э.), и на карте наряду с прежними знаками легенды появляются священная крепость Сабаил и заповедник Гобустан.

Так исторически эволюционировала наша прародина на территории западного побережья Каспийского моря.

...Да, о многом может поведать седой и умудренный жизнью Баку, но самой приятной из бесед был бы рассказ о изумрудных одеждах, в которые он навсегда облачился после долгих трудов в поисках благословения Божьего, став еще ближе к первозданным истокам, где зеленый цвет – цвет вечной жизни, а волны молодых платановых крон и жемчужная зыбь тополиной листвы, равно как и цветов белоснежной накипи акаций, только оттенят синь моря и лазоревое небо над его головой, чтобы они приобрели еще большую глубину, а глаза не утомлялись отражать эту дарованную Всевышним красоту...

Ибо пустынный ландшафт окружает Баку, и я, сухопутный моряк, отчаявшийся было найти пристанище в океане песка и ветра, могу, наконец, поведать о зеленом море, над которым, как остров на плаву, все выше поднимается твердь моего города. В его изумрудных водах нетрудно отыскать ту первую отмель, над которой задержался сине-зеленый вал шумного прибоя, чтобы, выкатившись на берег, уже никогда не расставаться с ним...

Конечно, это – в прошлом – Губернаторский сад! А что сказать о Нагорном парке, этом признанном эталоне архитектурно-декоративного решения амфитеатральных склонов, парящих в невесомости холмов, серпантинном ускользящей из-под ног шоссеиной ленты и ветра, затерянного в игольчатом кружеве эльдарских сосен – месте, где некогда томилась пустынная голь Чемберекенда?

А зеленые водопады продолжают стекать к морю. Пленительные рощицы из эльдарской сосны, где ранней осенью можно собирать даже маслят, изумрудной мозаикой украсили некогда безжизненные склоны над пляжем Шихова. Это они дали возможность прорасти солнечному дреку, а чуть выше раскинуться саду посеребряных олив, где пасторальную иллюзию старины так кстати украшает белоснежная кучка овец, если вам когда-нибудь придется задержаться в тенистой рощице на подъеме и увидеть их бредущими по еще необсаженным овражным склонам со стороны, где видны две верблюжьи горбинки Лок-Батана.

Можно бесконечно любоваться нашей природой, восхищаясь тем, как она все больше и больше смягчает свой нрав, видимо, довольная заботами живущими на Абшероне людей. Ее обветренное соленым нордом лицо преображается, и улыбчивый май, как и бабье лето раскрасневшейся осени, делают его почти юным – до того шаловлив взгляд разыгравшегося дитя, с раннего утра разметавшего на ветру синеву своих волос...

Наш город оставлял неизгладимо чарующее впечатление в душах многих выходящих людей, посетивших его в разные времена промелькнувших столетий – Приск Панийский, Челеби, Никитин, Абих, Гмелин, Верещагин, Дюма, Горький, Маяковский... А как расставался с ним Сергей Есенин: «...Синь тюрская, прощай!..» Синь – так могло сказать только израненное горестным страданием сердце.

Баку звал паломников к вечным огням... Не потому ли, что священный огонь земли нашей пламенел и в сердце гостеприимнейшего народа, а окольцованный крепостной стеной Старый город до сих пор манит величием и тайной Девичьей Башни?

Девичья Башня! Д.А.Ахундов убежден, что как культовое сооружение она была создана под влиянием древних каспианских и мидийских храмов, призрачный абрис которых увековечен на скальных полотнах Джингир-даг в Гобустане, а доктор И.Асланов считает, что с высоты птичьего полета ее контуры напоминают цифры «9» и «6», что эти два цифровых знака, заложенные в форме башни, олицетворяют формулу жизни – смерть (6) и жизнь (9), а если обратиться к зодиакальной системе, то число 69 означает созвездие Рака, а значит, Девичья Башня построена в 6500 году до нашей эры. Непостижимо!..

Лабиринт тесных, извилистых улочек Ичери шехер будоражит чуткое воображение, напоминая странные иероглифы. Нет, скорее похожую на причудливую нотную вязь арабского письма, ставшую понятной даже непосвященному. Это они нашептывали ласкающую слух певучую речь и незаметно уводили за Шахские ворота, чтобы показать начало караванного пути к царственной Шамахе, а двугорбые верблюды с высокомерным взглядом огромных, навывкате глаз и презрительно отвисшей губой удивленно поворачивали бы головы, как будто хотели получше разглядеть вас, прежде чем, преломив колени, подняться с бесценным бременем к звезде вашего счастья в сумерках пред-

стоящего дня..

Почему так привлекателен старый Баку? И почему так грустно расставаться с ним каждому, кто вкусил от жажды его? Почему?..

«Дай еще погреться под субтропическим солнцем, на которое я не жалуясь и в пору здешнего зноя. Синее Хвалынское море смягчает его яркость и утешает даже в отсутствие зелени, – писал другу Вячеслав Иванов в 20-х годах прошлого века. – Я люблю Баку с его генуэзскими очертаниями, с его иерусалимскими холмами, с его выжженными высотами...с его скорпионами, фалангами, змеями в расселинах камней и сухими благоуханными травами по темени скал...»

Таким (или приблизительно таким) видится Баку и мне в своей неповторимой красоте, когда

*Брожу по улочкам один
И слышу голос отдаленный,
Как стих Корана муэдзин,
Читает голосом прискорбным.*

Но...проходит время, а с ним и посланники из далеких стран теряются в пыли караванных дорог прошлого – их, разве что, воскресит бескрылая память, напрягши внутреннее око свое...

Баку стал городом контрастов, где крепостная стена – не более, чем антураж, а ворота Шаха Аббаса – волшебное окно, через которое в считанные минуты можно перешагнуть из прошлого в настоящее, и...обратно. А чтобы подольше задержаться в нем, нужно всего лишь (чуть-чуть подправив сценарий) снять вполне приличный фильм в духе «Аршин мал алана», или, на худой конец, «Человека – амфибии», чтобы уже никогда не повторяться... Потом и это станет легендой, воспоминанием, и останутся жить, как и прежде, только лабиринты прохладных улочек Ичери шехера, миниатюрные дворики да старинные мечети, чтобы над ними там и тут возникали незнакомцы, но уже не в стиле эклектического ретро, а в строгом одеянии современного конформизма и деловитости, не всегда (к величайшему сожалению) гармонично вписывающиеся в «ломаемые» очертания его особого, неповторимо возвышенного ансамбля архитектурных построек.

Светлая грусть о старом Баку – она живет в каждом из нас...

*Баку был крепостью...Она еще хранит
Величье стен, донжоны, дух старинный,
Ворота шахские с геральдикой львиной,
И узких улочек глубокий лабиринт...*

ТАМ, ГДЕ СТОЯЛИ ВОРОТА ЗУЛЬФУГАР-ХАНА

Моя встреча с доктором исторических наук, главным архитектором города-памятника Ичери шехер Кямилем Ибрагимовым оказалась настолько захватывающей, что я не могу не рассказать о его большом вкладе в исследование малоизвестных (или почти забытых) мест древнейшего из населенных пунктов Абшерона, ставшего по прошествии не одного десятка сотен лет столицей независимой Республики Азербайджан.

Беседа наша началась с истории заложения знаменитого в свое время Губернаторского сада – зеленых ворот не только столицы, но и начинающего пробуждаться от

вековечного сна Шахского дворца. Но прежде (мне кажется) лучше начать с не менее знаменитой набережной бакинской бухты – неповторимого серповидного полукружья морского побережья города, о котором Кямиль Фархадович говорил не менее увлеченно. Поэтому – с позволения Кямиль-муаллима – я хотел бы (как геолог) напомнить о малоизвестных драматических событиях в жизни Каспийского моря, которые и привели к современному облику его «плоть от плоти» бухты, красоту которой нередко сравнивают с гонуэзской набережной или прибрежьем Рио де Жанейро...

Дело в том, что Каспийское море очень изменчиво, ибо молодо еще. Как младенца убаюкивает его мать-Земля, колебля голубую люльку на волнах беспокойного времени. А ведь более 800 лет назад в Бакинской бухте существовал караван-сарай, и до 1135 года это здание служило военным укреплением перед городом-крепостью Баку. Когда-то оно находилось на небольшом холме, узким перешейком соединявшемся с Баиловским мысом. Однако после 1135 года об этом строении нет никаких упоминаний ни в летописях, ни в описаниях путешественников. Объясняется это тем, что к началу XIV века Баку стал подтопляться наступающим на сушу морем.

Персидский географ Казвини в своем сочинении «Отрада сердец» (1339г.) сообщает: «..Абесгун теперь скрыт под водой по той причине, что Джейхун (река Аму Дарья – **Авт.**), прежде впадавший в Восточное (Аральское – **Авт.**) море, около времени появления монголов изменил свое течение и направился к этому морю (Каспийскому – **Авт.**). Так как это море не соединено с другим, то по необходимости вода затопила часть материка, для уравнивания прихода и расхода».

А по свидетельству азербайджанского ученого Бакуви, бакинская бухта во время жестоких столкновений персов с арабами имела совершенно другие очертания: берег ее был выдвинут далеко на восток и примыкал к современному острову Беюк Зирия (о.Наргин) и Даш Зирия (о.Вульф), а караван-сарай, будучи сторожевым укреплением, назывался Салхим, что на фарси означает «долговременный», «древнейший». По ряду источников и преданиям старины, он был разрушен сильнейшим землетрясением, поколебавшим всю береговую полосу около Баку, а на восточном берегу потопившем упомянутый выше большой город Абесгун в Астрабадском заливе...

– Бакинская набережная, – начал рассказ Кямиль Фархадович, – стала обустроиваться в 1865 году, когда бакинским военным губернатором и управляющим гражданской частью города генерал-лейтенантом Михаилом Петровичем Колубякиным было получено разрешение на снос участка старой крепостной стены, отделявшей город от морского берега. На освободившейся территории вскоре появляется каменная набережная и первые красивые частные дома, выстроенные из распроданных камней разрушенной стены. Нужно особо отметить, – говорит Кямиль-муаллим, – что началом своего благоустройства наш город обязан архитектору Карлу Густавовичу Гиппиусу (ныне почти забытому), отстоявшему дворец Ширваншахов от попыток приспособить его под тюрьму и этим спасшего этот шедевр зодчества от значительного разрушения. Он же участвовал в проектировании первых домов на набережной, когда ощущалась острая необходимость в ее архитектурном оформлении. После сноса крепостной стены, на освободившемся пространстве был запланирован широкий тротуар, обсаженный деревьями, и переулки шириной в 13 метров, благодаря которым открывались бы виды на выразительную архитектуру бакинской крепости; в 1882 году в нижней части этого района предполагалось построить бульвар по проекту архитектора А.Кошинского.

Но первые шаги по художественному оформлению набережной были сделаны замечательным азербайджанским архитектором Гасым-беком Гаджибабабековым (1811-1874гг.). Он же производил первые значительные инженерные и планировочные работы, а в 1867 году по его проекту здесь были построены фонтан и другие обще-

ственно значимые культурные сооружения, после чего набережная получила статус бульвара, ставшего настоящим приморским украшением города.

Чтобы отделить от бульвара пристань паровой компании «Кавказ и Меркурий», в 1897 году был построен барьер, ограничивший территорию шириной в 50 метров от моря и четко обозначивший бульвар как целостное архитектурное сооружение. С 1900 года по решению Садовой комиссии города на набережной был построен питомник декоративных деревьев, и началось систематическое его озеленение, с учетом протяженности и ширины аллей, пород деревьев и кустарников. Осуществлялось оно по проекту гражданского инженера К.Б.Скуревича совместно с городским садоводом Васильевым.

В 1909 году, когда уже четко определилась топография бульвара, он все еще находился в плену пристаней и причалов. Поэтому под руководством начальника строительного отдела управы инженера М.Г.Гаджинского и талантливого архитектора А.Эйхера был разработан проект, по которому выстроены большие павильоны, фонтаны и беседки, а также протяженная лестница, ведущая к морю, где по проекту гражданского инженера и главного архитектора Баку Николая Григорьевича Баева (1878-1949), сооружены Александровские купальни на сваях. По словам современников, эти постройки «привлекали внимание своей самобытной архитектурой», значительно преобразив вид набережной, постоянно заваленной товарами с пристаней.

Одновременно с этим постепенно застраивались участки примыкающие к восточной части крепостной стены. Это были, в основном, однотипные двухэтажные здания, намного уступавшие по выразительности зданиям на Николаевской улице. Тем не менее набережная открывала широкую перспективу для гражданского строительства и, в сочетании бульвара с живописной зеленью, могла представить в будущем самую оживленную часть города, что блестяще оправдалось, когда 28 апреля 1936 года по решению Бакинского городского совета установили даже 70-и метровую парашютную вышку, прыжки с которой производились с высоты 20, 25, и 60 метров. К сожалению, после несчастного случая в конце 50-х годов ею перестали пользоваться по назначению. Однако она не была снесена и по сей день стоит как напоминание о прошлом. Кроме того, на ней установлено табло, показывающее время суток, силу ветра, температуру воздуха и морской воды...

К началу 50-х годов прошлого века Приморский бульвар уже имел довольно большую протяженность (в 2,7 км) – от судостроительного завода им.Парижской коммуны до нового здания морского пассажирского вокзала, хотя и претерпел большие изменения, когда в связи с понижением уровня Каспия, достигшего в 1977 году максимально низкой отметки от уровня мирового океана, на нем были проведены работы (проект архитектора М.Гусейнова) по созданию нижней террасы Приморского парка, а также созданы новые аллеи, газоны и фонтаны. Однако в 90-х годах случилось обратное – уровень Каспийского моря стал резко повышаться, что вызвало острую необходимость поднять нижнюю террасу бульвара, и начать новую его реконструкцию.

В настоящее время на бакинской набережной, получившей статус Национального парка (указом президента республики Гейдара Алиева в 1998 году), ведутся крупномасштабные работы по его частичной реконструкции и дальнейшему благоустройству, причем в строжайшем соответствии с требованиями современных строительных технологий. Уже создан новый яхт-клуб, соответствующий самым передовым образцам подобного рода сооружений по оформлению и дизайну. Состоялось открытие музыкальных фонтанов на площади Азнефть, напротив Музейного центра и здания Дома правительства, а по инициативе президента Фонда им. Гейдара Алиева Мехрибан-ханым Алиевой на месте бывшего летнего кинотеатра им. Самеда Вургуня (рядом с «Венецией») по-

строен и сдан в эксплуатацию Центр мугама. И если неожиданно (в лучшую сторону) меняется внешний облик Бакинского бульвара, проект реконструкции предусматривает неперемное сохранение его архитектурного стиля и объектов исторического значения, таких, как летний детский кинотеатр, знаменитое кафе «Мирвари» (Жемчужина), кинотеатр «Бахар» и парашютная вышка...

Сегодня бакинский бульвар в своем первоизданном виде живет лишь в памяти коренных бакинцев старшего поколения. Но, обновляемая в духе современных требований времени, бакинская набережная и впредь будет оставаться гордостью жителей столицы Азербайджана, – подытожил свой рассказ Кямил Ибрагимов.

– Кямил-муаллим, пожалуйста, коротко – но столь же содержательно – расскажите и о ваших археологических изысканиях в пределах Ичери шехер; в частности, о первом оазисе в полупустынном Баку – Губернаторском саде.

– В начале XX века, – улыбнувшись, начал Кямил Фархадович, – вдоль стен Бакинской крепости был заложен единый зеленый массив, получивший название Губернаторского сада и вписавшийся в систему города как важнейший градоформирующий элемент – великолепный пример садово-паркового искусства.

А история его была такова: военный губернатор города обратился в 1868 году к командованию Кавказского военного округа с предложением снести вторую крепостную стену, чтобы расширить городское строительство. В 1883 году она была снесена, а ворота Зульфугар-хана перенесены к Шамахинским воротам, почему и возник термин «Гоша гапы» (Двойные крепостные ворота). К концу XIX века Ичери шехер лишился и внешней крепостной стены, что простиралась от нынешней площади Азнефть до площади Натаван, а из камней разрушенной стены началось строительство домов для жителей наружной части города. Выручка казны от продажи населению камней крепостной стены составила 40 тысяч золотых монет.

Имя военного коменданта Р.Фовена навсегда вошло в историю города Баку, как человека, буквально озеленившего столицу и создавшего уникальный Губернаторский сад. Он распорядился засыпать оборонительный ров с юго-западной стороны крепости и обязал всех купцов, прибывающих в Баку морем, привозить по несколько кубометров плодородной земли и саженцы растений, что служило особого рода пошлиной. Так вдоль крепостной стены был разбит обширный сад, в котором оказались собранными растения чуть ли не со всего света – финиковая пальма, маслина, ракета, каменное дерево, камелия, гранат и др.. Зеленый пламень парка облагородил густо разросшийся виноградник, росли кунжут и шафран, значительно увеличилось количество фруктовых деревьев и ягодных кустарников; были посажены декоративные растения, – всего насчитывалось около 10000 деревьев и 13000 кустарников. К концу века Губернаторский сад превратился в чудный оазис посреди некогда «пустынного» города, а к его художественному оформлению были привлечены лучшие архитекторы. Появились аллеи, беседки, проложены дорожки, выстроен бассейн, разбиты газоны из экзотических цветов и построены оранжереи. Для постоянного обновления паркового сада учреждены должности городского садовника и агронома.

В верхней части Губернаторского сада находилось здание клуба Общественного собрания, где проводились концерты, устраивались балы и вечера. Но в 1907 году случился пожар, и оно было уничтожено. Поэтому нужно было в скорейшем времени выстроить новое здание Общественного собрания, теперь уже с концертным залом, летней эстрадой и рестораном, которое по проекту петербургского гражданского инженера Г.М.Термикелова и было построено в 1912 году. Кульминационным элементом этого здания явились купол и две башенки, наподобие мечети с двумя минаретами, но в художественном решении архитектурной композиции этого уникального сооружения

безусловно просматривается смешение восточного и западного стилей, что и создает впечатление какого-то сказочного замка...

А Ичери шехер продолжал хранить свои тайны глубоко под землей. Так, совсем недавно, – продолжает рассказ Кямиль-муаллим, – в ходе восстановительно-реставрационных работ в парке был найден подземный ход, относящийся к XIX веку. Его обнаружили рабочие при реконструкции фонтана возле филармонии, и есть все основания предполагать, что туннель был проложен в средние века и предназначался (первоначально) для снабжения Баку водой, а позже был приспособлен для других целей.

В то же время, на территории Губернаторского сада в поле зрения наших исследований оказался и фрагменты фундамента юго-западной части средней крепостной стены, построенной в XII в., а также старой водопроводной системы города, состоящей из глиняных (гончарных) труб, проложенных вдоль ее основания. Можно предположить, что это была линия водопровода в направлении от подземного колодца (XIV в.), либо являлась частью канализационной системы в сторону старого рва.

Вблизи южных (бывших) ворот Ичери-шехер сохранился и портал постройки, возведенной в XVIII веке, который расположен перпендикулярно к крепостной стене, и на нем сохранилась фрезерованная надпись о том, что это был вход во дворец, построенный в 1384 году, впоследствии представлявший благотворительную организацию некоего Сеида Садуллы, и позже ставший караван-сараем.

В 8-10 метрах севернее этого портала, на глубине 1 метра была найдена еще одна постройка – обнаружилось углубление, неаккуратно выложенное из гладких камней в форме квадрата (1,5 на 1,5 метра). Позже выяснилось, что эта яма квадратной формы на глубине 1,5 метров относится к более позднему времени и устроена на другой подземной монументальной постройке – овдана высотой 8 и шириной 12,5 метров. Это подземное сооружение с куполовидной крышей можно датировать XIV веком.

В заключение Кямиль Ибрагимов сказал, что реконструктивные работы в Губернаторском саду совершенно изменили его облик. Теперь это историческое место называется Парком Филармонии.

Я сердечно благодарю Кямиль-муаллима за посвящение в тайны города-музея под открытым небом Ичери шехер, и выражаю надежду, что поскольку тайны эти далеко не все открыты, он не забудет нас и в будущем, чтобы новые открытия его деятельного коллектива исследователей древнего Баку стали достоянием и нашей многоликой памяти.

ВЕРА ВЕЛИХАНОВА

Воспоминание

**В то лето улицы пропахли дымом
Костров осенних с палою листвою.
А солнце было призрачным и мнимым, –
Как будто Осень бредила Зимой**

**Лишь гам людей в удушливых кварталах
Напоминал, что лето впереди.
А старый город жил, презрев усталость,
И лишь вздыхал, вдруг вспомнив про дожди...**

**Но улицы искрились и дышали,
А жизнь рывками двигалась вперед.
В ночи туман широкой плотной шалью
Ложился тенью на восточный свод.**

**И в лете виделись следы печали –
Осеннее предчувствие Зимы ...
Но строчки, словно чудо, пролетали
И жили в ожидании Весны.**

**Свой зимний сон, осенние приметы
Смывало солнце легкостью волны...
Но все равно упрямо пахло лето
Кострами палой выжженной листвы...**

*** * ***

**Мои часы немислимо спешат,
Твои часы давно уже отстали.
Мои кричат, как затяжной набат.
Твои поют неспешно и хрустально.**

**Века и годы для меня не в счет!..
В твоих – так четок ход секундомера...
Но мы совпали – в нужный день и год –
В короткое дыхание мгновенья.**

**Вот – шестеренки двигаются в такт...
Пропало время. Маятник качнулся...
Наверное, на небесах чудак
Придумал нас –
и хитро улыбнулся.**

* * *

Пересчитала все звезды на карте,
Дорисовала мечты на окошке...
Душное лето. Но, словно бы в марте,
Бродят в душе моей нервные кошки.

Снова не спится... Я, знаешь, скучаю...
Перебираю все вёсны и зимы.
В памяти улочках снова встречаю
То, что зовется – Неотвратимость.

Я улыбаюсь. Кому тут расскажешь?..
День без тебя – как развеянный пепел.
Словно кораблик несется бумажный:
Смоет волной –
и как будто бы не был.

Всё невпопад. Я считаю столетья,
Слабый песок превращаю в барханы.
Чувства и мысли сплелись в междометья,
Снова под утро –
вкус пьяной нирваны.

Так не тоскуют по смертным мужчинам!..
Плоть все страшится зимы и разлуки...
Только с единственным, страстно любимым
Души сплетаются так же, как руки.

* * *

Не получилось. Так бывает.
Ничья вина. Не удалось.
Не случилось. Не случилось рая –
Наверно, где-то не срослось...

Не грех. Не боль. Как сновиденье:
Полет над бездной – тишина...
А страсть, рождая вдохновенье,
Присела рядом. И ждала.

И было ль, не было – не важно.
Ты стал в судьбе – я взмыла ввысь.
Поэт, случившийся однажды,
Что б ни было – опять приснись!..

Мы

Двое в квартире.
За окнами – вьюга.
Нас в этом мире
Прижало друг к другу.
В каменных стенах –
Биение пульса.
В мыслях и венах
Безумство искуса.
Ветер сомнений
Сжимает границы.
Без сожаленья –
Хочу оступиться!..
Я всё решила,
Сомнения сняты.
Мы согрешили,
А кажется – святы.
Кто-то навстречу...
Ветром уносит
Мысли и речи.
Кончилась осень.
Зимние вьюги
В жарких объятьях.
Нам бы друг в друге
Не потеряться...

Бусинка

А хочешь, я стану спокойной и тихой?..
Утлюю лодкой о скальные рифы
Вдребезги разобьюсь,
Песнею обернусь...

Может, приду к тебе криками чаек
И на песке свои метки оставлю...
Стынущую золу
Ветром враз размету...

А хочешь, я буду солнечно-ясной,
Очень простой (и, конечно, напрасной)?..
Стрелки бегут сейчас
В жизнь, что течет без нас.

Может быть, мой неразгаданный шепот
В море растает, вернувшись, как рокот
Пенных прибрежных вод...
Кто его разберет?..

Пересыпая песчинки в ладонях,
Ты не узнаешь, и сердца не тронет

Бусинка – синий овал,
Боли застывший кристалл.

Брось эту бусинку в синее море,
Пусть она – камнем на дно, пусть утонет.
А через много лет
Вправят ее в браслет.

Будет носиться на гибком запястье,
Ставши кому-то символом счастья...
Только теперь пожалей –
Глубже брось... Не разбей....

На улице

Обнявшись с ветром, женщина стоит...
Он хлещет, норовя сорвать одежду.
Но теплится в глазах ее нежданных:
Он не застудит – просто просквозит...

Прижавшись к миру, женщина стоит...
Хула, молва, сплошные пересуды.
Но жизнь с любовью людям неподсудны,
Лишь снег на сердце душу холодит.

С улыбкой детской женщина стоит,
Плечо подставив близким и любимым.
Ах, если б знали, как крыла ее ранимы
Коварством лжи и мелочных обид.

Как близко к смерти женщина стоит...
Без трепета, и без боязни даже...
Чтоб озаренной Светом стать однажды,
Который с детства маяком горит.

Взметнувшись в небо, женщина – летит!..
И жизнь идет от смерти до рожденья...
И снова сумасшедшее мгновенье:
Обнявшись с ветром, женщина стоит....

ГЮЛЬШАН ТОФИГГЫЗЫ

Р А С С К А З Ы

Эволюция

I

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Что может быть бесполезнее пустоцвета? Безусловно, женщина, не приносящая потомства. Не спешите возражать – речь идет о первобытной женщине. А при том, что в общинно-племенных отношениях соблюдается строжайшая иерархия, положение бедняжки оценивается «нулевым уровнем по десятибалльной» шкале. Такое определение дали бы сегодня. В те же распродавние времена было просто непозволительной роскошью содержать такую особу. Если учесть высокую смертность детей (причин для этого на заре человечества предостаточно!) и малочисленность мужской части племени, разве допустимо растрачивание сил по умножению рода впустую? Потому ее и изгнали из семьи...

– Твое чрево не рождает детей, а мужчины лишь теряют на тебя силы, которые могут отдать другим женщинам. Смотри, как мало у нас детей: выживших среди них меньше, чем умерших. Уходи. Корми себя сама. Ты мешаешь племени, – так решила Старшая Мать. Сурово. Жестко. Но, судя по одобрительным возгласам других женщин, вполне в духе времени.

Плачь – не плачь, а не поможет. Дочери ее сестер уже и сами обзавелись потомством, она же и не зачала ни разу. Хотя мужчины без внимания не оставляли. Более того, предпочитали другим именно ее! А это, как сами понимаете, уже слишком. Вот и побрела, куда глаза глядят. Благо, хоть тут повезло – глядели глаза в правильном направлении. Скоро привела ее узенькая охотничья тропинка к удобной, защищенной со всех сторон пещере. Изнутри пещера оказалась рукотворно расширенной. Изгнанница, не тратя времени на оплакивание своей горькой доли, принялась очищать временное пристанище от первобытного бытового мусора, оставленного, по всей вероятности, охотниками совсем недавно: пучки травы, которыми мужчины растирали ступни и открытые части тела, дабы не спугнуть своим запахом дичь, еще не усохли. Она собрала в кучу разбросанные повсюду сучки, щепки и деревянные обломки орудий охоты, обложила сухим мхом и стала разводить огонь, умело высекая искры из кусков кремня, брошенных тут охотниками. Скоро начнет смеркаться. Это будет первая ночь, проведенная в одиночестве...

Тысячелетия спустя в таких случаях женщины возьмут в обычай «плакать в подушку». Но наша пращурка таковой не имела, поэтому с грустью смотрела на желтые лепестки распускающегося огненного цветка, колола камешком собранные в пути орехи и бросала в огонь скорлупу. Ядрышки были сладкие и сытные. Ей подумалось, что неподалеку должен быть и ручей. Охотники не стали бы устраивать стоянку вда-

леке от воды. Значит, все не так уж и плохо – авось, не пропадет. Одолеваемая своими первобытными печальными мыслями, изгнанница уснула.

Наверное, спала она долго, потому что, когда проснулась, снаружи было уже темно. Ночь повесила свой черный полог между Большим Светилом и землей. Но сквозь огромное количество маленьких дыр в этом пологе пробивался его свет. Правда, до земли он не доходил, а другое, ленивое ночное светило, созреет еще не скоро. Женщина посмотрела на костер и удивилась: он до сих пор не потух! Лепестки огненного цветка были по-прежнему яркими и источали жар. И вдруг она поняла, что не одна в пещере. Тот, кто был тут, кроме нее, и поддерживал огонь, пока она спала.

– Я принес тебе еды, – с какими-то необычными и несвойственными нашим далеким (очень далеким!) предкам нотками в голосе сказал молодой охотник и протянул ей кусок оленины, нанизанной на прут. – Хочешь, я сам его зажарю?

Если б в том ограниченном количестве слов, коими могли в те времена пользоваться люди, были слова благодарности, изгнанница непременно произнесла бы их. Но благодарность тогда еще не обрела словесного оформления и выразилась лишь непривычным внутренним трепетом и блеском глаз. Хотя – кто его знает? – возможно, это было всего лишь отражение пламени костра.

– Можешь жить тут всегда, – продолжил охотник, аккуратно переворачивая прутик с куском мяса, чтобы сок и жир не стекали в огонь. – Это наша тропа. Я буду приносить тебе мясо и шкуры. Зверей здесь много. Но ты не бойся. Пещера недоступна для них.

– Я не боюсь, – женщина призывно посмотрела прямо в его горящие страстью глаза. Но, возможно, и это было всего лишь отражение пламени костра...

Вот так, по первобытным меркам безбедно, и зажила изгнанница в пещере на краю охотничьей тропы, обласканная заботой молодого охотника. Кто знает, как впервые обозначалось чувство, получившее впоследствии название «любовь»? Никто! И эта парочка не знала. Просто двоим в древней пещере вдруг стало очень хорошо вместе. А Большое Светило еще не скоро отодвинет дырявый черный полог ночи.

II

ПИЩА ДУХОВНАЯ

Ледниковый период грянул неожиданно. Нет, конечно, это не значит, что с утра пекло тропическое солнце, а после полудня повалил снег. Глобальная зима, прежде чем обрушиться на головы наших пещерных предков, поначалу пыталась предупредить их, посылая всякие знамения в виде метеоказусов. Но предки были не очень внимательны. Или очень невнимательны. Ледяные ветры, снега и морозы вскоре стали обычным делом. Дикая природа, то бишь, всякое зверье заведомо обросло длинной шерстью и приспособилось к пережевыванию смолистых хвойных веток. Человеку же, по эволюционным меркам относительно недавно расставшемуся с кожной растительностью, обрести ее вновь оказалось куда сложнее.

Природа будто изгалялась над пещерным современником, «утеплив» бородой его лицо и совершенно оголив более чувствительные к холоду части тела. Иначе, чем причудой, это не назовешь. Ведь те горбоносые первочеловеки, которые жили по берегам теплых морей и на склонах молодых гор, по большей части, так и остались волосатыми до самых кистей. Но, запихнув в небольшой череп человека довольно

солидный по размеру мозг (в этом можно легко убедиться, развернув все его складки), матушка-природа строго велела: «Думай, голова!» В тот самый миг произошло величайшее столкновение – Инстинкта и Разума. Это сейчас они во взаимодействии (да и то не всегда!), а на заре человечества были соперниками. Бедный наш пещерный предок! Ему приходилось бороться не только с беспощадными силами природы и хищниками, но и с самим собой, раздираемым этими понятиями: они так часто оказывались взаимоисключающими! Да, уж досталось первочеловеку, ничего не скажешь. Несправедливо, что до сих пор никому не пришло в голову (!) изваять ему достойный памятник. Придуманным идолам почета больше, чем первоэкстремалам, ценой жестоких усилий сохранившим себя и род человеческий. Несправедливо!

Однако я отвлеклась. Так вот, загнала ледниковая эпоха наших предков поглубже в пещеры: ни тебе света и тепла, ни тебе пищи! Благо, огонь научились высекать. Но разве небольшой огонек в углублении утрамбованного холодом пола спасет в такую лютую стужу? А большой костер опасен: вместе со струйками дыма из щелей выносило наружу запахи оленьих шкур, заменивших человекам естественный шерстяной покров. Это привлекало хищников. Да и сам большой огонь мог оказаться пострашнее клыков: не доглядишь – сожрет без остатка и кости в пепел обратит.

Вот и жались пещерные предки поближе к разогретым валунам, вздрагивали от пугающих песен ветра и таинственных дрожащих теней. Страх притуплял чувство голода. Да разве его уймешь? Что же делать, если клубни и корни, заготовленные двумя женщинами, почти закончились? В пещере даже мышей не осталось. Сколько ни выгрызай соль из-под ногтей да ни посасывай давно обглоданные кости, голод не обманешь. Он рычал в пустых желудках все громче, все требовательней. Стали соплеменники бросать косые взгляды в сторону своего сородича, который без конца чем-то постукивал, поскребывал, поскрипывал в глубине пещеры. Толку от него, как от добытчика, давно не было – охромел на охоте, а ел как все! Переглянулись голодные пращурь, вынули из костра по горячей ветке и направились к нему. Увы, чаша «Инстинкт» на этот раз перетянула... Но, подойдя поближе и осветив неярким пламенем бликующую стену, они остановились, недоуменно уставившись на нее.

– О-о-о! – восхищенно протянул один.

– А-а-а! – с удивлением подхватил другой.

– Э-э-э! – многозначительно чесал ухо третий.

То, что предстало их взорам, было великолепно. Прекрасно и желанно, как теплый день: манящие плодами и ягодами рощицы, прозрачные ручьи, полные рыбы, сытые стада, сулящие добрую охоту! Обреченный хромец отодвинулся в сторонку, давая возможность сородичам получше рассмотреть свои счастливые сны, воспроизведенные на каменной стене посредством цветной глины и беличьих хвостов. Он с тревогой в глазах поглядывал на орудия в руках соплеменников. Такими дубинками охотники, по обыкновению, переламывали хребет животным.

Скрытое намерение голодных собратьев не удивляло и не возмущало его – таковы правила выживания, ничего не поделаешь, – но охотники почему-то медлили. Подойдя еще ближе к стене, они стали дотрагиваться руками до рыжих мамонтов и серых жеребят. Один из них поднял с пола баклажку с растертой голубой глиной, понюхал ее и, приблизившись к трясущемуся от страха рисовальщику, одобрительно хлопнул его по плечу. Затем он указал пальцем на противоположную стену, достаточно ровную и гладкую. Предлагая запечатлеть на ней себя в позе удачливого охотника, он попытался наглядно это изобразить. Волшебная сила искусства и извечное

человеческое стремление к бессмертию победили животное чувство голода!

Кому же не захочется увековечить свою персону таким образом? Даже наш первобытный пращур не был исключением.

Вот так и случилось, что искусство спасло жизнь древнему художнику, а сородичи с тех пор стали снисходительнее к его «лишнему рту». Да здравствует Разум! А когда распогодилось и начался на редкость удачливый охотничий сезон, женщины подсказали мужчинам, что умение хромца изображать животных такими похожими нравится духам лесов, и они в награду посылают охотникам добрую дичь и удачу. Ох, уж эти женщины! Все бы им вклинить колдовство в естество!

Но, тем не менее, победа духовности над низшими чувствами была налицо. Неужели все так и случилось?..

III

РОЖДЕННЫЙ ВПЕРЕД НОГАМИ

Утомленные долгой и нелегкой охотой, исцарапанные колючими кустарниками, мучимые жаждой и голодом, но довольные своим замечательным трофеем (на этот раз наевшей жирные бока черной антилопой), спешили они к пещере за ручьем. Они – это семь человек пещерного племени угу-гу, уложившие антилопу на своеобразные носилки, наспех изготовленные из крепких, упругих веток. Так было удобнее нести. Прежде приходилось волочить добычу по земле, и тогда портилась шкура, цепляясь за острые камни и пеньки. Носилки из веток придумал хилый и невзрачный соплеменник, которого они раньше подзывали презрительным окликом: кхх-ха! Однако после этой затеи с носилками стали снисходительнее к никчемному, как казалось, слабаку и даже начали брать его с собой на охоту. Конечно, дичи ему не загнать и, тем более, не убить. Но кто-то заметил, что его присутствие непонятным образом облегчает охоту. Он безошибочно выбирает из стада животное, которое удастся загнать без особого труда.

Сейчас он шел вслед за носилками, поддерживая длинный хвост антилопы с грубой кисточкой на конце. С недавних пор его так и называют – Несихвост. Прежде хвосты жертв очень мешали в пути. Они все время застревали в колючих ветках и доставляли массу хлопот, отнимая драгоценное время. Когда Несихвост впервые подхватил свисающий с носилок хвост жеребенка, кое-кто стал насмехаться над ним. Но вскоре стало ясно, что и в этом есть от него польза. Правда, возникла одна неожиданная сложность: проведав каким-то образом о необычных способностях этого жидконового создания, группа охотников из соседнего племени ого-го дважды пыталась умыкнуть его. Теперь приходилось оберегать Несихвост от посягательств. Но малый того стоил. Да и Старшая Мать велела. А ее решения, как известно, не обсуждаются.

– Он родился вперед ногами, – говорила Старшая Мать, глубокомысленно покачивая головой, – поэтому у него слабые ноги. Но зато не зашиб о камни голову, как другие. Поэтому она у него и работает лучше, чем у других.

Возможно, Старшая Мать была права: рождаясь в пещере, большинство младенцев ударялись головой об пол. Вероятно, по этой причине и не стали избавляться от недавно появившегося на свет малыша, который тоже родился вперед ногами и здорово их покалечил. Соплеменники решили, что у этого ребенка думающая часть тела сохранилась в абсолютной целости и в будущем принесет сородичам немалую пользу. Как славно, что секрет племени угу-гу неизвестен людям племени ого-го! Те

глупцы до сих пор избавляются от хилых младенцев. А вот угу-гунцы уже смекнули, что к чему. Все тот же Несихвост обратил их внимание на способности слепорожденной девочки, которая «слышала» опасность задолго до ее появления, и соплеменники успевали завалить куском скалы вход в пещеру до того, как хищник приближался к ней. Теперь девочка окружена заботой и спит на чистой травяной подстилке недалеко от входа – если не успеет предупредить об опасности, то и шансов быть съеденной у нее больше. Старшая Мать по совету Несихвоста велит кормить девочку самыми сладкими ягодами, чтоб не притупилась ее чуткость.

– Я видел, как вы полощете ребуху и шкуры в верхнем течении ручья, а в нижнем течении ваши дети пьют воду, – говорил Несихвост женщинам племени. – Не делайте так. От этого у детей будут болезни.

– Слушайте, что говорит вам Несихвост, – строго наказывала Старшая Мать. – Он знает больше других.

Под радостные возгласы сородичей охотники угу-гунцы внесли в пещеру свой великолепный трофей и опустили носилки на каменный пол. Несихвост некоторое время постоял в задумчивости, теребя в руках мохнатую кисточку, а потом зачем-то срезал ее зазубренной каменной пластинкой и унес вглубь пещеры, к своему ложу. Охотники проводили его взглядами, но смеяться не стали. Теперь они понимали: Несихвост придумает что-нибудь полезное даже из этого пучка жесткой и никчемной щетины.

Можно предположить, что именно так зарождались зачатки разделения умственного и физического труда. Но ни Несихвост, ни его пещерные сородичи ни о чем таком не догадывались. Они продолжали идти на поводу у эволюции и просто старались выживать.

* * *

С раннего утра в офисе царило оживление. Девушки чаще поглядывали в зеркальце, дамы постарше как бы невзначай останавливали взгляд на своих отражениях в затемненных стеклах дверей. Еще бы! С минуты на минуту должен появиться новый сотрудник. Говорят – милашка, и такой умница! И вот он, наконец, вошел. О, Господи! Не дай бедным девушкам потерять рассудок! Он улыбнулся. Это была улыбка кукурузного початка, обнажившая два ряда крупных, ровных, почти одинаковых зубов.

– Хороши, черт возьми! – с восхищением и завистью подумали девушки.

– Интересно, свои? – недоверчиво вскинули брови дамы постарше. Но и те, и другие были одинаково очарованы новым сотрудником с необычной и забавной фамилией Несихвост.

* * *

Не сомневайтесь: звездный час Несихвоста еще впереди! Пожелайте ему удачи и ждите новых историй.

IV

ПОЗНАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

– И ты утверждаешь, что это, напоминающее молочную сыворотку, есть не что иное, как затвердевшая вода? – старейшина выпростал руку в сторону далеких гор-

ных вершин.

Сидящие рядом с ним дружно загоготали, уловив насмешку в вопросе. Старейшина выдержал паузу, дав им возможность выразить таким образом свое отношение к ограниченности ума стоящего перед ними незнакомца. Затем едва уловимым взглядом он прервал их смех и продолжил:

– Наши предки были хранителями великой мудрости, и они передали нам немало знаний. Законы, установленные ими, непререкаемы и должны соблюдаться неукоснительно! А законы эти запрещают покидать пределы нашей долины. Никто из нарушивших запрет не вернулся назад. Все они стали жертвами своей глупости и бессилия перед духами, обитающими у края долины. Некоторые невежды и прежде пытались смущать наших людей бреднями о благодатных землях, которые, якобы, лежат за подпирающими небосвод вершинами. Но мы-то знаем наверняка, – он глянул на свое окружение, и оно дружно закивало в знак согласия, – что их поглотили духи Коммод и Коррод. Не подослан ли ты этими проголодавшимися духами? Не их ли затея – вновь выманить глупцов за пределы долины?

Незнакомец, стоявший перед ним, затрясся от страха, услышав в голосе старейшины свой смертный приговор. Он был утомлен невероятно долгим и трудным путем, изнывал от жажды, и очень обрадовался, когда набрел на это крошечное поселение в небольшом оазисе с единственным немногочисленным колодезем. Но радость была короткой, сейчас он сожалел об этом. И еще больше сожалел о сказанном относительно снегов на горных вершинах. Однако дух авантюризма все еще мешал трезво оценить обстановку и, покаявшись, признать себя невеждой. Он с трудом боролся с внутренним негодованием. Страх за свою жизнь помог в этой борьбе.

– О, нет, старец! Разве похож я на пособника могущественных духов, оберегающих ваши благословенные пределы? – он заметил одобрительную полуулыбку на суровом лице старейшины и ухватился за это, как за спасительную соломинку. – Если б я имел злой умысел и выполнял бы их указ, они не оставили бы меня трепещущим в бессилии перед твоей великой мудростью и безмерными познаниями.

Лесть издревле востребована властью имущими. Будь то старейшина племени или могущественный правитель – никто не остается равнодушен к ней, даже осозная ее суть. Что уж тут говорить о полудетом вожде полусытого народца, счастливого в своем неведении!

– Признаться, я никогда прежде не слышал о Коммод и Корроде, хранящих ваши семьи от опрометчивых поступков. Однако наличие воды – главное, что облегчает жизнь людям. Вот я и поверил тому, что слышал о затвердевшей воде на вершинах. Но ты убедил меня, мудрый старец: поверить в затвердевшую воду – все равно, что усомниться в твоих глубочайших познаниях. И если ты проявишь милость и отпустишь меня, я буду говорить об этом каждому встречному...

– Вряд ли тебе удастся встретить кого-либо за пределами нашей долины, – прервал незнакомца польщенный старейшина. – Мы отпустим тебя. Но пищей поделиться не сможем. В степи достаточно грызунов, змей и ящериц. Добудешь себе еду сам. Зачем отдавать последний кусок печени, если тебя самого скоро поглотят духи у края долины? Да и печень младенца очень уж мала.

– Вы едите... людей?.. – незнакомец почувствовал, как к горлу стали подкатывать съеденные накануне финики.

Но старец так угрюмо посмотрел на него, что он осекся.

– Как ты мог подумать такое о нас?! Разве мы ровня диким пожирателям себе

подобных, которые населяли пустыню в давние времена? – старейшина был возмущен и оскорблен вопросом незнакомца. – Мы всего лишь оставляем себе печень умерших. А их самих уносим к Камню усопших. Там Коммод и Коррод поглотят их мясо, а кости ветры укроют песками.

– Прости, старец, если я обидел тебя своим глупым вопросом, – спохватился заплутавший путник, нашедший-таки приключение на свою голову, забитую тягой к путешествиям. Недовольство старейшины могло стать смертельно опасным. Не стоило привлекать нездорового внимания к собственной печени... – Я вовсе не хотел этого. Как можно усомниться в правильности твоих решений?

– А я вот начал сомневаться в правильности собственного решения... отпустить тебя, – кровожадно прищурился вождь племени.

Он вдруг уподобился хищнику, готовому к прыжку. У незнакомца от страха перед глазами поплыл сизый туман и стали подкашиваться ноги. Заметив, как побледнел и задрожал незадачливый путешественник, старейшина растянул рот в довольной улыбке, обнажив безнадежно поредевшие зубы.

– Что же ты умолк? – наслаждался беззащитностью пленника старый вождь.

Он вдруг ощутил прилив сил, которые давала ему чужая слабость. Жизнь незнакомца висела на волоске, и старик упивался властью над ней.

– Я... верю... в твою великодушие, – заговорил наконец пленник.

Вообразив, как эти кривые потемневшие зубы будут отрывать кусочки от его слегка поджаренной на углях печени, как коварные духи, принявшие обличье стервятников, начнут рвать его плоть, он ощутил приступ тошноты. С трудом взяв себя в руки, он продолжил:

– Позволь мне уйти с верой в твою безграничную мудрость... Отпусти меня...

* * *

Унося ноги из проклятого селения, забыв о жажде и даже не испив из обложенного кусками известняка колодца, путник вслух благодарил всех знакомых и незнакомых духов, включая пресловутых Коммод и Коррода. А дойдя до края долины, где предположительно они обитали, остановился, обернулся и что есть мочи крикнул в сторону оставшегося далеко позади поселения:

– Это снег, снег! Снег, а не простокваша, ты, твердолобый пожиратель печени мертвецов! Это он, снег, дает начало горным рекам, которые бегут к морю. Но ты его никогда не увидишь – Коммод и Коррод «не допустят» этого! Потому что такие, как ты, в своей твердолобости станут утверждать, что море – это небеса, расплавленные солнцем. Впрочем, – остановился он вдруг в недоумении, удивляясь собственным мыслям, – если это не так, почему же солнце утром выныривает из него, а вечером заплывает обратно? Неужели небесная твердь так же крепка, как и земная? Иначе как-то бы оно по небесам с такой легкостью?

Недавний пленник, только что едва избежавший смерти, задумчиво поднял глаза к небу. В его голове вызревала новая авантюра, а в душе зарождалось неистовое желание убедиться – так ли все на самом деле?

Вишневый призрак

I

Когда-то здесь цвели вишневые сады «финского городка» с белыми домиками под красными черепичными крышами. Сейчас на их месте выросли причудливые каменные крепости, которые сдаются в аренду иностранным представительствам новыми хозяевами. Почему – причудливые? Да потому, что представляют собой архитектурный каламбур, синтез евразийского строительного сюра. Представьте себе миниатюрный готический собор с элементами буддийского храма, знаменитыми арабскими арками, греко-римскими статуэтками и затейливым персидским орнаментом. Вот такие дорогостоящие «шедевры», укрытые глухими заборами, громоздкими воротами и всевозможной чудо-сигнализацией. В бытность здесь «финского городка» заборы были деревянными, увитыми плющом и жимолостью, настолько невысокими, что виднелись окна с коротенькими белыми занавесочками, крылечки с фикусами в кадках и бельевые веревки с гирляндами штанишек, ночных сорочек, детских пеленок и армейских гимнастеров. Трудно поверить, что относительно недавно, когда время еще не набрало скорости, это место считалось городской окраиной. Тогда его называли «у северных ворот». Потому что на противоположной стороне находились ворота «закрытого» военного городка. Они и сейчас есть, эти ворота. Но закрывают лишь въезд в войсковую часть – знаменитые Сальянские казармы. Тбилисский проспект разделял два военных городка и завершался (или начинался) сетчатым металлическим щитом с четырьмя магически притягательными буквами-символами – «БАКУ». Этот простенький щит с таким родным и бесконечно любимым названием исчез еще раньше, чем вишневые сады и черепичные крыши «финского городка». Город невероятно разросся – вширь, ввысь, вглубь.

Знаменитые бакинские ветры, расшибаясь о новые «высотки», растерянно загибают, а застрявшие над городом тучки окропляют его мутными каплями кислотных дождей. Аромат акаций и жимолости сменили запахи автомобильных выхлопов. Однако несмотря на все это, Баку не стал менее привлекателен для современников. К нему по-прежнему стремятся, его жаждут и желают самые разные представители человечества. Но любят ли...

* * *

Во дворе капитана Ахундова тоже росли вишневые и абрикосовые деревья, а в доме – четверо детей. Целыми днями его жена, Маиса, носилась по двору, гремя ведрами, стуча шваброй, крича на детей, кур, пса и кота. Она никогда не молчала. Разве что, во сне. Хотя об этом мог знать только ее супруг. Маиса даже думала вслух. Поэтому секретов ей никто не доверял. Даже самых маленьких. Так, на всякий случай. Однажды Маиса сшила себе черное крепдешинное платье. Платье получилось удачным и очень ей шло. И тогда она стала несколько лет подряд шить себе платья из такого же материала, того же цвета и покроя. То, что постарее, она донашивала дома, а новое надевала в гости. Люди не очень близкие думали, что у бедняжки всего одно платье, и сочувствовали ей. А те, кто знал чудачку, сочувствовали ее мужу. Наверное, по этой причине и не осуждали особенно, когда поползли слухи о том, что завел-де капитан себе кралю на стороне. Красивую, образованную, холеную. Не в пример его клуше – крикливой, растрепанной, от которой пахнет хозяйственным

мылом и скипидаром (им прежде выводили клопов и тараканов). Но слухи – вещь особенная. Их не пресечешь поворотом выключателя на радиоприемнике. А еще им свойственно обрастать подробностями, щекотливыми деталями и бесцеремонно вторгаться в чужую жизнь, коверкать и разрушать ее. Стараниями «доброжелателей» дошли они и до Маисы. Супружеские разборки, ставшие вскоре обычным делом, завершались кратковременным перемирием, во время которого Маисины фингалы едва успевали поблекнуть. Но, видно, здорово вскружила белокурая зазноба голову тридцатидвухлетнему красавцу-капитану: вернувшись однажды с субботнего дежурства, объявил он Маисе о решении развестись. Что тут началось! Крики рвущей на себе волосы женщины смешались с воплями и плачем четверых детей (разница в возрасте младшего и старшего составляла всего три года), грохотом алюминиевых кастрюль и визгом побитого пса. Капитан выскочил на крыльцо с маленьким кожаным чемоданчиком, подбежав к мотоциклу, забросил чемоданчик в люльку, запрыгнул в седло и рванул в неизвестном направлении.

Неизвестным направление оставалось недолго. Очень скоро координаты нового места жительства капитана Ахундова были сообщены Маисе все теми же «доброжелателями». В тот же день она выросла на пороге соперницы, яростно молотя в дверь кулаками. Результаты этого визита были в прямом смысле налицо: нежное лицо разлучницы в один миг оказалось «вспаханным» короткими, но крепкими когтями, глубокие красные борозды пролегли по обеим щекам, а левый глаз украсил фонарь не слабее того, что светился на левом глазу самой Маисы. Когда их разняли сбежавшиеся на шум соседи, Маиса победоносно сжимала в одной руке прядь завитых волос, в другой – оторванный ворот изящного китайского халатика.

Как выяснилось, внутри даже такой «клуши», как Маиса, может дремать лев. То есть львица. Разъяренная львица – Маиса – на том не остановилась. Еще через день, облачившись в выходное черное крепдешинное платье (помните, я говорила о нем в начале?), она направилась в войсковую часть, где служил ее заблудший муж – прямо к начальнику политотдела! Это сейчас может показаться смешным и нелепым, но в те времена моральный облик советского офицера блюли на самом высоком уровне. А начальник политотдела – тот же серый кардинал, который, по сути, был не менее главный, чем самый главный военный чин.

– Та-ак, – сурово сверля серыми глазами сникшего капитана, строго протянул майор Хайруллин. – Уговорил я твою супругу не писать никакого заявления. Можешь не благодарить. Но учти: еще одна жалоба с ее стороны – пиши рапорт об отставке! Ты советский офицер, а не какой-нибудь аморальный буржуй. Возвращайся в семью, расти детей... И все прочее. Иначе – рапорт на стол и фью-ють! Все понял?

– Так точно, товарищ майор!..

– Свободен! И запомни: моральный облик советского офицера и шур-мур-лямур несовместимы. А семья – это свято! Понял?

– Так точно, товарищ майор!..

– И чтобы без рукоприкладства! И чтоб не куролесил! Понял?

– Так точно, товарищ майор!..

Не думаю, что «моральный облик» самого начальника политотдела был настолько безупречен, что открывал ему прямой путь на иконостас. Он и выпить был не дурак, и чужих жен за бока пощипать не прочь был. Поговаривали, что и у самого Олега Шаймардановича на целинных просторах парочка деток подрастает (армию частенько на помощь хлеборобам забрасывали). Однако «Моральный кодекс строи-

теля коммунизма» в части «Образцовый семьянин» для офицера был действительно свят. Так или иначе, пусть и не без лицемерия и фальши, но начальнику политотдела удалось сделать то, чего не удавалось родне и друзьям: капитан Ахундов смирился с ношей в виде семьи и пожизненной заботой о растущем потомстве.

Отношения капитана с женой определились общественно-семейным долгом. Связь с любимой женщиной пришлось разорвать во имя военной карьеры и четверых детей.

Забегая вперед, скажу, что дети эту жертву вполне оправдали и стали его гордостью в старости: старший сын, нефтяник, женат на сибирячке; там, в Сибири, и живет, окруженный уважением служащих нефтяной компании. Дочери стали одна – врачом, другая – учительницей и тоже живут в других республиках. Ах, нет, в других странах – пятьдесят лет назад капитану Ахундову, подпирающему своими погонями военную мощь Великой Страны, такое и в дурном сне не привиделось бы!

Но ничего не поделаешь: ностальгия по прежней жизни и сожаление об утраченной давней истории, боль и горечь истории недавней сменились тихим негодованием старого ворчуна, утирающего слезу при виде заграничных экскаваторов, бойко роющих котлован на месте его старого дома. Так, ничего, просто соринка в глаз попала...

II

– Откровенно говоря, я не сомневался, что мы надолго расстались, – отодвинув папку с документацией, произнес начальник тюрьмы, полковник Азиз Ахундов (да-да, тот самый, отрада старика Ахундова, его младший сын!). – Но, признаться, не сразу поверил, что ты к нам с «трупом на шее» вернешься. Как же так, а, заключенный... Азиз Ахундов? не верится...

– Придется поверить, гражданин начальник. Простите, господин начальник, – невысокий, седой, худощавый мужчина стоял перед ним, как и полагается, перед ним, держа руки за спиной. У него был усталый, отрешенный взгляд. – Вы же сами говорили всегда, что от грабежа до убийства, как от любви до ненависти, один шаг.

– Не вижу причин для шуток, – свел брови начальник тюрьмы. – И все-таки что-то в твоём деле не вяжется. Слишком складно все. Признался сразу, не отпирался. Трезв был... и без мотива...

– А зачем мне мотив? Я не Лучано Паваротти, так пришел, без распевки.

– Азиз, я тебя не первый год знаю, не рисуйся. Ты не настолько глуп, чтоб на пятнадцатилетний срок без причин пойти. Человека убить – не муху прихлопнуть, – начальник тюрьмы смотрел прямо в полуопущенное лицо заключенного, и от его взора не ускользало ни малейшее движение губ или глаз.

Тот, кто стоял перед ним, свою стезю избрал в неполных семнадцать лет, когда, спутавшись с воровской компанией, впервые попал в колонию для несовершеннолетних. Из последующих сорока лет он пробыл на воле в общей сложности всего семь. И вот сейчас вновь осужден. На сей раз за убийство. Но полковник Ахундов своих подопечных видел насквозь.

– А он не человек был, начальник, сами знаете. Какой же Манаф человек? Потрох сучий...

– Вот-вот, и ты без причин его замочил? Я ваши порядки знаю. Не вяжется тут что-то.

– Отчего же без причин? Сам он на меня с ножом полез, по матери ругался... А я как раз не в духе был.

Вечером полковник Азиз Ахундов, сидя в глубоком кресле, рассказывал своему отцу, отставному полковнику Ахундову, о беседе с заключенным, который, по иронии судьбы, был его полным тезкой.

– Расколлот-таки я его, отец, – задумчиво продолжал Ахундов-младший. – Редко кто из моих подопечных может вызвать жалость или сочувствие, сам знаешь – те еще гуси! Но то, что я услышал сегодня, потрясло меня... Ума не приложу, что делать... Я обещал ничего не предпринимать, да не знаю, насколько это правильно. И еще обещал держать в поле зрения того пацана, сына убитого. Этот Азиз большую часть жизни провел за решеткой и сейчас получил пятнадцать лет за убийство... которого не совершал. Зашел, говорит, к Манафу (тот недавно освободелся) «за жизнь поговорить», а он в стельку пьяный, с ножом на жену кидается, сквернословит, мальчишке такую оплеуху влепил, что у того кровь текла из носа – за мать заступался. Жена кричит, пытается пацана из кухни вытолкнуть, у самой рука в крови, успел муженек полоснуть. А мальчик вдруг из ее рук вывернулся, со стола кухонный нож схватил и двумя руками всадил в родителя. Манаф рухнул на пол, а он стоит над телом, зубы стучат, руки дрожат. Тут только ошалелая женщина заметила вошедшего Азиза. Когда стало ясно, что Манаф мертв, она бросилась перед Азизом на коленях ползать, ноги ему обнимает, плачет, просит не выдавать ребенка! Она, говорит, скажет, что сама мужа порешила, на себя возьмет. Только пусть Азиз не выдаст!

– Мне двенадцать лет было, когда отец нас с матерью бросил и ушел к другой женщине, – рассказывал Азиз. – Я тогда чуть не покончил с собой, ведь думал, что отец любит меня больше жизни. Наверное, тогда и умер во мне послушный и ласковый ребенок. Мое сердце стало наполняться неверием и ненавистью. Мать, бедная, из кожи лезла, чтоб я рос в достатке и поскорее забыл отцовское предательство. Я считал это предательством!

Все мои мысли занимали лишь чувство моей неполноценности и картины жестоких сцен расправы. Со временем планы мести покинули меня, оставив пустоту, в которую очень скоро нашли дорогу ребята с кастетами и ножичками. Они быстренько научили меня, как надо жить, исключив все «не». И сразу стало легко: плюй в колодец, рой другому яму, укради, обмани... убей... Первый инфаркт мама получила, когда я попал в колонию, второй – когда через год освободелся. Умерла... Ей еще сорока не было. С отцом так ни разу и не встретился. Да и не хотел уже. Что на меня тогда нашло? Нет, это не жалость была – она мне что, чужая тетка. Но в мальчишке я вдруг себя увидел. Зачтется мне на том свете, а, начальник?

– Ты веришь в него?..

– Если б верил, не грешил бы по-черному. Я был согласен с женой Манафа, что жизнь ее сына будет поломана, попади он в колонию. С другой стороны, останься он и без матери – вовсе пропадет. Вот и решил взять на себя убийство ее мужа. Велел ей забрать сына и бежать к сестре. Она, мол, от побоев пьяного мужа убежала и ничего не видела, что дальше было. Меня-то уже ничем не проймешь, ни назад, ни вперед дороги нет... увяз по горло, тьма кругом...А пацану – жить! Трудно будет, правда, с этим... Но, может, время все поставит на свои места. Ему сейчас настоящее мужское слово нужно, чтоб дальше не покатылся. Помогли бы еще, а? Вы хороший человек, мудрый. Такие всем нужны. Не то, что я. Я к нарам пупом прирос, душой приклеился (*смеется*). Мне тюрьма – дом родной. Другого дома и нет давно. Вот через

пятнадцать лет, коли доживу, выйду – авось, манафов сын куском хлеба старика одарит...

Отставной полковник Ахундов слушал сына молча, глядя куда-то в сторону.

– Так точно, товарищ майор!.. Так точно, товарищ майор! – стучало в голове. А перед глазами кружили лепестки отцветающей вишни. Вишневый призрак больно ущипнул за сердце.

– Хорошо, что «вышку» отменили, – наконец тихо произнес он. – Хотя, что за радость в такой жизни.

– Так что же мне делать, отец? – помолчав несколько секунд, переспросил сын.

– Оставь как есть... Мальчишку бы не упустить. Надо помочь. Тут без психологов и невропатологов не обойтись. И по-человечески...

– Ох, и задал мне задачу этот Азиз! Тот еще фрукт! Поставил мне мат своей исповедью, а после стал рассказывать о доме, где в детстве жил. Про вишневые и абрикосовые деревья во дворе, про черепичную крышу. Оказывается, недалеко от нашего старого двора жили когда-то. После переехали, когда родители расстались. Рассказывал, как рубил деревья, которые вместе с отцом сажал. А они в цвету были, плакали...

– Ты сходи завтра на кладбище, к матери, сынок...

Чернокнижник

– Перестань брюзжать! – хозяин квартиры, мужчина средних лет, оторвался от чтения книги, раскрытой ровно посередине, и повернулся лицом к лежащему на коврик псу. – У тебя прекрасное, редкое, несущее глубокий смысл имя, Аргус! Каждое твое пятнышко напоминает глаз. А их как раз сто, я сосчитал.

– Плохо считал! – пес лежал, уткнувшись мордой в лапы и, казалось, дремал. Он лишь слегка приподнял ухо. – Их сто одно. Только ему, сто первому, и удастся поспать. Остальные – оченьки мои недремные! Нет, чтобы Крезом назвать или, на худой конец, Цезарем...

– Потому и не назвал, чтоб не заносило, – усмехнулся хозяин. – Амбициозный ты слишком. Того и гляди, золота и власти взалкал бы!

– Не смешно... – пес недовольно ударил хвостом об пол.

– Псу положено службу нести. Один глаз спит, другой бодрствует.

– Вот именно! А у меня вся шкура в глазах. И ни один не спит. Все псы как псы, один я – Аргус стоглазый...

– Что ж, могу вернуть тебя в родное лоно собачьей жизни.

Аргус встрепенулся. По короткошерстым белым бокам, усыпанным сотней черных пятен, пробежала нервная волна. Пес вскинул морду и уставился на хозяина – шутки колдунов могут иметь роковые последствия! Но хозяин, по всей видимости, был далек от дурных помыслов. Он заложил шелковой лентой недочитанную страницу, закрыл необычного вида книгу и бережно переложил ее в ящик стола. Пес уже немолод, вот и капризничает. Преимущества своей жизни Аргус вполне осознает, о «собачьей жизни» большинства сородичей представление имеет и нарываться на ссору с хозяином-чародеем неразумно – всё это оба хорошо понимают.

– Сегодня у тебя будет возможность еще раз убедиться в том, что исполнение желаний не всегда делает счастливым, – последние слова импозантный мужчина, внешность которого никак не соответствовала традиционному стереотипу магов и

колдунов, произнес уже вслух. Он встал из-за стола, подошел к собаке и в знак дружбы легонько потрепал по загривку. Беспокойство Аргуса рассеялось. Затем хозяин приблизился к окну и отодвинул шторы. Комната наполнилась мягким светом полуденного весеннего солнца.

– Сегодня у нас весна, – произнес он, зажмурился и сделал глубокий вдох. – «Время пробуждения природы». А разве она вообще когда-нибудь засыпает? Скажут же люди! Реки текут и зимой, скованные льдами. Животные продолжают приносить потомство, вскармливают его в норах и берлогах, укрытых сугробами. Под корой голых деревьев созревают новые почки. Все живет, дышит, движется. Природа – великая труженица! Ей без разницы времена года. Она никогда не спит.

– Прямо как я! – тихонько твякнул Аргус. Он уже не сердился. Наоборот, загордился таким сравнением. Пес приготовился продолжить тему самоотверженности и незаменимости собственной персоны в миссии хозяина. Но тут в дверь легонько постучали. Она не была заперта. На пороге стоял мужчина лет сорока.

– Разрешите? – посетитель робко топтался на месте и обводил комнату почти испуганным взглядом. Не найдя в помещении даже намека на жилище колдуна, он удивился. – Я не ошибся? Вы кол..., простите, господин Ашумал?

– Не ошиблись, – вежливо ответил хозяин, пригласил его войти и указал на кресло. – Проходите, присаживайтесь. Мы тут с Аргусом размышляли о явлениях природы, об их круговороте. Все, что нас окружает, без конца переходит из одного состояния в другое. Но никто этому не удивляется, не называет это волшебством. Почему, как вы думаете?

– Не знаю, – пожал плечами посетитель. Он пытался понять, кого Ашумал назвал Аргусом, но не видел никого, кроме небольшой белой рыбки со множеством черных пятен, которая лениво двигала плавниками в круглом аквариуме на треноге слева от стола. – Какое же это волшебство? Обычное дело. То вода, то лед... То камень, то песок... Нормально.

– То уголь, то алмаз, – продолжил хозяин. – Тоже вполне нормально. Особенно относительно стоимости.

– Это другое. От угля до алмаза миллион лет проходит, – снова неуверенно пожал плечами гость.

– Верно. Но и за более длительный срок не каждый кусок графита становится алмазом. Однако что вас привело сюда, если не верите в волшебство? – необычный маг сосредоточенно разглядывал пятнистого Аргуса в круглом аквариуме. Одинокая рыбка, по всей вероятности, была сыта, оттого и не реагировала на легкое постукивание по стеклу и расползающуюся по поверхности воды щепотку рыбьего корма.

– Как вам сказать... Мне говорили, что... Видите ли, я неудачник... Хронический. Даже когда родился, умудрился плечо вывихнуть. Так и пошло по жизни. Все шиворот-навыворот... Соседскому коту завидую!.. – с трудом подбирая убедительные слова, ответил посетитель. Он еще раз обвел взглядом комнату. В ней не было абсолютно никаких предметов, указывающих на ремесло хозяина. Ни пучков ведьминских трав, ни пузырьков с зельем, ни свечей или цветных камешков – вообще никакой «колдовской» утвари. Это была обыкновенная небольшая комната кабинетного типа с громоздким письменным столом, двумя глубокими креслами, книжными полками, уставленными томами классиков эпохи социалистического реализма и толковыми словарями. На стенах никакой ритуальной символики или рисунков таинственно-зловещего содержания. Обои обыкновенные, бледно-зеленые. На одной стене висели часы,

тоже ничем не примечательный предмет домашнего обихода, штамповка массовой торговли. Правда, будь посетитель менее зашорен мыслями о своей несчастной судьбе и более внимательным относительно окружающего мира, он заметил бы, что только часовая стрелка движется в правильном направлении. Минутная же шла назад. Она двигалась очень медленно, крадучись и птясь. Легкая ситцевая шторка с фиалками и загогулинами была отодвинута. Снаружи доносились звуки шумного и душного городского лета.

– А вот завидовать нехорошо! – подмигнув рыбке, произнес хозяин. – Тем более, коту. Чем же кошачья жизнь лучше человеческой?

– Тем, что кастрированный кот моей соседки спит в специальном лукошке, на шелковой подушечке с кружевами, жрет паштет из отборных креветок и печени цесарок, запивает витаминизированным молоком и лечится от несуществующих болезней в элитной ветеринарной клинике! Для его фотоснимков специальный альбомчик имеется, а фотографа домой приглашают раз в три месяца и валютой платят. И что самое ужасное... я дни считаю до следующего раза. Не дождусь, когда старая дура позовет сфоткать этого дармоеда. Когда он сдохнет, его цветная фотография будет висеть на стене в траурной рамке!

– Да-а, коты недолго живут. Лет десять, наверное. Или чуть больше.

– А что моя долгая и никчемная человеческая жизнь против его короткой и беззаботной кошачьей?

– У вас больше времени на перемены.

– Я уже прожил почти сорок лет, но еще не испытал от этого особенного восторга. Вы хотите сказать, что долгая жизнь неудачника – это преимущество перед короткой жизнью кота-везунчика? Бьюсь, как рыба об лед, а хорошего дантиста себе позволить не могу. Зато у кота Теодория золотой клык, и эта сволочь всякий раз будто дразнит меня, скалится, когда прихожу. Видели бы вы, как он позирует перед объективом – Том Круз, да и только! Извините, но у меня такое чувство, что я пришел на прием к психологу, а не к... колдуну. Да и обстановка тут, скажем прямо, какая-то нечародейская, – посетитель еще раз обвел взглядом книжные полки и треногу с круглым аквариумом.

– Ясно... Вы ожидали увидеть кругом хрустальные шары, мумии неведомых тварей, дымящиеся черепа и шаманские бубны? Наверное ждете демонстрации чудодейства.

– Не помешало бы... – по своему обычаю неуверенно пожал плечами посетитель. – Для убедительности.

– Я, знаете ли, не амбициозный библейский фокусник, – спокойно ответил Ашумал. Недоверие гостя нисколько не обидело его. – Понимаю вас. Сомнение – это один из путей к познанию. Но почему же тогда вы так уверены в своей предрешенной невезучести? В этом случае у вас, вижу, сомнений нет. Ну да ладно. Исполню вашу мечту. Отныне жизнь ваша станет безмятежной, сытой и беспечной. Как у соседского кота... Как, вы сказали, его зовут, Теодорий? Любопытное имечко. Можете идти, любезный. Идите.

– К-куда? – недоуменно вскинул брови гость.

– К своей мечте. Куда же еще? Советую вам поспешить. А то дождь собирается, промокнете. Вот и осень пришла. Аргус любит осень, – маг ласково посмотрел на пятнистую рыбку, будто уснувшую в самом центре аквариума. Он протянул гостью руку для прощального рукопожатия.

– Сколько я вам должен, господин Ашумал? – спохватился посетитель.
– В вашем понимании, нисколько.
– Только не говорите мне о душе в качестве оплаты, – криво усмехнулся мужчина. – Я не верю в козни дьявола относительно проданной души.

– И правильно делаете! Тем более, что я и не дьявол. Ничего, кроме времени на чтение любимой книги, мне не нужно. Возьму у вас лишь то, что вам самому в тягость. Поторопитесь, скоро наступит зима, – с этими словами он отпустил руку гостя и проводил его до дверей. Когда дверь за посетителем закрылась и, слившись краями со стеной, стала ее частью, маг Ашумал провел по ней ладонью, постоял перед стеной какое-то мгновение и вернулся в свое кресло перед громоздким письменным столом. Он открыл ящик стола, вынул оттуда тяжеленную книгу и осторожно раскрыл перед собой на том же месте, где была заложена шелковая лента.

– Ну вот, – вполголоса произнес маг, кинув взгляд на лежащего рядом пса с сотней черных пятнышек-глазков, покрывающих спину и бока, – у нас появилось время прочесть еще несколько страниц. Все, как всегда, по-честному. Ты сам видел, как я старался его отговорить. Но он так уверен в своей невезучести и никчемности, что мог пойти на самоубийство. Так что никакого насилия или обмана. Человек завидовал обласканному судьбой коту и впредь будет доволен. А мы получили оставшуюся часть его человеческого бытия, еще 34 года. Не ахти как много, но не так уж и мало. Думаю, пару страниц осилим.

Пес лежал, как и прежде, уткнувшись мордой в лапы. Будто дремал. Но когда хозяин нагнулся, чтоб погладить его, обиженно отвернулся.

– Снова дуешься? – тихонько засмеялся хозяин. – Ладно, извини. Я просто предусмотрительно подстраховался, чтоб не раздражать тебя присутствием потенциального кота.

– И не смог придумать ничего лучше рыбы...

– А ты забыл, как в прошлый раз дамочку разволновал вид пятнистой орхидеи, и она чуть не оборвала отросточек на рассаду?

– Забудешь ее, как же! Чуть без хвоста не оставила! А этого, кошачьего фотографа, облаял бы от души, не будь я рыбой.

– «Рыба немая», – думает человек. «Человек глухой», – думает рыба. Из-за твоего окраса у меня очень ограничен выбор. Не превращать же тебя в байкальскую нерпу!

– Конечно, лучше в карпа... Спасибо, хоть не в камбалу.

За окном было уже совсем темно. Редкие крупные хлопья снега медленно опускались на ветки старого дерева, для того, чтобы ранним утром проснуться весенними почками.

* * *

Пожилая женщина без конца утирала салфеткой распухшие от слез глаза. Она в который уже раз разглядывала фотоальбом со снимками своего умершего три дня назад любимца, мордастого кота Теодория. Преждевременная смерть Теши на восьмом году жизни (ветврач сказал, что это произошло от переедания и малоподвижного образа жизни) стала для нее ужасным потрясением. А все предметы в доме были так или иначе связаны с Тешуней и напоминали о нем душевной болью. К тому же ей не удалось сделать последнего, посмертного фотоснимка кота в миниатюрном гробике – сосед-фотограф пропал куда-то именно в тот момент. Она не могла себе простить!

Женщина как раз собиралась поднести к губам цветную фотографию Теодория, сделанную два месяца назад, как до нее донесся странный звук. Будто кто-то плакал за дверью. Безутешная хозяйка издохшего кота-чревоугодника отложила альбом с фотоснимками в сторону и, подойдя ко входной двери, заглянула в «глазок». На лестничной площадке никого не было. Она приложила к двери ухо и вновь услышала жалобное попискивание. Старушка надела очки и осторожно приоткрыла дверь. Она не сразу разглядела промокшего и озябшего дымчато-серого котенка на половичке перед соседней квартирой, хозяин которой отсутствует третий день.

– Ах! – сцепила пальцы женщина, определив, наконец, источник жалобных звуков. – Бедненький ты мой! Иди ко мне, маленький, иди, славненький. Господи, ху-денький-то какой!

Старушка бережно взяла на руки несчастного котенка и занесла в свою квартиру. Здесь малыш был напоен теплым молочком из плошки почившего Теодория, растерт антиблошиными салфетками, подсушен мягким махровым полотенцем и вскоре уснул, свернувшись в углу дивана, укрытый пуховым платком хозяйки. Женщина смотрела на него, не в силах сдержать слезы. Но на сей раз это были слезы умиления и тихой радости, уступающей место печали. Она вспомнила, как несколько лет назад в такой же холодный вечер подобрала у парадного входа дрожащего и мокрого котенка, нареченного позднее Теодорием.

– Ну вот, Тешуня, ты и вернулся! Ты больше не покинешь меня, золотце, правда? И все у нас будет замечательно...

Язык знаков

За окном глухо тархтел разогреваемый автомобиль. И он просыпался с трудом. Склизкое, пасмурное январское утро. Вовсе не хочется вылезать из-под теплого одеяла. Тем более, что сегодня воскресенье. Но досмотреть предутренние сны все равно не удастся: две старушки за стеной – сноха и золовка, – «разменявшие» девятый десяток годов, будто и не прекращали заведенной еще с вечера склоки. Хотя тема семейного скандала мусолится уже почти сорок лет и давным-давно потеряла всякий смысл.

* * *

«500 золотых монет прибавляю к приданому дочери своей Марьям, кои муж ее, Кербалаи-Идрис, обязан вернуть в десятикратном размере, если разведется с ней или умрет она от плохого обхождения». Такими словами заканчивалось брачное соглашение («кябин»), заключенное между родственниками жениха и невесты. Далее шли подписи и «бармаг-басма» (отпечатки большого пальца) свидетелей.

Марьям была единственной сестрой четырех братьев, детей почтенного лекаря из иранского города Решт. Старший брат, Ибрагим, вел торговые дела семьи с бакинскими купцами, где и присмотрел жениха для сестренки – богатого вдовца Кербалаи-Идриса. Два средних брата, Искендер и Исмаил, оба лекари, владели лечебницей в Маранде, где и жили. Самому младшему, Мухтару, было одиннадцать лет. Самой же Марьям тогда едва исполнилось тринадцать.

Мухтару позволили сопровождать сестру, когда она, пряча грустное лицо под черным покрывалом поверх красного свадебного одеяния, поднималась на борт парохода вместе с прибывшими за ней родственниками жениха и теткой-енгя.

Брат-купец, Ибрагим, с тех пор, приезжая в Баку, всегда брал с собой Мухтара. Решил приобщить его к торговому делу. Сейчас мало кто помнит, что граница с Ираном «открывалась и закрывалась» неоднократно и в советские годы. И в двадцатые, и в тридцатые. В 1945 году граница «захлопнулась» окончательно, и Мухтар застрял в Азербайджане. Через три месяца он умер в Шуше, куда были перемещены во время войны «лица без гражданства». Марьям осталась одна с дочкой и сыном, ее престарелый супруг почил еще в канун войны. Вернуться на родину, в Иран, было невозможно. Да и зачем? Дети – советские граждане, которые при получении паспортов в соответствующей графе анкеты записали: «Родственников за рубежом и в заключении не имею».

Принято считать, что при советской власти зажиточные люди теряли все. Не все! – «кубышки» сохранились у многих. Вот и Марьям удалось сберечь те самые «500 золотых монет», оговоренных в брачном соглашении. От покойного мужа и брата Мухтара тоже кое-что осталось. Так что ни Марьям, ни ее дети особых лишений не испытывали. Даже в голодные военные годы. Марьям не была расточительной (надо сказать, это свойственно всем иранцам), деньги тратила с умом, за что прослыла женщиной прижимистой. Тем не менее, никогда нигде не работая, она вырастила детей, дала им образование, обеспечила жильем. Время от времени открывалась ее главная заначка, и оттуда извлекались червонцы: к рождению внуков, к покупке автомобиля, к приобретению дорогой мебели или изготовлению зубных коронок – золотые монеты разменивались только для серьезных целей.

Внучку Хавер Марьям обожала. Она рассказывала ей об абрикосовых деревьях в саду, окружавшем дом ее отца. Как они цвели весной! И небо там было голубее, и вода слаще, и хлеб вкуснее. Откуда Марьям могла это помнить? Внучке сейчас столько же, сколько было ей самой, когда она в последний раз оглянулась на родной берег. Внучка заняла в сердце Марьям место собственной дочери. Минавар была не в мать – легкомысленная транжирка, падкая на наряды и развлечения, одного мужа в гроб свела, другого по миру пустила.

Хавер тоже любила бабушку. За добрую мудрость, теплые, ласковые руки, от которых пахло розовыми лепестками (после приготовления пищи бабушка всегда растирала в пальцах несколько розовых лепестков – ох, уж эти иранки!), за сказки, не всегда понятные, но всегда желанные. Закутавшись в клетчатую бабушкину шаль и положив голову ей на колени, она часто засыпала, убаюканная тихим голосом Марьям и костяным гребнем, которым та расчесывала внучке волосы.

– Не кричи, – поучала Марьям девочку, – девушки не должны громко разговаривать. Когда я была маленькой, бабушка учила меня при посторонних говорить тихо. Особенно при мужчинах! В присутствии отца и братьев мы с ней переговаривались только глазами и пальцами.

– Ой, научи, бабуля! – упрасивала Хавер бабушку. – Секретный язык – это так здорово!

– Вот, смотри, – с радостью соглашалась бабушка. Прежде она думала, что «нынешним» такой язык уже ни к чему. – Когда поворачиваешь лицо влево и немного наклоняешь голову, это означает «принеси скатерть». Или – «постель». Или – «полотенце».

– А как понять, что именно? – Хавер показался сложноватым язык знаков.

– Очень просто! Например, пришли гости, уселись, я дала тебе этот знак – ты же не притащишь одеяло! Конечно, принесешь скатерть. Если гость решил помыть

руки, что ты ему подашь?

– Полотенце!

– Видишь, все очень просто.

– Бабуля, ты у меня сокровище! Еще! Еще!

– Это означает «приготовьте чай», – бабушка слегка перевернула раскрытую ладонь и тут же опустила руку. – Но знак надо уловить сразу, другие люди не должны его заметить. А то подумают, что ты бестолковая и сама ни до чего не можешь додуматься без подсказки.

Очень скоро Хавер без слов понимала и выполняла бабушкины «приказы». Новая игра пришлась ей по душе. Две ее подружки-одноклассницы тоже подключились к этой затее и, стоя у доски, «ловили» подсказки Хавер. На этот случай они придумали свои знаки: подсказки делались исключительно глазами или поворотами головы.

* * *

В начале марта 1968 года с Марьям случилось несчастье. Ее разбил паралич. Сын, дочь и невестка стояли у постели Марьям и пытались понять, что она хочет сказать. Правая ее рука была бездвижна, пальцами левой руки она делала какие-то слабые движения и, издавая нечленораздельные звуки, глазами о чем-то просила.

– Минаввар, надо привезти Хавер, – сказал сын Марьям, – пусть повидается с бабушкой.

– Ни в коем случае! – запротестовала его жена. – Не надо травмировать ребенка! Через два-три дня, когда ей станет лучше, приведем. Лучше забери отсюда ценности, пока не пропали.

– А ты-то чего распоряжаешься?! – возмутилась Минаввар словами снохи. – Уж не решила ли, что они твои? А это не хочешь?

Думаю, не стоит объяснять, какой за теми словами последовал жест, но сцена у постели умирающей женщины была безобразной: золовка и сноха, визжа и бранясь, вцепились друг в друга в волосы, в разные стороны разлетались шпильки и заколки. Мужу одной и брату другой удалось разнять их, лишь вlepив обеим по увесистой затрещине. Но Минаввар в долгу не осталась! Повернувшись спиной к снохе и брату, она задрала подол, обнажив белые ножки в кружевных панталонах.

– Вот тебе «ценности»! – заорала Минаввар и бросилась к комоду. Ругаясь, словно пьяный кучер, она стала рыться в ящиках, раскидав все аккуратно сложенные матерью накрахмаленные и отутюженные простыни, наволочки, полотенца и ска-терти.

– А-а-а! Уже сперли, сволочи! – вопила Минаввар, копаясь в комоду и ничего не обнаруживая. Брату пришлось снова вмешаться. А на шум уже стали собираться соседи. Бедная Марьям наблюдала все это безобразие, бессильно шевеля пальцами левой руки и бессвязно мыча. Кто знает, не случись этого скандала у нее на глазах, может быть, она и поправилась бы. Но той же ночью Марьям умерла...

После похорон брат с сестрой перерыли всю квартиру матери, перетряхнули все вокруг, даже ее молитвенный коврик прощупали. Не говоря уж о вспоротых матрацах и одеялах. Но, кроме сберкнижки и ларчика с ювелирными украшениями ничего не нашли. Золотые монеты будто сквозь землю провалились! По подсчетам родственников, их не меньше двух сотен должно было оставаться.

Позже ковры и мебель были разделены между братом и сестрой, а кухонная ут-

варь и бесчисленное количество банок с вареньем роздано соседям с нижнего этажа.

– Для кого она варила столько варенья? Бог знает, сколько оно **стоИт**. Вон, и засахарилось уже, даже крышки заржавели, – ворчала Минаввар, вытаскивая из-под тахты трехлитровые, закатанные вручную банки с инжирным и айвовым вареньем.

В те годы оставлять за собой квартиры родственников не представлялось возможным, и квартира Марьям была перепродана (по договоренности) соседям.

* * *

Прошло два года. Однажды Хавер помогала матери делать заготовки впрок. Убирая банки в стенной шкаф, она повела головой и ладонью.

– Что это значит? – сердито спросила мама. – Все никак не забудешь бабкины глупости!

– Это значит, что больше банки ставить некуда, – тихо ответила Хавер. – Нужно подыскать другое место.

Мама вдруг побледнела и опустилась на стул, глотая воздух открытым ртом. Через минуту она запричитала, как на поминках. Она била себя по голове и хлопала по коленкам, напугав дочь до смерти своей истерикой.

– О-о-о, пепел мне на голову! О-о-о, погибель на мою душу! Минаввар! Чтоб тебя разнесло на кусочки! – причитала невестка покойной Марьям. – Варенье! Банки! Золото!

– Мама, выпей воды, успокойся, – уговаривала перепуганная Хавер, протягивая матери стакан с водой. – Какие банки? Какое золото?

– Я же видела, как она крутила глазами, как шевелила рукой! Зачем я не позволила тебя привести?! Ты бы ее поняла! А эта идиотка, твоя тетя, отдала все банки с вареньем косой Эльмире! – слова застревали у нее в зубах, и она будто сплевывала их.

Обвинять бабушкиных соседей в присвоении золотых монет, которые, предположительно, находились в закатанных банках с подкисшим вареньем? В этом не было смысла. Тем более, что через несколько месяцев после бабушкиной кончины многодетная семья неожиданно для всех съехала с той квартиры в полуподвале. И никто не знает, куда. Оставалось только обвинять друг друга. Что они и делают по сей день.

Аист ошибся адресом

Джаваир-ханым сердито переключала каналы, нажимая на черные кнопки «прыщатника», как она называла дистанционный переключатель. Но этого можно было и не делать – все равно почти по всем телеканалам шли либо блоки новостей, либо осточертевшая реклама омолаживающих кремов, моющих средств и подгузников.

– Исламскими экстремистами вновь совершен теракт... в израильском городе... в результате взрыва погибли десять человек, – комментировали одни и те же кадры репортеры разных каналов. – В ответ на это израильские военные нанесли бомбовый удар по жилым кварталам палестинского города... Ответственность... взяли на себя...

– Да бросьте брехать! «Исламские террористы», «израильские военные»! – в который раз с возмущением восклицает Джаваир-ханым. – Эти еще с добиблейских

времен драли друг другу бороды почем зря! Нет же – надо придать всему религиозную окраску. С моим дедом Ибрагимом по соседству жил еврей Абрам и немец Абрахам. Тезки. И все трое прекрасно ладили друг с другом. И их дети ладили, и внуки, хоть и разъехались кто куда, а все равно дружбы не прервали. Самая отвратительная нация на свете – это политики. Все зло от них! А простые люди всегда друг с другом общий язык найдут.

– Тебя бы, пэпэ, на трибуну, – усмехается внук, оторвавшись от компьютера и потягиваясь. – Всех политиков за пояс заткнула бы.

– А ты не шути! Чем я хуже Агахана? – повернулась к нему лицом бабушка и, глядя поверх очков, стала пояснять. – Есть у нас один дальний родственник. Так себе, голь перекатная. Беден, как церковная мышь, а имя родители ему дали – Агахан. Сыновья у него Агабек и Агалар. Дочь – Ага-бегим. Амбиций – что у павлина бесхвостого, свою кандидатуру в депутаты выдвигал.

– Выбрали?

– Ага! Догнали и еще раз выбрали! Вот, полюбуйтесь на эту «помолодевшую» пигалицу! – ворчит бабушка, переключив канал и вновь наткнувшись на рекламу крема от морщин. – Можно подумать, в ее возрасте появляются морщины. Да она еще вчера памперсы демонстрировала! Покажите мне старушку, у которой разгладилась морщина от вашего топленного собачьего сала, тогда и поверю.

– На то она и реклама, – заступился внук за «двигатель торговли». – Ты у нас Фома Неверующий, нигилистка.

– Почему же? Вот расписал мужик крем-шампунь от перхоти, так его вранье через три промывки обнаружится. А расскажи он о креме от рогов – отбою не было бы от покупателей. Не проверить же, а все будут утверждать, что помогло.

– Сразу видно, ветеранка-кавээнщица, – засмеялся внук. – На все ответ готов!

– А в этом ты ошибаешься, – погрустнев, возразила бабушка. – Были вопросы, на которые ответ через полвека пришел. И не нужен оказался...

– Так-так-так, – хитро заулыбался внук, придвинувшись поближе к бабушке. – Не спрятан ли скелет в шкафу у моей любимой ненешечки? Колись, бабуля, обещаю хранить тайну исповеди. Твой доисторический шкафик давно вызывал у меня подозрения.

Внук называл «шкафиком» двустворчатый плательный шкаф с большим помутневшим за десятилетия овальным зеркалом и окошечком из цветного стекла на левой створке. Этот шкаф – бабушкино приданое – был изготовлен на заказ специально к ее свадьбе. Дизайн по нынешним временам примитивен, внутренние ящики для белья неудобны, все время застревают, а дверцы издают неприятный протяжный скрип. Но, уступая детям и внукам во всех прочих житейских делах, бабушка была категорична и бескомпромиссна в вопросе о судьбе «шкафика», который никак не вписывался в интерьер. Никому не удалось уговорить ее расстаться со шкафом. Бабушка не согласилась даже на его модернизацию. Отказалась она и от замены помутневшего зеркала. Пришлось во время ремонта произвести реконструкцию, перестроив стену так, чтобы шкаф не было видно входящим в квартиру. Теперь он стоял у внутренней стены, у двери, которая, раскрываясь, прятала его от посторонних глаз.

– В дождевой луже отражение четче! Что ты в нем видишь? – удивлялся внук упрямству бабушки.

– Все! Тебе сейчас не видно. Это волшебное зеркало. Оно мне иной раз такой сериал показывает, что мексиканские киношники обзавидуются! Ты еще юный и кра-

сивый, но в нем выглядишь хуже: зеркало предупреждает тебя, что молодость и красота – не навсегда. Я старая, оно размывает мое отражение, и это не так заметно. Меня зеркало щадит.

– Да ты философ! А шкафик твой просто мудрец – Фрейд отдыхает!

Устав от бессмысленного переключения телеканалов, Джаваир-ханым отбросила в угол дивана «прыщатник» и строго посмотрела на внука. Строго – это громко сказано. Она никогда не могла, общаясь с ним, даже в педагогических целях напустить на себя нравоучительную серьезность.

– Скелетов в моем шкафу нет. Но интересных историй с ним связано немало. Одна из них засела в памяти, как заноза. До сих пор сердце болит, когда вспоминаю! Мы тогда жили на старой квартире, в коммуналке. У нас с твоим дедом была самая большая комната, 20 квадратных метров. Перегородили ее ширмой – стало две. Шкаф этот был еще совсем новый, модный, сверкал глянецом и не скрипел. Соседей я плохо знала, но все казались мне людьми милыми и добрыми. Собственно, так оно и было. За исключением одной особы, женщины чуть старше меня, очень привлекательной и общительной. Поначалу и она была мне симпатична, но вскоре стала вызывать неприязнь. Я старалась избегать общения с ней. Наши комнаты разделяла стена из дранки – оштукатуренных деревянных реек. Поэтому все, что происходило за стеной, было отчетливо слышно. Соседка моя, на людях улыбчивая и добродетельная, превращалась в сущую фурию, когда дело касалось ее старшей дочери. Я не понимала, за что мать так невзлюбила собственного ребенка. Била за самую незначительную провинность, а девчужке было-то всего пять лет! Однажды, когда мать ушла в магазин, девочка нечаянно разбила фарфоровую статуэтку. Я знала, что ее мамы дома нет, и удивилась, услышав непонятный шум за стеной. Обеспокоенная, я вошла в их комнату (тогда было позволительно заходить друг к другу без стука!): бедная малышка стояла на табуретке перед этажеркой, возле которой валялись ручки и ножки разбитой балерины. От страха быть жестоко наказанной она обмочилась.

– Не бойся, скажем маме, что это я разбила фигурку, – попыталась я успокоить ребенка. – А потом мы ее склеим.

Но тут вошла мать девочки и, увидев дочь на табуретке, а меня подбирающей с пола обломки, догадалась, в чем дело.

– Не надо ее наказывать, она нечаянно, больше не будет, – попробовала я заступиться за ребенка. – Прошу тебя, не бей ее!

– Своих роди и воспитывай! – грубо оборвала меня соседка. – Я не буду ее бить. Я ее убью!

Не успела я и глазом моргнуть, как она вlepила ребенку такую оплеуху, что щека вздулась мгновенно. Девочка упала с табуретки и ушибла плечо, на нем образовалась здоровенная ссадина. Мы разругались не на шутку, и я перестала с ней разговаривать. Позже выяснилось, что, опасаясь получить трепку от мужа, она уговорила дочку сказать отцу, будто та поскользнулась и упала с лестницы. Подарила дочке за это кусок белой шелковой ленты и «райскую птичку».

– Посмотрите, что мне мама подарила, – хвалилась счастливая малышка, нацепив на голову малиновую птичку из плюша. Она уселась на диван рядом со мной, достала из кармашка кусок белой ленты и стала прилаживать его к своей кукле. – Мама не будет больше бить меня. Она обещала. Она хорошая, правда?

«Как бы не так!» – подумала я, но, погладив в ребенка по головке, сказала:

– Конечно, хорошая. А ты больше не трогай ничего без спросу.

С ее мамой мы вскоре помирились. Частые ссоры и скорые перемирия были обычным делом в коммуналках. Мы недолго прожили в той квартире. Но в канун переезда случилось еще нечто, что вызвало всеобщий переполох. На вопрос «Откуда берутся дети?» – как видишь, вопрос не нов для всех поколений – мать ударила девочку по губам.

– Больше тебя ничего не интересует, бесстыжая? – рассердилась женщина. – В магазине покупают! За тебя двадцать копеек заплатили – дороговато для такой ма-таки!

Девочка, не поняв, чем разозлила мать, заплакала. Через некоторое время она осторожно отворила мою дверь и, озираясь по сторонам, чтоб никто не услышал, говорит:

– Тетя Джаваир, мама говорит, что купила меня за двадцать копеек. У меня есть один рубль, папа подарил. Я его вам отдам, а вы меня у мамы купите. Купите, пожалуйста! Я буду вас слушаться, честное слово!

Голос ее срывался до шепота, в глазах дрожали слезки. Я сама чуть не разревелась. Обняла ее, прижала к себе и стала успокаивать.

– Но ведь твой папа очень огорчится. Тебе его не жалко? – я не могла найти более убедительных доводов. – Мама пошутила. Детей не покупают. Говорят, что их приносит большая белая птица – аист.

– Лучше бы он меня к вам принес! – грустно вздохнула девочка. Тут меня стали звать к телефону, и я вышла в коридор. Когда вернулась, девочки в комнате не было. А через некоторое время начался переполох: ребенок пропал! Искали дотемна, обошли все близлежащие улицы и дворы. Было уже за полночь, но никто из соседей не спал. Женщины всхлипывали, приводя в чувство мать пропавшей девочки, мужчины курили и что-то обсуждали с милиционерами. Ждали кинолога. Когда он пришел и собаке дали понюхать платье девочки, она тотчас кинулась к моим дверям и рванулась к шкафу. Милиционер открыл дверцу и стал унимать разлаявшегося пса: перепуганная до смерти, с обезумевшими от страха глазами, девчушка жалась в угол шкафа, укрывшись за моим новым кабардиновым пальто. Потом с ней случилась такая истерика, что даже пришлось вызвать «скорую». А через несколько дней ее уложили в детскую неврологическую больницу. У бедняжки отнялся язык. Ее долго лечили, чуть заикой не осталась. Их семья тоже вскоре уехала. В Ленинград. Муж той соседки был военный служащий. Интересно, что стало с их дочкой?..

– Выросла и убила свою мать-мегеру! – сердито произнес внук, молча и внимательно слушавший бабушку. – Четвертовал бы такую мразь!

– Не болтай! – осекла его бабушка. – Многие вещи в этой жизни не поддаются простым объяснениям. Наверное, девочка была права: аист ошибся адресом. Только и всего.

Акварельный дождь

– Я первая! Чур, я царица! – приготовилась изображать из себя Морскую Владычицу Алагез. Она выхватила из рук Шамсии самоварную насадку с продернутой резинкой, мигом нацепила ее на голову и стала расплетать свои тугие темно-русые косы. Девочки всегда использовали эту насадку в качестве короны, предварительно натерев ее песочком до блеска и очистив от копоти.

– Это нечестно! – возмутилась Шамсия, попытавшись отнять у Алагез «корону».

– Ты вчера была королевой! Сегодня моя очередь.

Но было поздно. Прыткая кузина приняла царственную позу, усевшись на синий табурет, покрытый куском блестящей парчи – это трон. Очень густые и красивые волосы Алагез были ей по пояс, а большие светло-серые глаза, обрамленные длинными ресницами, неизменно вызывали восхищение всех, и детей, и взрослых. За красоту этой бессовестной лгунье и нахалке прощали все. Вчера разбила бабушкину фарфоровую шкатулочку. И что? Сделала невинное личико, поохала, поахала, похлопала глазищами, приложив ладошки к розовым щечкам, и простили! А Шамсия на днях почти час в углу простояла за нечаянно поломанный градусник. Где же справедливость? Неужели люди бывают добры только к красивым?

– Вчера я была Снежной Королевой, а сегодня – Морская! – невозмутимо плутовала Алагез. – У меня и глаза подходят, и волосы. Я буду расчесывать их морскими гребешками!

– Морскими гребешками не причесываются, их едят! – чуть не плача, протестовала Шамсия. – А твои расчудесные серые глазки под водой не будут видны. Будешь как слепая!

Но Алагез уже вошла в роль Морской Владычицы. Она привычно раздавала команды своим «царедворцам» – двоюродному брату, сестрам и паре соседских близнецов. Эта пара семилетних толстушек беспрекословно выполняла приказы своей «королевы»: мыла за нее чашки, чистила песком медный самовар и счищала копоть с большущего эмалированного чайника, подметала веранду. Близняшки скрещивали руки на груди и, покорно опустив кучерявые головки в каких-то нелепых нахлобучках, заменяющих чалму, подолгу неподвижно стояли по правую и левую руку от «королевы», ожидая ее повелений. Как им удавалось так долго оставаться без движений? «Наверное, натренировались, стоя в углу», – думала Шамсия. «Королева» называла девочек «рабынями». Они не обижались. То была их роль, и они играли ее, как полагается, самозабвенно войдя в образ.

– Прогоните ее прочь из моего дворца! – царственным жестом указала королева-самозванка своей челяди на Шамсию.

– Уходи, уходи! А то прикажет отрубить тебе голову! – замахали руками кузенизирь и кузины-придворные дамы.

– А у вашей королевы нет палача! – огрызнулась Шамсия. Но на всякий случай спрыгнула с веранды и убежала в дальний угол двора. Там под навесом был невысокий столик, а на нем стояли баночки с водой и кисточками, лежала большая голубая коробка с акварельными красками «Нева». Остальные обитатели двора не умели рисовать акварелью, предпочитали цветные карандаши и мелки. Поэтому краски Шамсии никто не трогал, и она редко уносила их в дом.

Шамсия разложила перед собой бумагу. Затем вылила на нее воду и стала размазывать ее по листу. Когда он был смочен весь, принялась за рисование. Этой «хитрости» – смачиванию листа перед работой акварелью – другие дети не знали. Их попытки рисовать красками не удавались, рисунки получались грубыми и примитивными. Поэтому и интереса к акварельным краскам ни у кого не возникало. Вот они и оставались нетронутыми, в целостности и сохранности. Не то, что карандаши, которые все друг у друга таскали.

Шамсия знала, что будет рисовать сегодня: подводное царство! А в сентябре этот рисунок вместе с остальными, собранными за лето в тисненой кожаной папке,

украстит «художественный уголок» в классной комнате. Уж тут-то Шамсия неизменный лидер!

– Подумаешь, королева! Глаза у нее красивые! Волосы у нее красивые! – недовольно бурчала себе под нос Шамсия, усиливая тон более темным цветом. Только она знала секрет акварели: нужно начинать со светлых тонов, постепенно доводя их до более темных. И непременно смачивать водой лист! А еще Шамсия знала, что масляными красками работают иначе: тут сперва накладываются, наоборот, более темные тона. – Зато рисовать не умеешь! Вот состаришься и уйдет вся твоя красота! Будешь похожа на горбатую Бясти. Бабушка же говорит, что эта бабаежка в молодости была самой красивой красавицей-раскрасавицей-закрасавицей. А вот мои рисунки никогда не состарятся!

Шамсия неожиданно замолкла. Кисточка в руках застыла в воздухе. Девочку напугала мысль: если белолицая, румяная, светлоглазая Алагез, состарившись, превратится в такое чудовище, какой же станет сама Шамсия, смуглая черноглазая худышка? Шамсия замотала головой, отгоняя удручающую мысль, и продолжила рисование. Интересно, почему ее Морская царица получается такой похожей на Алагез? Шамсия вздохнула с грустью. Ничего не поделаешь – Алагез действительно больше подходит для роли царицы. Разумеется, только внешне. Во всем остальном Алагез проигрывала даже своим «рабыням». Была ленива, лжива, бестолкова. По арифметике, письму, чтению у нее одни тройки. Да и то – дохлые. Почему ей все прощалось? Неужто и вправду красота первее всего?.. Худо тогда придется Шамсие. Будь она самая-рассамая умница, будь хоть трижды умницей, да хоть в космос она слетай – все равно «королева» Алагез останется в центре всеобщего внимания и преклонения!

Так, разговаривая сама с собой и рассуждая о незаслуженном почете одним и невнимании к другим, Шамсия не заметила, как небо нахмурилось (под навесом, в тени, это не так-то и заметишь!). Вдруг начался ливень. Он барабанил по гофрированному металлу и шуршал в листьях старого хартута. Шамсия оторвала глаза от листа с «подводным царством». Весь мир вокруг стал настоящим подводным! «Королева», обронив корону и опрокинув трон с парчевой накидкой, побежала в дом. Она растянулась на ступеньках, запутавшись в длинном подоле бабушкиной юбки, а ее «верноподданные» даже не помогли ей подняться. В один миг чудесные темно-русые волосы Алагез растрепались и стали похожи на мокрую паклю. Шамсия наблюдала издали эту картину и хохотала от души. Она не слышала в шуме дождя зовущих ее голосов. Ей вдруг захотелось нарисовать этот залитый водой акварельный мир.

Девочка достала из папки для бумаг большой белый лист и вынесла его под дождь. Смоченная настоящим дождем картина будет самой что ни на есть живой! Ливень скоро прекратился. Однако Шамсия успела закончить свою необычную акварель, которую смочили сами небеса. Какая замечательная получилась картина! Старый хартут, дети, бегущие к распахнутой двери дома, небеса, отжимающие тяжелые тучи, как только что выстиранные огромные пододеяльники – все было здесь, и все было за пеленою акварельного дождя.

Но когда дождь закончился и Шамсию «нашли», радость от чудесной картины была омрачена наказанием. Как оказалось, ее долго звали, но она не отвечала, и все переволновались. А что было волноваться. Разве не знают, где она могла быть? Была увлечена рисованием, не слышала. Ах, так? Не слышала? А может быть, не хотела слышать?

– Посидишь одна взаперти – живо слух улучшится! – кричала мама.
– Посмотри лучше, что я нарисовала! – давилась слезами обиды Шамсия. – Я не слышала! Честное слово!
– «Посидишь одна!» Нашла, чем ее пугать, – съязвил дядя, отец Алагез. – Она и без того как кикимора-одиночка. Не может нормально играть с другими детьми.
– Хотела быть морской царицей, а ребята меня выбрали, – встряла его лживая дочечка. – Она позавидовала и от вредности убежала
– Врешь! Никто тебя не выбирал, ты сама себя всегда выбираешь, – закричала Шамсия, возмущенная ее словами. – Разве не так? Скажите, Сабир, Рая, Аян!
Но «царедворцы» промолчали. Решили не вмешиваться. На всякий случай. Не то вдруг и самим влетит.

* * *

Картина Шамсии «Акварельный дождь» заняла первое место на конкурсе детского рисунка «Минуло лето». Юную художницу очень хвалили и даже показывали по телевизору. А уж как гордились родители, подвергшие ее в тот летний день незаслуженному наказанию! И сегодня, доставая из старой тисненной папки пожелтевший по краям листок «ватмана» с поблекшими красками летней акварели, Шамсия испытывает смешанное чувство радости и обиды, которое исходит от нее. А ведь прошел не один десяток лет!

Когда для смерти нет причин

– Игорь Соломонович! Умоляю, не щадите меня! Я хочу знать правду! – положив руку на грудь и страдальчески глядя на доктора, шептала посетительница.
– Поверьте, именно о ней я вам и толкую, – уверял ее Игорь Соломонович, с трудом сдерживая раздражение. – Ваш супруг абсолютно здоров!
– Почему же я слышу сомнение в вашем голосе? – не унималась пожилая дама, озабоченная состоянием здоровья своего 96-летнего мужа. – Вы явно что-то скрываете, доктор!
– Вы правы, – откинувшись в кресле и зажмурив глаза от внутреннего негодования, ответил доктор, заставив женщину вздрогнуть, – я пытался скрыть свое удивление.
– Чем? – изумилась посетительница.
– Именно тем, что он аб-со-лют-но (!) здоров в свои 96 лет! У него сердце ма-тадора, легкие трубача, печень космонавта и почки водяной мельницы!
– Но у водяной мельницы нет почек! Вы хотите сказать...
– Я хочу сказать, – негодуя, перебил ее доктор, – что его почки работают в ритме водяной мельницы! Бесперебойно и четко выполняя свои функции. Почему вы так упорно пытаетесь обнаружить брешь в той тверди, которую представляет здоровье уважаемого Льва Борисовича?
– Твердь, говорите? А как же ухудшение слуха? Он ведь ничего не слышит без слухового аппарата! – тянула жилы из доктора супруга Льва Борисовича. – А отчего у него случаются головные боли? Вот, взгляните на снимок.
– Как! Вы уже и снимок сделали? – Игорь Соломонович засунул кулак в карман

халата, чтоб не стукнуть им по столу. Он взял левой рукой снимок, напоминающий пиратский флаг, отвел его к свету, помолчал несколько секунд, изучая содержимое черепа почтенного Льва Борисовича. – Полный порядок! Ничего нет в голове вашего супруга. В чем я и не сомневался.

– Игорь Соломонович! – обиженно поджала нелепо напوماженные губы пожилая женщина. – Что вы такое говорите? «В голове ничего нет» – что это значит?!

– Не цепляйтесь к словам, уважаемая, – сердито ответил доктор. – Это значит, что нет причин для беспокойства. Ваш муж здоров. Здоров!!! И здоровье у него завидное!

– Тьфу-тьфу-тьфу, – постучала по столу женщина. Она вздохнула и стала убирать в сумочку медицинское досье и рентгеновские снимки мужа. По выражению лица было видно, что доктор все равно не убедил ее. – Я забыла сказать: он стал разговаривать во сне. И такую чушь несет!

– Немало людей делают это и наяву...

– Но я так боюсь за него! Не могу представить, что Левушка может... – женщина всхлипнула, – ...может... умереть...

– У вас нет причин для беспокойства, – уже мягче произнес доктор и, улыбувшись, добавил, – а у Льва Борисовича нет причин для смерти. Передайте ему мой горячий привет.

Когда супруга почтенного пациента затворила за собой дверь, Игорь Соломонович негромко выругался и выпил залпом стакан воды. Он понял, что вконец измотан старухой и не в состоянии продолжать прием. Доктор снял халат, повесил его в шкафчик и скорчил гримасу своему отражению в зеркале, скосив глаза и высунув язык. Понадобится не один час отдыха, чтобы полностью избавиться от раздражения, вызванного заботливой супругой Льва Борисовича. Доктор радовался предстоящим выходным дням.

... В воскресенье вечером раздался телефонный звонок. Игорь Соломонович сделал жене знак не звать его к аппарату.

– Его нет дома, – ответила жена и вдруг растерянно посмотрела на мужа. – Успокойтесь, дорогая, я обязательно передам ему. Да-а... не волнуйтесь, крепитесь, милая.

– Кошмар какой-то! Лев Борисович умер! – качала головой жена.

Игорь Соломонович вскочил с кресла.

– Как?! От чего?! – недоумевал доктор. – Дождалась, накликала-таки, старая выдра!

– Не надо так, Игорек! – вздыхала жена. – Бедняжка едва говорила. Они столько лет прожили вместе! Тяжко ей, такая нелепая смерть... Говорит, что Лев Борисович впервые забыл дома слуховой аппарат и не услышал, как сигналила машина – у водителя, то есть, у автомобиля, отказали тормоза. Сбил старика... Еще говорит, не зря ее тревога не покидала, хотя ты убеждал, что причин нет.

– Да-а, – задумчиво протянул Игорь Соломонович. – Я сказал, что у нее нет причин для беспокойства, а у него нет причин для смерти. Отшутился. Когда для смерти нет причин, она находит повод...

ЭМИЛЬ АГАЕВ

У «ПОДЪЕЗДА» ВЛАСТИ

*Почти как у Некрасова – помните его знаменитые
«Размышления у парадного подъезда».
Только здесь не размышления поэта – «кому на Руси жить хорошо»,
а сами поэты (и не только поэты).
Одним словом, поговорим на тему «Художник и Власть».*

Кому что

...Об этом чего только не сказано – миллион раз, самого разного. Иные – как правило, малоталантливые – хваля власть, видят в этом возможность добиться («рикошетом») какой-то похвалы или просто подачки сверху, другие (тоже чаще всего не корифеи искусства), наоборот, ищут популярности и славы, хуля власть, выставляя себя в качестве чуть ли не народных трибунов, выступающих в защиту гражданских прав (с оглядкой – опять же за подачкой, только не на власть, а за бугор, где такие разговоры щедро оплачиваются).

Третьи (возможно, самая достойная, а в каком-то высоком смысле – на самом деле гражданская позиция) – просто делают свое дело, занимаясь творчеством: пишут, ваяют, рисуют, стараясь держаться в стороне как от оппозиции, так и от власти, однако в какие-то моменты выходя тоже на авансцену политики. Но не с тем, чтобы хулить или превозносить, а чтобы сказать что-то на уровне своего творчества, талантливо и веско.

И, наконец, есть таланты, скажем так, заблудшие, наивные, которые – под давлением разных жизненных обстоятельств и, как правило, тех или иных сил, пытаются как-то использовать свое имя и в политических целях принимают ту или иную противоборствующую позицию, оказываясь на трибуне с тем, чтобы сказать что-то (случается, даже поверив в это!) с чьей-то лукавой подсказки.

Феномен Быкова

На последнем Съезде Союза писателей, когда кто-то вспомнил в своем выступлении Некрасова, Анар вставил реплику, которая рассмешила всех в зале. На одном престижном празднике поэзии в России, сказал он, на который съехались поэты и писатели со всего Союза, у входа он, Анар, увидел большой транспарант, на котором крупными печатными буквами было написано: «Поэтом можешь ты не быть...» (далее – ничего, только многоточие)!

На самом деле смешно. Однако в наши дни, вслед за появлением в сетях так называемой «народной», гражданской журналистики, стала появляться и гражданская литература. Многие блогеры упражняются в сочинении стихов, иной раз – неплохих.

Да и сами писатели все чаще навещают интернет.

Во-первых, для публичного самовыражения – так, например, на «фейсе» в эссе Камала Асланова или Рамиза Фаталиева содержатся всякого рода размышления о жизни, нередко интересные (зачастую перекликающиеся с их личным прошлым).

А, во-вторых, происходит своего рода ренессанс того, что мы называли когда-то, в советские времена, литературой на гражданскую тему или «гражданской литературой». Но это уже другая литература, принципиально противоположная той, что была-прежде – не пафосная, не декларативная, а на самом деле ГРАЖДАНСКАЯ и на самом деле – ЛИТЕРАТУРА.

Так, например, по всей России (и не только России) гремит слава проекта под названием – «Поэт и гражданин» (вот так, в лоб!) талантливейшего Дмитрия Быкова. Слава, пожалуй, не меньшая, чем в 60-70-е годы слава авторской песни. Что это? Это – беспощадно «бодаящая» сегодняшних российских политиков и явления нашей сегодняшней жизни «классико-пародийная» поэзия, я бы ее назвал так. Стихи на «злобу дня», написанные в жанре политической сатиры на манер, в стиле, «под текст» известных со школьной скамьи произведений русских классиков – от Пушкина до того же Некрасова.

Этот проект уже реализован на телевидении, на радио, даже в театре. Так, недавно я чуть не умер со смеху, смотря запись театрального...спектакля или шоу, уж не знаю, как это назвать – эти пародийные стихи Быкова блестяще читал сам Михаил Ефремов.

«Я...нулевой концептуалист»

А вот – совсем другое.

Смотрел по российскому ТВ беседу на тему «Художник и власть» с известным режиссером, снявшим «Москва слезам не верит» и ряд других известных фильмов, Сергеем Соловьевым. И на основной вопрос – как он относится к власти, этот умнейший и авторитетнейший (не только в мире кино) человек ответил так: «А на что, чем я могу повлиять? Ни на что, ничем! Власть иногда мне помогает, иногда мешает. Власть сама по себе, у нее своя жизнь, у меня – своя...Моя власть – это власть (надо мной) Пушкина, Толстого. Я делаю свое дело, власть – свое, у каждого свои интересы. Счастье нации – это когда ИНТЕРЕСЫ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ!» (*выделено мной – авт.*).

Говоря о Голливуде, Соловьев сказал так: «Они зависят от Бабла Ивановича, и снимают хорошие вещи, а то и шедевры, но и мы выпускали шедевры. Завися уже не от Бабла Ивановича – от власти!».

И он вспомнил, как ему на съемки «Анны Карениной» (а надо было 3 миллиона, для кино деньги небольшие) никто денег не давал. А потом дали – сначала государство, затем Первый канал. 15 лет ушло на съемки этой картины. И вот – фильм отснят, показан в ЮНЕСКО и хорошо встречен.

На мой взгляд, очень простое и точное определение. Вот Солженицын сколько лет воевал даже не с властью – с системой власти. И вроде даже победил. Как его встречала Москва, когда он, поддавшись уговорам (власти же!) решил вернуться. Толпы народа на перроне вокзала, крики: Сол-же-ни-цын! Сол-же-ни-цын! Его чуть ли не на руках понесли. А стоило Солженицыну выйти на трибуну Верховного Совета (по предложению опять же власти!), чтобы сказать свое умнейшее, годами изгнания и напряженных размышлений вынесенное слово, как его...Слушали, конечно, и даже иногда аплодировали, но... многие переговаривались между собой, ковыряли в носу.

Вот вам – «Бодался теленок с дубом»?!

Да, можно и так – власть сама по себе, у нее своя жизнь, у меня – своя...

– Я – нулевой концептуалист! – так сказал о себе знаменитый кинематографист. – Я не знаю ни одной концепции, которая может победить, с помощью которой можно что-то кардинально изменить. Но я знаю – переходить надо на зеленый свет, не на красный!

Позиция

С этим, конечно, можно спорить. Вспомним Эмиля Золя, его статьи в деле Дрейфуса, знаменитое толстовское «Не могу молчать», блестящую публицистику Узеира Гаджибекова и др.

Да, авторитетный в обществе человек, само его имя иной раз может служить в борьбе в чем-то. Не только писатель, но...Люди пера все же здесь более к месту.

«Я журналист, а потому у меня нет позиции», – сказал как-то Караулов, далеко не последний российский журналист. И он прав, если иметь в виду репортерство, поиск события и комментирование его не самим журналистом – специалистами.

Но другое дело литература, публицистика. Тут мало поиска материала, нужно осмысление, нужно СВОЕ отношение, своя честная позиция (не ПОЗА, которую зачастую выдают за позицию!), свой взгляд. А тут, помимо всего прочего нужна именно честность, иначе говоря, БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ.

Казалось бы, я противоречу сам себе – ведь позиция предполагает те или иные убеждения, свое отношение, взгляд. Но это – только внешнее противоречие.

Все дело в том, что искренность и беспристрастность предполагает в каждом случае СВОЙ, ничем не заданный взгляд, требует свободы мысли. Да, это трудно...

Мне просто повезло

Я испытал это на собственной шкуре, что естественно для людей моего поколения. Были у меня – а начинал я в «Молодежке» – репортажи о стройках Сумгайыта, помню, как сейчас, придуманное мной сравнение железных конструкций будущего здания с деревцем, которое вырастет в высоченную трубу (на летучке потом это похвалили), что-то еще.

Но вот материал, написанный мной на основе письма в редакцию девушки, которая приехала откуда-то из российской глубинки (Сумгайыт, как и Али-Байрамлы, Мингечаур, строила, что называется, вся страна), и возмущалась, насколько я помню, теснотой в общежитии. Я написал его в форме письма к этой девушке, в котором...осудил ее за чрезмерные претензии, назвав статью «Давайте-ка подумаем», что вызвало возмущение редактора. Мол, чего тут думать? Что это я – против политики партии и правительства, против создания «большой химии»?

Со скрипом проходил и «многосерийный», с продолжением в трех номерах, мой очерк «Плата за Каспий». Было это в середине 60-х, когда слово «экология» только-только у нас появилось. Профессор Гюль выступил тогда в «Комсомолке» со статьей, в которой он подсчитал (в рублях!), какую выгоду дает нам черная икра, а какую – «черное золото». И оказалось, что икра несравненно выгоднее; к тому же, в отличие от нефти, запасы ее неистощимы, поскольку воспроизводимы. Эта статья, как и мой очерк, в котором я ее поддержал, очень нашумели в то время. Ведь тогда гремела слава Нефтяных Камней, вовсю шло «наступление на Каспий».

В дальнейшем, правда, мне просто повезло. «Литературная газета», где я работал многие годы, а затем АПН (в дальнейшем РИА Новости) – это была уже не совсем, скажем так, «советская пресса». Так, помню, мы получили в качестве чуть ли не

инструкции брошюру под названием «Информация – это товар». А потом постоянно требовали от нас дайджестов, бэкграундов для публикации за рубежом (АПН, в отличие от ТАСС, работало на зарубежную аудиторию) – что это за жанры, я впервые узнал именно тогда.

Но это – моя история, история публициста, жившего в эпоху советской однопартийной прессы, которому, повторю, просто повезло. Сейчас – другие времена. Но...

Феномен Гасанлы

На днях мой друг Азер Мустафазаде, директор издательства «Азернешр», преподнес мне 16 (шестнадцать!) книг про так называемый «геноцид армян», все – иностранных авторов; они выпущены с учетом тщательно подготавливаемого армянами столетия злополучного «геноцида»

(Этот проект, осуществляемый при содействии Фонда Гейдара Алиева, требует отдельного разговора).

Так вот. В архивной работе над одной из книг – самой, по словам Азера, лучшей! – принимал участие наш уважаемый историк Джамиль Гасанлы!

Естественный вопрос – ну чего, какого дьявола этот уважаемый всеми, в том числе и автором этих строк, ученый, доктор наук, вдруг полез в политику (под влиянием «энергии заблуждения», если прибегнуть к выражению Льва Толстого), выставив себя под давлением оппозиции в кандидаты в президенты, что само по себе не осуждается, помните, и Зардушт Ализаде тоже когда-то оппонировал на выборах Муталибову, но, что главное, явно с чьей-то малограмотной подсказки, позволил себе грубые, беспардонные выпады в сторону своего соперника, ныне действующего президента, на уровне дурной, желтой журналистики.

Ладно. Пусть упражняются в этом жанре те, кто относит себя к системной оппозиции, то есть занял позицию партийную, скажем так, кто в силу этого так или иначе жаждет принять прямое участие в политической деятельности.

Но вот ведь – в эту дуду задудели и те, кто от этого далек, кто по натуре или в силу своей профессиональной деятельности, попросту говоря, НЕ ПОЛИТИК (даже если когда-то и принимал участие в акциях Народного фронта в годы его подъема и славы).

Политика, чиновничья среда – это просто другой мир. И если кто-то из мира искусства или мира науки, по наивности или по неопытности, туда сунется, его ждет там неминуемое фиаско. Что он может сделать, что предложить, что противопоставить той же власти?! Примерно себя вести, честно служить обществу и государству, не воровать...Что еще?

(Правда, есть и исключения. Вот Замин Гаджи. Этот талантливый публицист работает в газете «Ени мусават». Однако, несмотря на то, что издание это оппозиционно, от Замина Гаджи достается не только власти, но и – самой оппозиции! А вообще-то, как человек, владеющий пером, он борется не с властью или оппозицией – с нашими недостатками и проблемами, а достаточно читаемая «Ени мусават» для него – скорее просто трибуна!).

Да, люди из сферы культуры, добившиеся каких-то успехов на своем поприще, едва ли в состоянии променять свое искусство, требующее совсем других дарований и навыков, чем дарование и навыки чиновника, пусть даже высокого ранга (а это – тоже профессия, и, надо сказать, сложная!), – едва ли в состоянии променять это, свое, на

профессиональную общественно-политическую деятельность.

(И, отмечу в скобках, я не случайно в подзаголовках, выше создал своего рода «перекличку» названий – «Феномен Быкова» и «Феномен Гасанлы»!)

А потому, в заключение, еще одна мысль упомянутого кинорежиссера. Во взаимоотношениях с властью, по его словам, «никогда не попадать в сферу фальшивизации, никогда не входить в сферу того, чего не понимаешь».

И еще – презрение к революции, которая, где и когда бы ни произошла, никогда никому ничего хорошего не дала.

– Я, как и все нормальные люди, не разрушитель – Хранитель! – объяснил Сергей Соловьев.

Просто и понятно.

СОБАКА – ДРУГ МАШИНЫ?

*Если бы только люди могли любить,
как собаки, мир стал бы раем.*

Джеймс Дуглас

...Живу я на даче. Но и когда жил в городе, в Ясамале, всегда чувствовал что-то теплое, как бы изначально привычное в утреннем «кукареку» петухов и еще – в отдаленном в ночи «перелаивании» собак. Слышалось в этом что-то надежное, домашнее. Вот одна собака подала голос, другая ответила, следом – третья, четвертая, какое-то время звучит целый дружный собачий хор, но потом – опять тишина и покой...Защищенный дом.

Ты уже в постели, закрываешь глаза, и тебе вовсе не мешают, а даже как-то усыпляют отдаленно глухо доносящиеся до тебя голоса собак. (Это тебе не кошачьи концерты за окном!).

Особенно остро это ощущается, конечно, на селе, когда ты приехал погостить к родственникам или знакомым. Но и в городе, где хватает окраин с «хаят еви» (буквально – жилым домом, но имеется в виду и наличие какого-то, пускай маленького, земельного участка, где можно и дерево посадить, и живность завести), – в городе, просто заполоненном по нынешним временам сельским людом, ухитряющимся держать у себя на балконе не только петухов, пчел...Ну, а уж собаки – известно, есть везде!

Так вот. Когда я жил в Ясамале, прямо за нашим домом, на 7-ой Салаханинской, соорудили автостоянку. Не очень это удобно – особенно тем, кто без машин, но делать было нечего, стали привыкать...

Но вот как-то вечером, когда я, проходя мимо автостоянки, возвращался домой, на меня залаял пес. Подбежал к самому краю автостоянки и лаял – зло и уперто. И это не первый раз. Я шел пешком, а этот пес, да и другие прилудные собаки, нашедшие здесь приют, не считали за людей нас, пешех. Не признавали нас, облаивали.

А вот с машинами – другое дело! Вопреки песьему инстинкту, бросающему их прямо под колеса проезжающих машин – всему быстро движущемуся, ненавистно железному...

По-видимому, привыкнув за тысячелетия совместной жизни к человеку и к дру-

гим домашним животным, собаки до сих пор не могут до конца привыкнуть к железным существам на колесах. Считают их за воришек, обманным путем несущимся, удирая, мимо, и, облаивая их, они таким образом спасали людей с их домами, которые призывали защищать.

«А вот эти, эти...Какие-то выродки, – подумал я, обходя лающего на меня пса. – Служат не людям – машинам!»

Стоя на балконе, я не раз наблюдал, как стоило за углом, подъезжая к автостоянке, машине просигнализировать – чтобы открыли ворота, как собачья братия оживала, тут же вскакивала, приходя в состояние неописуемого волнения, той собачьей верности и преданности, о которой сложены легенды, того нетерпеливого ожидания, которое тысячелетиями на земле являлось признаком реакции собаки на приближение Хозяина.

И когда машина, замедлив ход у железных штанг, вбитых в землю и служащих воротами автостоянки, въезжала внутрь, вся эта собачья свора, помахивая хвостами и даже повизгивая, бежала следом. Но вот машина останавливается, открывается дверь и показывается ее владелец. И в тот же миг собаки теряли всякий интерес к произошедшему, как по команде, медленно разбредались. Потягиваясь, сонливо забирались кто куда, нередко – с риском для себя – под машину.

Человек? Для них это уже неинтересно, то ли дело машина. И это-то – наш вековечный друг!

Похоже, машины, которые сюда приезжают (люди, пригнав их, уходят, захлопнув дверцу), и есть, как считают собаки, истинные их Хозяева. Ведь это они, машины, здесь живут, это их дом! Люди? Они моют машины, иногда, сев внутрь, вывозят машины на прогулку, что собаке вполне понятно, с тем, чтобы вернуть их обратно. То есть...СЛУЖАТ ИМ!

А потому это – СВОИ машины, которые надо любить и охранять, в отличие от тех, что мчатся по улицам, – это другие, Чужие. Тут инстинкт дворняжки срабатывает железно. Ели что-то убегает от тебя, несется мимо, значит – чужак, вор! Догони, схвати, укуси...

Но собаки – бог с ними. Вы не замечали – есть и вправду что-то внушающее уважение, Преданность, что-то особенное и в самой стоящей во дворе перед твоим домом или на той же автостоянке машине. Она торжественно, величественно замерла, тая в себе Ожидание Движения. Ее запертые двери словно бы ждут, пока к ним прикоснется чья-то рука, надавит на рычаг ручки, распахнется дверца и с характерным глухим шумом захлопнется.

Раздастся звук стартера, проснется мотор, взревет пару раз, как бы разминая затекшие мускулы, и машина тронется с места, придет в движение. С чувством своих нечеловеческих возможностей, собственного, скажем так, достоинства. Вальяжно. Как бы возвращаясь в то свое состояние, которое привычно для нее (но не для нас!), для чего она и создана...

Чуть было не написал – Всевышним! Нет, создана Она нами, это Земное Творение, нами самими!

Преданными в то же время (чуть ли не по-собачьи влюбленно!) Ей, этой могучей и блестящей, быстроногой красавице...

Машина – не роскошь, а средство передвижения?

Нет, и роскоши тоже (а тем более – у нас, на Кавказе вообще!). Только, в отличие от женских сережек (к слову, уже не только женских!) или массивного, дорогого кольца с бриллиантами, роскоши не простой – ЖИЗНЕННО ОПАСНОЙ...

(Впрочем, и драгоценности опасны – их крадут, за них убивают. Только в данном

случае – не кто-то кого. Убиваем мы сами себя!).

Знаю это по трагедии с Сыном, автолюбителем с большим стажем, технарем, который разбился-таки на своей новенькой и сравнительно, как гласит реклама, «безопасной» (охранительные пояса и прочее) машине – бэ-эм-ве!

Так что – прогресс-прогрессом, но нужно ли вот так торопить ПРИРОДУ? Подгонять ее – быстрее, быстрей!

Я описал, как этот технический прОГРЕ(й)с может изменить, разрушить ПРИРОДНЫЕ ИНСТИНКТЫ даже самого преданного, самого верного нам на протяжении всей истории человечества четвероногого друга. Друга, о котором рассказывают легенды, сказывают сказки (с интересом недавно посмотрел украинский мультфильм «Волк и Собака»), которому – более того – возведены Памятники!

И вот тебе, он стал служить уже не нам – Машинам...

А ведь, если честно, и мы сами – туда ж!

Все чаще домом для мужчины становится не сам его дом – Гараж. И жены все чаще ревнуют мужей...к тем же машинам, которых мужчины любят больше, чем жен, и которым готовы, подобно четвероногому другу, верно СЛУЖИТЬ!

P.S.

Я написал про автостоянку возле дома, в котором жил. Не знаю, сохранилась ли она сейчас – прошло полвека (да тогда и город у нас был другим, и машин на порядок меньше!)...

Но вот уже знаю точно, испытал на своей шкуре, что сделали с другим домом, в котором я жил. Не буду повторяться, я об этом уже писал.

Просто напомним – этот наш дом, как и весь район Басина, бывшей «джугут мекелеси», снесли, выгнав в шею людей и отдав весь этот район под подземный гараж. То есть машинам.

Вот так – машины вместо людей!

Машины нас выживают, выгоняют из города на дачи (у кого они есть). Жить в городе становится уже все трудней, а то и просто невозможно...

Ну, а у себя на даче я просыпаюсь вместе с пением петухов, а засыпаю, слыша отдаленное в ночи, где-то там, «перелаивание» собак.

Я – дома. И собаки защищают еще дома, а не автостоянки. Людей, а не машины...

От редакции

Скоро год, как с нами нет Эмиля Агаева. 11 октября ему должно было исполниться 78 лет. Но мы периодически печатаем его неопубликованные статьи, очерки, эссе. Все это благодаря Рафиге-ханым Агаевой, супруге покойного Эмиля. Она разбирает архив писателя, присылает нам его рукописи. Благодаря ее стараниям, жизнь Эмиля-муаллима и после его смерти как бы еще продолжается. Будто сам Эмиль Агаев приходит, уютно располагается за столом редакции, куда ходил около полувека.

Когда перед тобой еще не опубликованные произведения ушедшего недавно из жизни писателя, ощущение утраты особенно разит душу. Ведь вот он перед тобой, он еще живет, дает советы, негодует, рассуждает. Там – жизнь, он и не думает о смерти, и сами рукописи еще теплые, хранят дух писателя...

ТОФИК АГАЕВ

**Слишком крылатые
чтобы взлететь**

**Слишком пушистые
чтобы приземлиться**

**Дожди
не долетевшие до земли
поливают звезды**

**Никто не умер
никто не умрет**

**мертвые живут
на кладбище**

**Время смеяться
и время плакать
выбираю смех
сквозь слезы**

**И звездную книгу читая...
Полумесяц в ней – запятая.**

**Вися на нитке воздуха,
Земля кружит без отдыха.**

**Жить бы столько,
Еще полстолько.**

**И когда-нибудь в тиши
загляни на дно души.**

БЕН ДЖЕЛЛУН ТАХАР (Марокко)

Родился в городе Фес в Марокко в 1944 году. Преподавал в средней школе, сотрудничал с многими журналами, в том числе с парижским журналом «Monde». Защитил докторскую диссертацию по социальной психологии. Творчество Бен Джеллуна Тахара пользуется большой популярностью во всем мире. Писатель является лауреатом престижных литературных премий, в частности, Гонкуровской премии за свой роман «Священная ночь» (Lanuitsacrée), которую он получил в 1987 году, международной премии Împas, полученной в 2004 году за роман «Слепящее отсутствие света»(Cetteaveuglanteabsencedelumière). Живет в Париже.

От переводчика:

Меня заинтриговала тема романа «L'Enfantdesable» «Дитя песка», Париж, издательство le Seuil, 1985 год – непреодолимое желание мусульман иметь в семье ребенка мужского пола, наследника, до какой степени абсурда можно дойти, пытаюсь осуществить это желание. Знакомая ситуация, характерная не только для Марокко, но и для других мусульманских стран, в том числе и для Азербайджана, хотя у нас религия не имеет столь сильного влияния на социум. Стиль писателя иногда напоминает мне цветистый стиль арабских сказок, а иногда философские притчи, где метафора настолько искусна, что понять ее при первом чтении сложно. Текст пронизан сексуальностью жаркой арабской пустыни. Роман не переводился на русский язык. Предлагаю вниманию читателей отрывок из романа, стр.15-41.

Дверь четверга

Благонравные друзья, знайте, что нас объединяет тайна слова на замкнутой улице, а может, и в путешествии на корабле, чей маршрут мне неизвестен. Эта история чем-то схожа с ночью; она темная, но богата образами; она должна завершиться светом, слабым и рассеянным; когда мы доживем до зари, мы освободимся, мы постареем на одну ночь, длинную и гнетущую. Половина столетия и несколько белых листочков будут разбросаны по мраморному двору нашего дома памяти. Некоторые из вас поддадутся искушению остаться жить в этом новом жилище или, по крайней мере, занять там маленькое место согласно размерам их тела. Я знаю, что искушение забвением будет сильным: фонтан чистой воды, к которому нельзя приближаться ни под каким предлогом, несмотря на жажду. Потому что эта история – тоже пустыня. Нужно идти босиком по обжигающему песку, идти молча, верить в оазис, что виднеется на линии горизонта, и бесконечно стремиться к небу, идти, не оглядываясь, чтобы не кружилась голова. Наши шаги выбирают дорогу по мере продвижения; позади не остается следов, но лишь пустота, пропасть, небытие. Мы смотрим всегда вперед, и мы доверяем своим ногам. Они уведут нас так далеко, как позволят им наши умы, уверовавшие в эту историю. Теперь вы знаете, что ни со-

мнение, ни ирония не участвуют в путешествии. Придя однажды к седьмой двери, может, мы станем по-настоящему благонравными людьми. Это приключение или испытание? Я бы сказал – и то, и другое. Пусть те, кто пойдет со мной, поднимет правую руку, заключив договор о верности. Другие могут уйти к другим историям, другим рассказчикам. Я рассказываю истории не для того, чтобы провести время. Истории сами приходят ко мне, живут во мне, меняют меня. Мне необходимо извлекать их из моего тела, чтобы освободить переполненные ячейки и получать новые истории. Вы нужны мне. Я вас вовлекаю в свое дело. Я сажаю вас на спину и на корабль. Каждая остановка – для молчания и раздумий. Никаких молитв, но большая вера.

Сегодня мы направляемся к первой двери, двери четверга. Почему начинаем с этой двери, и почему она так называется? Четверг, пятый день недели, день обмена. Некоторые говорят, что это день базара, день, когда горцы и крестьяне с равнин приходят в город и устраиваются у этой двери, чтобы продать свой недельный урожай. Может, это и верно, но я говорю, что это вопрос совпадения и случая. Какая разница? Дверь, которую вы видите вдалеке, величественна. Она великолепна. Дерево двери было украшено пятьюдесятью пятью мастерами, и вы увидите на ней более пятисот различных узоров. Итак, эта тяжелая и красивая дверь занимает в книге главенствующее место входа. Входа и прихода. Входа и рождения. Рождения нашего героя в четверг утром. Он пришел на несколько дней позже. Его мать была готова с понедельника, но ей удалось удержать его в себе до четверга, потому что она знала, что этот день недели принимает только рождение мальчиков. Назовем его Ахмед. Очень распространенное имя. Что? Ты говоришь, что нужно назвать его Кемаис? Нет. Имя не важно. Хорошо, я продолжаю: Ахмед родился солнечным днем. Его отец уверяет, что в это утро небо было хмурым, и что это Ахмед осветил его. Согласимся! Он появился после долгого ожидания. Отцу не везло; он был уверен, что давнее и тяжелое проклятие угнетало его жизнь: из семи рождений – семь девочек. В доме было десять женщин: семь дочерей, мать, тетя Айша и Малика, старая служанка. Проклятие приобрело размах во времени. Отец полагал, что довольно было одной девочки. Семь – это слишком, даже трагично. Сколько раз он вспоминал историю арабов доисламского периода, что хоронили своих дочерей живыми! Поскольку он не мог от них избавиться, он культивировал в себе по отношению к ним не ненависть, а безразличие. Он жил в доме так, словно у него не было потомства. Он делал все для того, чтобы их забыть, чтобы не видеть их. Например, он никогда не звал их по имени. Мать и тетя занимались ими. Он предпочитал одиночество, иногда он беззвучно плакал. Он говорил, что на лице у него написан стыд, что в теле его проклятое семя, и что он считает себя стерильным мужем или холостяком. Он не помнит, чтобы он коснулся лица одной из своих девочек. Между собой и ними он воздвиг мощную стену. Он был беспомощен и угнетен и больше не мог терпеть насмешек братьев, которые приходили в дом при очередном рождении с подарками: один приносил кафтан, другой сережки – улыбающиеся и насмешливые, как если бы они выиграли еще одно пари, как если бы это они управляли проклятием. Они открыто выражали свою радость и спекулировали на теме о наследстве. Вы не можете не знать, мои друзья и единомышленники, что наша религия беспощадна к мужчине без наследника; она лишает его всего в пользу братьев. Что касается девочек, то они получают только треть наследства. Значит, братья ожидали смерти старшего брата, чтобы поделить между собой большую часть его состояния. Глухая ненависть разделяла их. Он постарался сделать все, чтобы поменять судьбу. Он обращался к врачам,

факихам¹, шарлатанам, лекарям из всех провинций страны. Он даже повез свою жену на семь дней и семь ночей к гробнице марабу², где они питались сухим хлебом и водой. Она побрызгала себя мочой верблюдицы, а потом выбросила в море пепел от семнадцати благовоний. Она носила амулеты и заговоры, привезенные ею из Мекки. Она принимала редкие травы, привезенные из Индии и Йемена. Она выпила солоноватый и очень горький напиток, приготовленный старой колдуньей. У нее случилась лихорадка, тошнота, головная боль. Тело ее старело. Лицо покрывалось морщинами. Она худела и часто теряла сознание. Ее жизнь превратилась в кошмар, а ее супруг, всегда недовольный, с ущемленной гордостью, утраченной честью, давил на нее и обвинял в несчастье, обрушившимся на них. Однажды он ее ударил за то, что она отказалась от последнего испытания: провести по ее обнаженному животу сверху вниз рукой мертвеца и использовать эту руку в качестве ложки, чтобы съесть кускус³. В конце концов она согласилась. Вам не нужно говорить, мои друзья, что бедная женщина потеряла сознание и упала всей своей тяжестью на холодное тело мертвеца. Выбрали бедную семью, соседей, у которых только что умер дедушка, слепой и беззубый старик. Чтобы вознаградить их, супруг дал небольшую сумму денег. Она была готова к любым жертвам и лелеяла безумные надежды при каждой беременности. Но при каждом рождении радость исчезала. Она тоже начала терять интерес к дочерям. Она сердилась на них за то, что они появились на свет, она ненавидела себя и била по животу, чтобы наказать себя. Муж занимался с ней любовью по ночам, выбранным колдуньей. Но ничего не помогало. Девочка за девочкой, до ненависти к своему телу, до сумерек жизни. Каждое рождение встречали, как вы догадываетесь, гневными возгласами, слезами бессилья. Каждое посвящение в ислам являлось молчаливой и холодной процедурой, способом устроить траур в семье, семь раз пораженной несчастьем. Вместо того, чтобы зарезать быка или хотя бы теленка, мужчина покупал худую козу и проливал ее кровь в направлении Мекки очень быстро, произносил имя между губами так, что никто не слышал, а потом исчезал, чтобы вернуться домой лишь через несколько дней бродяжничества. Семь посвящений в ислам были проведены таким образом. Но восьмую церемонию он готовил месяцами в мельчайших подробностях. Он больше не верил целителям. Врачи отсылали его к тому, что написано в небесах. Колдуньи пользовались им. Факихи и марабу молчали. В тот момент, когда все двери были закрыты, он принял решение покончить с роком. Ему приснился сон: все было на своих местах у него в доме, он лежал, и к нему наведальась смерть. У нее было приятное лицо подростка. Она наклонилась и поцеловала его в лоб. Подросток был красоты необыкновенной. Лицо его менялось: то он походил на молодого человека, то на воздушную, исчезающую молодую женщину. Он уже не знал, кто обнимал его, но был уверен, что смерть нависла над ним, несмотря на обличье молодости и жизни. Утром он позабыл идею смерти и помнил лишь облик подростка. Он никому о нем не рассказал и тешился идеей, что перевернет жизнь свою и всей семьи. Он был счастлив тем, что эта идея посетила его. Какая идея? – спросите вы меня. Ну, хорошо, если позволите, я удалюсь, чтобы отдохнуть; что касается вас, до завтра вы можете угадать гениальную идею, посетившую этого человека в состоянии безысходности и краха за несколько недель до рождения нашего героя. Благонравные друзья и попутчики, приходите завтра, захватив хлеба и фиников. День будет длинным и нам придется пройти по очень узким улочкам.

¹ Учитель Корана.

² Мусульманский святой в странах Магриба.

³ Блюдо арабской кухни.

Вы можете убедиться в том, что наш караван немного продвинулся по дороге первой двери. Вижу, что каждый принес провизию для путешествия. Этой ночью я не мог спать. Меня преследовали и терзали призраки. Я вышел и встретил на улице лишь пьяниц и бандитов. Они хотели ограбить меня, но ничего не нашли. На заре я вернулся к себе и проспал до полудня. Поэтому я опоздал. Но я вижу в ваших глазах беспокойство. Вы не знаете, куда я вас веду. Не бойтесь, я тоже не знаю. Любопытство, которое я читаю на ваших лицах, будет ли оно удовлетворено однажды? Вы захотели слушать меня? Так следуйте за мной до конца.... Конца чего? Кольцевые улицы не имеют конца!

Его идея проста, но сложна для осуществления и для сохранения во всей силе: ребенок, который родится, будет мальчиком, даже если это девочка! Вот такое его решение, непоколебимое решение. Однажды вечером он позвал беременную супругу. Заперся с ней в комнате на террасе и сказал ей твердым торжественным тоном: «Наша жизнь до сегодняшнего дня была лишь глупым ожиданием, словесным поединком с фатумом. Наша невезение, если не сказать несчастье, не зависит от нас. Ты благонравная женщина, покорная, послушная, но после рождения твоей седьмой дочери я понял, что в тебе есть ущербность: твой живот не способен родить ребенка мужского пола; он устроен таким образом, что не выносит никогда никого, только самок. Ты ничего не можешь поменять. Это физический недостаток, недостаток гостеприимства, который выражается независимо от тебя каждый раз, когда появляется риск того, что родится мальчик. Я не могу на тебя обижаться. Я благонравный человек. Я не отрекись от тебя и не возьму второй жены. Я тоже упорствовал над твоим больным животом, я хочу быть тем, кто вылечит его, тем, кто меняет его логику и привычки. Я бросил ему вызов: он даст мне мальчика. Моя честь наконец будет реабилитирована, моя гордость выставлена напоказ; мое лицо покраснеет от удовольствия; лицо мужчины, отца, который может умереть в мире, не позволив своим хищным братьям промотать его состояние и оставить вас в нужде. Я был терпелив с тобой. Мы объехали всю страну, чтобы выйти из тупика. Даже в гневе я старался не стать насильником. Конечно, ты можешь упрекнуть меня в отсутствии нежности к твоим дочерям. Они твои. Я дал им свое имя. Я не могу дать свою привязанность, потому что я их не хотел. Они все появились по ошибке, вместо долгожданного мальчика. Ты понимаешь, почему в конце концов я перестал с ними видеться и беспокоиться об их судьбе. Они выросли с тобой. Знают ли они, что у них нет отца? Или что их отец всего лишь ущербный страдающий призрак. Их рождения были для меня трауром. Тогда я решил, что восьмое рождение станет праздником, церемонией, радостью, которая будет длиться семь дней и семь ночей. Ты будешь матерью, настоящей матерью, будешь принцессой, потому что родишь мальчика. Ребенок, которого ты подаришь миру, будет мужского пола, будет мужчиной, его будут звать Ахмед, даже если это будет девочка! Я все устроил, все предусмотрел. Мы позовем Лалу Радиу, старую повитуху; ей осталось жить год или два, и потом, я дам ей достаточно денег, чтобы она хранила тайну. Я уже говорил с ней, и она сама мне сказала, что у нее была та же идея. Мы быстро согласились. Ты, естественно, будешь колодцем и могилой тайны. Твое счастье и даже твоя жизнь будут зависеть от этого. Этот ребенок будет встречен как мужчина, что осветит своим присутствием сумрачный дом, он будет воспитан в традиции мужчин, и конечно он будет руководить и защищать вас после моей смерти. Нас будет трое, знающих тайну, потом нас останется двое, Лала Радиа уже немощна, она скоро нас покинет, а потом ты останешься одна,

потому что я на двадцать лет старше тебя и во всех случаях уйду раньше тебя. Ахмед останется один и будет царить над домом женщин. Мы заключим тайное соглашение: дай мне твою правую руку, чтобы наши пальцы сплелись и поднесем две соединенные руки сначала ко рту, а затем ко лбу. Поклянемся в верности до смерти! А теперь совершим омовение и поклянемся на открытом Коране».

Таким образом, соглашение о тайне было заключено! Жена могла лишь согласиться. Она подчинилась мужу, как обычно, но на этот раз почувствовала, что их объединяет общее дело. Наконец она была сообщницей мужа. Ее жизнь приобретала смысл; она садилась на корабль тайны, который будет плыть по дальним невиданным морям.

Великий день, день родов наступил. У женщины оставалась маленькая надежда: возможно, судьба подарит ей настоящую радость, что сделает ненужными интриги. Увы! Судьба была верна и упряма. Лала Радиа была в доме с понедельника. Она очень тщательно готовила эти роды. Она знала, что они будут необычными и, возможно, последними в ее долгой карьере. Девочки не понимали, почему все так суетятся. Лала Радиа шепнула им, что родится мальчик. Она сказала, что ее интуиция никогда не подводила ее; эти вещи не подвластны разуму; она чувствовала, что это мальчик, по тому, как ребенок двигался в животе матери. Он толкался грубо, как мальчик! Девочки были смущены. Это рождение все перевернет в семье. Они переглядывались, не говоря ни слова. Во всяком случае, в их жизни не было ничего волнующего. Может, брат их полюбит! Слухами полнились квартал и семья: у Гаджи Ахмеда будет мальчик...

А теперь, друзья мои, время полетит очень быстро. Мы больше не зрители; мы тоже погрузились в эту историю, грозящую похоронить нас на том же кладбище. Потому что воля неба, воля Бога возгорятся от лжи. Ручей перекроют, он наполнится и станет большой рекой, что затопит мирные жилища. Мы будем этим кладбищем на границе сна, где хищные руки выкопают мертвых, чтобы обменять их на траву забвения. О, друзья мои! Внезапный свет, ослепляющий нас, подозрителен; он предвестник сумерек.

Поднимите правую руку и повторяйте за мной: добро пожаловать, существо далекое, лицо ошибки, двойник тени, о, ты, столь долгожданный, столь желанный, тебя призвали, чтобы изменить судьбу, ты приносишь радость, но не счастье, ты ставишь палатку в пустыне, но это жилище ветра, ты – богатство из пепла, жизнь твоя будет долгой, испытание для огня и терпения. Добро пожаловать! О, ты, день и солнце! Ты будешь ненавидеть зло, но кто знает, будешь ли ты творить добро... Добро пожаловать.... Добро пожаловать!

Я вам говорил...

Всю семью пригласили и собрали в доме Гаджи с вечера среды. Тетя Айша суетилась, как ненормальная. Оба брата с женами и детьми приехали, беспокойные и нетерпеливые. Близкие и дальние двоюродные братья также были приглашены. Лала Радиа закрылась с женой Гаджи. Никто не мог их побеспокоить. Черные женщины готовили обед на кухне. К полуночи послышались стоны: это были первые схватки. Старые женщины молились пророку Мухаммеду. Гаджи мерил шагами улицу. Его братья держали военный совет. Они разговаривали тихими голосами в углу гостиной. Дети заснули там же, где поели. Ночная тишина прерывалась лишь стонами. Лала Радиа молчала. Она нагревала воду в тазах и раскладывала пеленки. Все спали, кроме Гаджи, повитухи и двух братьев. На заре зазвучал призыв к молитве. Несколько че-

ловек, похожие на сомнамбул, поднялись и стали молиться. Теперь женщина кричала во весь голос. Утро осветило дом, где все пребывало в большом беспорядке. Черные кухарки немного прибрали и приготовили суп¹ на завтрак. Братьям пришлось пойти на работу. Дети почувствовали себя на каникулах и остались играть у входа в дом. К десяти часам этого исторического утра, в то время, когда все собрались у комнаты для родов, Лала Радиа приоткрыла дверь и издала крик, в котором радость мешалась с возгласами «ю-ю²», а потом повторяла до изнеможения: это мужчина, мужчина, мужчина... Гаджи оказался в центре собравшихся и вел себя как князь, дети целовали ему руку. Женщины встретили его пронзительными криками «ю-ю!», прерываемыми похвалами и молитвами, вроде: «Сохрани его, Господи... Солнце взошло.... Конец тьмы.... Велик Господь... Да пребудет с тобой Господь...».

Он зашел в комнату, закрыл дверь на ключ, и попросил у Лалы Радии раскрыть пеленки новорожденного. Это, конечно, была девочка. Его жена закрыла лицо, чтобы поплакать. Он держал ребенка в левой руке, а правой резко сорвал платок и сказал жене: «К чему эти слезы? Надеюсь, ты плачешь от счастья! Посмотри, посмотри хорошо, это мальчик! Тебе больше не нужно прятать лицо! Ты должна гордиться... Через пятнадцать лет после нашей женитьбы ты подарила мне ребенка, мальчика, мой первый ребенок, посмотри, как он красив, потрогай его маленькие яички, его пенис, это уже мужчина!» Потом, повернувшись к повитухе, он сказал ей, чтобы она заботилась о ребенке и не позволяла никому к нему приближаться или трогать. Он вышел из комнаты с улыбкой на лице.... Он нес на своих плечах и лице мужскую энергию всего мира! В пятьдесят лет он чувствовал себе легким, как молодой человек. Он уже забыл – или, может быть, притворялся – что все устроил сам. Он увидел девочку, но твердо верил, что это был мальчик.

О, мои друзья, наша история только в самом начале, но головокружительные слова уже царапают мне кожу и сушат мой язык. У меня нет слюны, и кости мои устали. Мы все – жертвы нашего безумия, спрятанного в глубинах желания, которое не стоит озвучивать. Воздержимся от того, чтобы вызвать неясные тени ангела, того, что имеет два лица и живет в наших фантазиях. Лицо неподвижного солнца. Лицо луны-убийцы. Ангел переходит от одного лица к другому в зависимости от жизни, что мы вытанцовываем на невидимой нити.

О, друзья мои, я иду по этой нити. И если завтра вы меня не увидите, знайте, что ангел перешел на сторону пропасти и смерти.

Дверь пятницы

Уже несколько дней, как мы связаны шерстяными нитями одной истории. От меня к вам, от каждого из вас ко мне идут нити. Они еще тонкие. Но они связывают нас так же, как договор. Оставим за спиной первую дверь, которую закрывает невидимая рука. Дверь пятницы объединяет для отдыха тела, сосредоточенности души и для празднования дня. Она открывается, и мы видим семью, которая празднует, милостивые небеса, плодородную землю, мужчину, вернувшего честь, женщину, признанную, наконец, матерью. В эту дверь войдет только счастье. Это ее назначение или, по крайней мере, у нее такая репутация. Каждый из нас видел, как эта дверь открывается посреди ночей и освещает их, пусть даже недолго. Это единственная движущая дверь, идущая вперед вместе с судьбой. Она останавливается только для тех,

¹ Специальный суп, который готовят при рождении ребенка.

² Возглас арабских женщин, выражающий восторг.

кто не любит свою судьбу. В противном случае для чего она нужна? Через эту дверь вошла Лала Радиа.

Праздник посвящения в ислам был грандиозным. Быка зарезали, чтобы дать имя: Мохаммед Ахмед, сын Гаджи Ахмеда. Молились вслед за главным факихом и муфтием города. Блюда с едой раздали бедным. Длинный и прекрасный день должен был стать памятным. И в самом деле, даже сегодня все помнят о нем. Говорят об этом дне, упоминая силу быка, принявшегося бегать по всему двору после того, как ему отрезали голову, двадцать низких столов с целыми баранами, андалузскую музыку, исполняемую оркестром под руководством Мулея Ахмеда Лукили... Празднества длились несколько дней. Ребенка показали издали. Никто не мог к нему прикоснуться. Им занимались только Лала Радиа и мать. Семь девочек держались в стороне. Отец сказал им, что с этой минуты уважение к Ахмеду – все равно, что уважение к нему. Они опустили глаза и не произнесли ни слова. Редко можно встретить человека, чье счастье заключается в том, чтобы передать и поделиться своей радостью с другими. Он купил полстраницы в большом национальном журнале, поместил там свое фото. А под ним подпись:

«Бог милостив.

Он осветил жизнь и очаг вашего покорного слуги, горшечника Гаджи Ахмеда Сулеймана. Мальчик, пусть сохранит его Бог и подарит ему долгую жизнь, родился в четверг в 10 часов. Мы называли его Мохаммедом Ахмедом. Это рождение предвещает плодородие земли, мир и благоденствие для страны. Да здравствует Ахмед! Да здравствует Марокко!»

Много сплетничали по поводу объявления. Не было привычки выставлять на показ частную жизнь. Гаджи Ахмеду было плевать. Главное для него – объявить новость как можно большему числу людей. Последнее предложение вызывало реакцию. Французской полиции не понравилось «Да здравствует Марокко!». Национальные активисты не знали, что этот ремесленник также хороший патриот.

Политический аспект объявления быстро забыли, но весь город долгое время вспоминал о рождении Ахмеда.

В течение всего года в доме царили радость, смех, праздник. Все было предлогом, чтобы пригласить оркестр, чтобы танцевать и петь, празднуя первое произнесенное слово, первые шаги принца. Церемония с парикмахером длилась два дня. Постригли волосы Ахмеда, насурьмили глаза. Его, одетого в белую джеллабу и покрытого красной феской, посадили на деревянную лошадку. Мать отвела его к святому города. Она посадила его на спину и семь раз обошла вокруг могилы, прося у святого заступиться перед Богом, прося защиты от дурного глаза, болезней и зависти окружающих. Ребенок плакал в толпе женщин, толкающихся, чтобы дотронуться рукой до черного покрывала на могиле.

Ребенок вырос в почти каждодневной эйфории. Отец думал об испытании обрезанием. Как быть? Как отрезать воображаемую крайнюю плоть? Как не отпраздновать переход от возраста ребенка к возрасту мужчины? О, друзья мои, случаются безумства, неизвестные дьяволу! Как он преодолет трудности и придаст еще большую достоверность своему плану? Конечно, он мог подвергнуть обрезанию другого ребенка вместо своего сына. Но имелся риск: об этом рано или поздно узнают! Представьте себе, он привел к цирюльнику своего сына, раздвинул ему ноги, и кровь потекла, брызнув на бедра ребенка и лицо цирюльника. Ребенок даже заплакал, и его задарили подарками, принесенными всеми членами семьи. Лишь несколько человек

заметили, что у отца был завязан указательный палец правой руки. Он его прятал. И никто не подумал о том, что пролитая кровь была кровью пальца! Нужно сказать, что Гаджи Ахмед был могущественным и решительным мужчиной.

Кто в этой семье мог противостоять ему? Оба его брата не могли этого сделать. Впрочем, несмотря на подозрения, они не позволили себе ни одной рискованной шутки, ни намека относительно пола ребенка. Все прошло так, как предвидел и надеялся отец. Ахмед рос по правилам отца, лично занимавшегося его воспитанием. Праздник закончился. Теперь нужно было сделать из этого ребенка мужчину, настоящего мужчину. Парикмахер приходил каждый месяц, чтобы постричь его. Он ходил с другими мальчиками в кораническую школу, мало играл и редко гулял на улице своего дома. Как все дети его возраста, он сопровождал мать в мавританскую баню. Вы знаете, как сильно повлияло на нас это место, когда мы были детьми.

Мы все вышли из него невредимыми... по крайней мере, внешне. Для Ахмеда это не было травмой, но странным и горьким открытием. Я знаю, потому что он говорит об этом в своей тетради. Разрешите, я открою книжку и прочту, что он написал о походах в теплый парной туман:

«Моя мать положила в маленькую корзину апельсины, красные оливки, маринованные в лимонном соку. На голове у нее косынка, покрывающая хну, положенную накануне. У меня не было хны в волосах. Когда я захотел ее положить, она не разрешила и сказала: «Это для девочек!» Я замолчал и пошел за ней в хаммам. Я знал, что мы проведем там вторую половину дня. Я скучал, но ничего не мог поделать. На самом деле я предпочитал ходить в баню с отцом. Он мылся быстро, и я мог избежать бесконечной церемонии. Для моей матери это являлось случаем, чтобы выйти из дома, встретиться с другими женщинами и поболтать с ними, пока моется. А я умирал от скуки. Желудок сводило от колик, я задыхался от густого пара, окутывающего меня. Моя мать забывала обо мне. Она ставила свои ведра и беседовала со своими соседками. Они говорили все одновременно. Неважно, что они говорили, но они говорили. Им казалось, что они находятся в салоне, где для здоровья необходимо разговаривать. Слова и фразы летели отовсюду, помещение было закрытым и темным, то, что они говорили, словно задерживалось паром и оставалось висеть над их головами. Я видел, как слова медленно поднимаются и стукаются о влажный потолок. А там, похожие на пригоршни облаков, они таяли, соприкоснувшись с камнем, и капали обратно мне на лицо. Так я забавлялся; я позволял словам стекать по моему телу, но всегда поверх моих трусов, что приводило к тому, что слова, превращенные в воду, не касались низа живота. Я слышал почти все, и я следовал по пути, выбираемому фразами, которые, достигая состояния пара, смешивались и преображались в странную и зачастую забавную речь. Во всяком случае, меня это забавляло. Потолок походил на картину или табличку для письма. То, что там рисовалось, не обязательно было постижимым. Но поскольку нужно было хорошо провести время, я распутывал нити и выбирал что-то понятное. Некоторые слова падали чаще и скорее, чем другие, как, например: ночь, спина, груди, большой палец... едва произнесенные, они ударяли меня по лицу. Впрочем, я не знал, что с ними делать, отставлял их в сторону, в ожидании, что их подпитают другие слова и другие картинки. Удивительно, но капли воды, падающие на меня, были солеными. Я говорил себе тогда, что у слов вкус и аромат жизни. А для всех этих женщин жизнь была ограниченной. Мало что в нее входило: кухня, хозяйство, ожидание и раз в неделю отдых в хаммаме. Я втайне радовался тому, что не являюсь частью столь ограниченного мирка. Я жонглировал

словами, и они превращались иногда в фразы, падавшие мне на голову, вроде: «ночь солнце на спине в проходе где большой палец моего мужчины в дверях неба смех...» и вдруг осмысленная фраза: «вода очень горячая... дай мне немного холодной воды...» У этих фраз не было времени унести вверх под воздействием пара. Их произносили быстро и обычным тоном. На самом деле они ускользали от меня, и это меня ничуть не трогало. Что я мог поделать с пустыми, полыми словами, не способными взлететь и заставить меня мечтать. Были еще редкие слова, чарующие меня, потому что их произносили низким голосом, как, например, «*mani*», «*qlaoui*», «*taboun*».... Позже я узнал, что эти слова касались секса, и что женщины не имели права использовать их: «сперма», «яички», «вагина»... Они не падали. Они приклеивались к камням потолка и придавали им свой грязный, белесый или коричневый оттенок. Однажды между двумя женщинами случилась ссора из-за ведра воды; они обменялись ругательствами, громко произнося эти слова. Тогда слова стали падать, словно дождь, и я с удовольствием собрал их и спрятал в трусах! Я не мог долго хранить слова, они щекотали меня. Когда моя мать намылила меня, то очень удивлялась тому, какой я был грязный. А я не мог объяснить, что мыло уносило с собой все услышанные и собранные за день слова. Становясь чистым, я чувствовал себя голым, как будто избавился от старья, согревавшего меня. Потом у меня было полно времени, чтобы прогуляться, подобно черту, между бедрами всех женщин. Я боялся поскользнуться и упасть. Я цеплялся за выставленные напоказ бедра и мог увидеть низ живота, жирный и покрытый растительностью. Это было некрасиво. Даже отвратительно. Вечером я быстро засыпал, потому что знал, что во сне ко мне придут женщины, увиденные мной. Вооружившись хлыстом, я бил их, они были такими жирными. Я знал, что никогда не буду похож на них... Для меня это признак дегенератства. Я прятался вечерами, чтобы посмотреть в маленькое зеркальце на низ живота: ничего ужасного, белая чистая кожа, приятная на ощупь, без складок. В то время мать часто рассматривала меня. И она тоже ничего не находила! Зато она беспокоилась о моей груди, которую бинтовала белой льняной тканью; она так сжимала грудь тонкой тканью, что становилось трудно дышать. Необходимо было избежать появления груди. Я ничего не говорил, позволял это делать. У моей судьбы было преимущество, она была оригинальной и рискованной. Мне она нравилась. Время от времени появлялись внешние признаки, поддерживающие меня на этом пути. Так, однажды, когда кассирша хаммама не пустила меня, потому что посчитала, что я уже не маленький невинный мальчик, а маленький мужчина, способный одним своим присутствием в бане поколебать добродетель и вызвать тайные желания у честных женщин! Мать возмутилась для формы, но на самом деле была счастлива. Вечером она с гордостью рассказала об этом моему отцу, и он решил брать меня отныне с собой в хаммам. Я обрадовался и с большим любопытством ждал проникновения в мужской туман. Мужчины говорили мало; они позволяли пару окутать их и быстро мылись. Рабочая атмосфера. Они быстро обливали себя водой, удалялись в укромное место, чтобы побрить гениталии, а потом уходили. Я медлил и разгадывал влажные камни. На них ничего не было. Тишина прерывалась звуком упавших ведер или вскриками тех, кто получал удовольствие от массажа. Никакой фантазии! Они были скорее мрачными, спешили покончить с этим. Позднее я узнал, что много всего происходило в темных уголках, что массажисты не только массировали, что в темноте происходили встречи, и что подобная тишина была подозрительной! Я сопровождал отца в его мастерскую. Он объяснял мне, как ведет дела, представлял меня своим работникам и клиентам.

Говорил им, что я – будущее. Я мало говорил. Повязка вокруг груди сжимала меня. Я ходил в мечеть. Мне нравилось находиться в огромном доме, где принимали только мужчин. Я все время молился, часто ошибался. Я забавлялся. Коллективное чтение Корана вызывало у меня головокружение. Я нарушал слаженный хор и нес всякую чушь. Я получал большое удовольствие, нарушая их пыл. Я искажал священный текст. Мой отец не обращал на это никакого внимания. Главное для него было мое присутствие среди мужчин. Там я научился мечтать. Я любовался расписными потолками. На них были выписаны фразы. Они не падали мне на лицо. Я должен был к ним подняться. Я взбирался по колонне, подталкиваемый кораническим пением. Стихи быстро продвигали меня к вершине. Я устраивался в люстре и следил за движением арабских букв, выгравированных в гипсе, а затем в дереве:

«Если Бог даст вам победу,
Никто не сможет победить вас».

Я цеплялся за букву Алиф, позволяя потянуть себя букве Нун, которая оставляла меня в объятиях Ба. Таким образом, меня забирали все буквы, прогуливали меня вокруг потолка и потихоньку возвращали меня к точке отправления наверху колонны. Оттуда я скользил, спускаясь, словно бабочка. Я никогда не беспокоил покачивающиеся, читающие Коран, головы. Я делался маленьким и принимал к отцу, медленно засыпающему под пульсирующий ритм чтения. Толкаясь, мужчины выходили из мечети. Мужчинам нравилось прилипнуть друг к другу. Сначала проходил самый сильный. А я пробирался и защищался. Отец говорил мне, что нужно всегда защищаться. По дороге мы покупали творог, который готовили в белой проницаемой материи. А потом мы шли в пекарню за хлебом. Отец шел впереди. Ему нравилось наблюдать за тем, какой я самостоятельный. Однажды на меня напали хулиганы и отобрали хлеб. Их было трое. Я вернулся домой в слезах. Отец дал мне пощечину, о ней я помню до сих пор и сказал: «Ты не девчонка, чтобы плакать! Мужчина не плачет!». Он был прав, слезы – это женское! Я вытер свои и вышел в поисках хулиганов, чтобы подраться с ними. Отец поймал меня на улице и сказал, что слишком поздно!...»

Здесь я закрываю книгу. Мы покидаем детство и отдаляемся от двери пятницы. Я больше не вижу ее. Я вижу клонящееся солнце и ваши поднятые лица. Я не знаю, то ли это глубокая печаль – пропасть, вырытая во мне словами и взглядами, то ли странная ирония, где трава забвения покрывает лицо отсутствующего и сжигает мою кожу. Слова книги кажутся безвредными, но я, читающий их, взбудоражен, как если бы я потерял себя. О, люди сумерек! Я чувствую, что мои мысли беспорядочны. Теперь расстанемся, имейте терпение паломника!

**Перевод с французского
Гюлюш АГАМЕДОВОЙ**

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

ДВЕ СУДЬБЫ

К 175-летию со дня смерти М.Ю.Лермонтова

Под вечер 15 (26) июля 1841 года в Пятигорске, у подножья горы Машук, собрались несколько человек. Двое из них стояли с заряженными пистолетами в 15 шагах друг против друга. Одному из них, Михаилу Юрьевичу Лермонтову, было неполных 27 лет, другому же, Николаю Соломоновичу Мартынову, не исполнилось и 26. Оба они – из состоятельных и влиятельных семей, оба получили блестящее образование, оба учились в «Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров». Оба любили поэзию, писали стихи, были постоянными партнерами по фехтованию. Во время совместной службы на Кавказе участвовали в нескольких боевых вылазках против горцев. Лермонтов был своим человеком в семье Мартыновых и даже чуть не женился на сестре Николая, красавице Наталье.

При всей схожести судеб, их детские годы были разными. Детство Лермонтова было безрадостным: в три года он остался без матери, на попечении своей бабушки, деловой и властной женщины. Мальчик рос болезненным. Отсутствие материнской ласки и тепла, а также мужского влияния отца, который жил своей жизнью, сказались негативно на характере будущего поэта. Окружавшие его любовь и забота бабушки не оставили в душе светлых впечатлений. В угрюмом ребёнке растёт презрение к окружающей жизни. Всё чуждое и враждебное возбуждает в нём горькое разочарование.

Мартынов же рос во вполне благополучной семье, где было восемь детей. Поэтому и жизнь, и характеры Лермонтова и Мартынова сложились совершенно по-разному, что не мешало им дружить. Но, к великому сожалению, до поры, до времени....

Интересы будущих дуэлянтов также были различны. Лермонтов занимается музыкой, рисованием, изучает французский (в будущем им будет написано четыре стихотворения на этом языке), немецкий, английский, латынь. Впоследствии, на Кавказе, примется изучать «татарский» (азербайджанский) язык. В Грузии будет записывать грузинские слова и одной из своих поэм даст грузинское название — «Мцыри». Будучи поручиком (старшим лейтенантом), Лермонтов остается безразличным к военной жизни. Он занимается поэзией, пишет песни самого непринуждённого жанра.

До 1837 года поэтический талант Лермонтова был известен лишь в офицерских и светских кругах. Смерть А.С. Пушкина явила Лермонтова русской публике во всей силе поэтического таланта. Этот трагический момент в жизни русской поэзии стал моментом пробуждения истинного Поэта и поворотным пунктом в его дальнейшей судьбе. По иронии судьбы гибель Александра Пушкина на дуэли привела Михаила Лермонтова на Кавказ, где его жизнь также прерывает дуэль.

Мартынов же занимается военной карьерой, причем достаточно успешно. К своим неполным двадцати шести годам он уже майор, кавалер ордена Св. Анны 3-й степени с бантом. По воспоминаниям современников, это был человек весьма начитанный, с при-

ятной наружностью. Будучи высоким блондином, он пользовался успехом у женщин, хорошо танцевал, неплохо пел и рисовал. Его поздние стихотворные и прозаические произведения немногочисленны: поэма «Герзель-аул», повесть «Гуаша», ряд стихотворений – оригинальных и переводных. Писал он легко, язык свободный, ритм и рифмы почти всегда безошибочны. Вместе с тем Мартынову присуще повышенное самолюбие, нетерпимость к иному мнению, определённая жестокость характера. В его произведениях правдиво отразились реалии того времени – сцены из войны с горцами.

Весной 1841 года жизнь Мартынова резко изменилась – его уличили в нечестной картежной игре, а по тем временам это означало одно: отставка. Рухнула его военная карьера, не сбылась мечта стать генералом. Он поселился в Пятигорске, не желая с позором возвратиться к матери и сестрам в Москву.

Если портрет Мартынова однозначен, то портрет Лермонтова достаточно противоречив.

Биограф Лермонтова И.Л. Андронников так пишет о нем: «Через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека – грустного, строгого, нежного, властного, скромного, язвительного, мечтательного, насмешливого, наделенного могучими страстями и волей и пронизательным, беспощадным умом. Поэта бессмертного и навсегда молодого».

В описаниях внешности Лермонтова много противоречий. Одних современников поражали большие глаза поэта, другие запомнили выразительное лицо с необыкновенно быстрыми маленькими глазами. Для одних его глаза задумчивы, полны презрительности и страсти, другие же видели не глаза, а щели, полные злости и ума. Для одних у поэта милое выражение лица, широкий, но не высокий лоб, для других же у него необыкновенно высокий лоб. Но решительно все вспоминали непостижимую силу взгляда, ужасного во время вспышек гнева.

Из воспоминаний художника М. Е. Меликова: «Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица...». Впрочем, и сам Лермонтов смеялся над собой, говоря, что судьба, будто на смех, послала ему «общую армейскую наружность».

Противоречивость описаний внешности Лермонтова объясняется впечатлительностью и чувствительностью его характера.

Судя по огромному количеству написанных им произведений, его ум и перо никогда не отдыхали в течение всей его короткой творческой жизни. Выражение лица поэта постоянно менялось в зависимости от образа, который он описывал в определённый момент, даже во время обычной беседы. Все это отражалось в описании той или иной сцены или образа: княжны Мери, гения зла – Демона, героя своего времени Печорина, несчастной пленницы Бэлы...

Если описываемый образ был ему неприятен, выражение его лица, глаз становились жесткими, презрительными, и он позволял себе эпиграммы даже на близких ему людей, в число которых входил и друг его юношеских дней Николая Мартынов.

* * *

Причины дуэли между Лермонтовым и Мартыновым, приводимые в воспоминаниях их современников и исследователей, также достаточно противоречивы противоречивы.

Одни исследователи, желая видеть в Лермонтове революционера, обвиняли в его гибели императора Николая I, который не жаловал поэта и сослал его на Кавказ за крамольное стихотворение «На смерть поэта».

Существует версия советских времен: причиной дуэли были политические убеж-

дения Мартынова, мол, он, как сторонник монархизма, мог вступить за государя императора.

Еще одна версия: у Мартынова к Лермонтову были претензии в связи с тем, что, по мнению некоторых современников, прототипом княжны Мери в «Герое нашего времени» послужила его сестра Наталья Соломоновна.

А дуэль? Хотя еще со времен Петра I дуэль, как популярный способ выяснения отношений, была запрещена и наказуема, слыть дуэлянтом было очень престижно, особенно среди аристократической молодежи и офицеров, это возвышало их в глазах окружающих.

Не обошло это веяние и Лермонтова с Мартыновым, а также их друзей, которые не только с удовольствием поддерживали ссору между ними, но и провоцировали ее, предлагая свои услуги в качестве секундантов. Тем более, что компания у них на водах подобралась разношерстная.

Сам Николай Мартынов в конце жизни признался как-то: «Друзья-таки раздули ссору...» Далее он вспоминает: «...если бы вы только знали, что это был за человек! Он был просто невыносим», – это о Лермонтове.

Пятигорск того времени слыл в обеих столицах местом не только курортным, но и крайне модным. Отдыхающая там знать Петербурга и Москвы в то лето с любопытством наблюдала стычку между бывшими приятелями и даже подталкивала их к дуэли.

Даже близкие приятели Лермонтова, князь А. И. Васильчиков и князь С.В. Трубецкой, которые в меру своих сил и понимания того, что происходит, старались поединок предотвратить, все же не нашли нужных слов для примирения будущих дуэлянтов. Более того, один из них, а именно князь Васильчиков – неожиданно согласился стать секундантом Лермонтова и принять участие в дуэли.

Одновременно недруги Лермонтова, играя на чувствах Мартынова, подстрекали последнего к дуэли с поэтом. Конечно, никто не предполагал смертельного исхода дуэли. Сторонники Мартынова желали только одного: наказать этого «второго Пушкина», этого выскочку и пересмешника.

Вероятнее всего, причину дуэли надо искать в характере Лермонтова. Многие современники говорили, что в нем уживались два человека. Один – мягкий, доброжелательный, другой – полный сарказма, заносчивый и вздорный, насмешливый, даже жестокий в своих шутках.

Известен его экспромт в адрес Мартынова: «Наш друг, Мартыш, – не Соломон».

Как видите, экспромт достаточно оскорбительный.

Остроты Лермонтова не могли не злить Мартынова, он имел право отвечать тем же, но на остроумный ответ таланта не хватало.

Последней каплей, выведшей его из равновесия, была фраза Лермонтова на одном из вечеров, когда он, заметив Мартынова с кинжалом на поясе, сказал: «Ужасный горец с огромным кинжалом». В этот момент музыка оборвалась неожиданно, и слово «кинжал» прозвучало отчетливо и громко. И этот эпизод сделал дуэль неизбежной.

Из показаний Мартынова после дуэли: «... он выводил меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. Я решил положить этому конец... Я сказал ему, что прежде просил его прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь предупреждаю, что если он ещё раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, то я заставлю его перестать. Он не дал мне кончить и повторял несколько раз кряду, что ему тон моей проповеди не нравится; что я не могу запретить ему говорить про меня, то, что он хочет, и в довершение сказал мне: «Вместо пустых угроз ты гораздо лучше сделал, если бы

действовал. Ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь, следовательно, ты никого этим не испугаешь».

Не исключено, что существовали и другие причины дуэли, кроме обиды Мартынова на Лермонтова за его колкости, и эпиграммы в свой адрес.

Это и зависть к славе, которую он, Лермонтов, достиг за последние несколько лет после окончания юнкерской школы, зависть к таланту, которым он, Мартынов, не обладал. Это и желание молодого человека почувствовать славу героя-дуэлянта, романтику дуэли. Этот клубок причин для дуэли можно дополнить и обидой Мартынова за сестру Наталью, с которой у Лермонтова разладились отношения, и на его глазах поэт начал приударять за другими красавицами. (В эпиграмме на Лермонтова «*Mon cher Michel*», Мартынов советует ему разобраться в своих отношениях с мадам Adel и барышнями Ребровой и Эмилией Верзилиной).

Хотел ли Мартынов убивать своего бывшего друга? Я думаю, нет! Одно дело в бою стрелять в неприятеля, которого видишь в первый и последний раз, ибо тот человек просто имярек, не более. Другое дело, когда напротив тебя стоит давний друг, одноклассник, с которым сражались на поле брани против общего врага!

Целью Мартынова была защита своей чести и достоинства. Кому будет приятно, когда тебя неоднократно выставляют посмешищем среди знакомых барышень, офицеров, а тебе всего двадцать шесть лет! Отказ от дуэли был бы для него, боевого офицера, проявлением трусости. Сам факт дуэли, даже незначительное ранение Лермонтова, послужило бы самоутверждением, бальзамом для его, Мартынова, самолюбия. Не желая смерти Лермонтову, он все же его убил. Пуля из его пистолета хладнокровно и навечно определила дальнейшие судьбы этих двух молодых людей.

Но что защищал Лермонтов? Кто и как задел его честь? Ведь это он, Лермонтов, стал причиной этой дуэли, а не Мартынов! Вряд ли он думал о том, что через минуту погибнет. Когда Александр Пушкин вышел к барьеру, он защищал честь своей жены, свое достоинство мужа, защищал свою фамилию!

К понятию смерти Михаил Лермонтов, как офицер на фронте, относился спокойно, воспринимал как неизбежное явление. Часто он «убивал» героев своих произведений. Это безвинная жертва «Демона» Тамара; жертва интриг светского общества Нина в «Маскараде»; это гибель прекрасной Бэлы. Апофеозом картины смерти является гибель Грушницкого, красочно описанная им в сцене дуэли с Печориным. Но все это были лишь плоды его воображения.

А тут – реальная дуэль! Свист реальной пули, летящей в него! Возможно, стоя перед барьером, он чувствовал в себе зарождение сюжета будущего романа! Он не думал о смерти ни самого себя, ни Мартынова, он был охвачен азартом игры в дуэль! По его словам, смерти он не боялся: «Боюсь не смерти я. О нет! / Боюсь исчезнуть совершенно, / Хочу, чтоб труд мой вдохновенный / Когда-нибудь увидел свет....».

Лермонтов не мог выстрелить в Мартынова, в реального живого человека, стоящего в нескольких шагах от него. Но отказ от дуэли принизил бы его авторитет в кругу офицеров. На это он не мог пойти. Кроме того, Мартынова, как дуэлянта, он недооценил. Будучи прекрасным психологом, он не прочувствовал степень неприязни к нему Мартынова. И тот факт, что Лермонтов даже не направил в сторону Мартынова свой пистолет, лишний раз подтверждает мысль, что к этой дуэли он отнесся легкомысленно, как к простому эпизоду, как это было год тому назад, на первой дуэли.

* * *

Итак, как мне кажется, главная причина дуэли – это недопонимание смысла

жизни, бесшабашное, безрассудное к ней отношение. Произошедшее в Пятигорске – это большая человеческая трагедия. Трагедия непонимания и амбиций. Ведь мог же Лермонтов примирительной эпиграммой принести свои извинения и протянуть Мартынову руку дружбы? Мог! Но не сделал! Мог бы Мартынов, человек, который дослужился до звания майора за свою отвагу на войне, найти слова примирения? Мог! Но у него, храброго офицера, не хватило ни мудрости, ни смелости, глядя Лермонтову в глаза, крикнуть: «Один из нас через минуту покинет этот мир! Это ты меня оскорблял, выставлял шутом! Твоя бабушка и мои родители – друзья! И как кто-то из них теперь посмеет смотреть в глаза родственникам другого? Стреляй в меня, Мишель! Вот мой выстрел!» – и, выстрелив в воздух, бросить свой пистолет к ногам Лермонтова. Но Мартынову в голову не приходили такие мысли. Амбиции, уверенность в правоте своих действий взяли верх...

* * *

Далее судьбы этих двух людей были таковы: тело Лермонтова покоилось в пятигорской земле до 27 марта 1842 г., затем слуги бабушки поэта увезли его прах в свинцовом и засмоленном гробу в семейный склеп в селе Тарханы.

Мартынов за дуэль был приговорён военно-полевым судом к разжалованию и лишению всех прав и званий. Однако, по указу Николая I, приговор был заменен на трёхмесячный арест на гауптвахте и церковное покаяние.

«Он очень тяжело переживал гибель Лермонтова вплоть до своей кончины в 1875 году, ежегодно, в день дуэли заказывал панихиды по поэту и в конце жизни даже увлекся спиритизмом: пытался при помощи магического блюда связываться с потусторонним миром и разговаривать с другом Мишелем», – пишет исследователь Николай Фролов.

Мартынов умер в возрасте 60 лет и был похоронен в семейном склепе рядом со Знаменской церковью в селе Иевлево. Его могила не сохранилась, так как в 1924 году в усадьбу переселилась Алексеевская школьная колония МОНО, ученики которой разорили склеп, а останки Мартынова утопили в ближайшем пруду.

Судьба подарила ему страшное имя: убийца Поэта, и оно стало нарицательным, как и имя Дантеса.

